

18+

ЛИНА КОРОТАЕВА

Русский испанец

КНИГА ВТОРАЯ. МАРА

Лина Коротаяева

**Русский испанец.
Книга вторая. Мара**

«Издательские решения»

Коротаева Л.

Русский испанец. Книга вторая. Мара / Л. Коротаева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-691208-3

— А тебе, Ной, — Райан обернулся к брату, — я всегда говорил, тебе нужна женщина, которая привнесет в твою жизнь немного хаоса! Ну вот, твои молитвы услышаны! Наслаждайся! Он остановился и выкрикнул: — И помните, ребята, что жизнь слишком коротка, чтобы быть серьезными! Живите каждым моментом, любите безумно и не бойтесь пускать ветер в свои шёлковые платья! Мара, я всегда знал, что в тебе есть чертовщинка! Но чтобы вот так с ветерком! Ты — настоящая икона! Ной, береги её, она на вес золота!

ISBN 978-5-00-691208-3

© Коротаева Л.
© Издательские решения

Русский испанец

Книга вторая. Мара

Лиана Коротаева

© Лиана Коротаева, 2026

ISBN 978-5-0069-1208-3 (т. 2)

ISBN 978-5-0068-5337-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается моей маме...

**Все имена, места и события – вымышленные. Любое сходство с реальными – случайность. Автор не ставил целью кого-либо обидеть.*

«Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем.» (Екклесиаст 1:9)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

АПГРЕЙД

Я открыла глаза от криков чаек за окном, лёжа на правом боку, и было уже довольно светло. Рядом со мной спал Саша. Я несколько раз сжимала и разжимала глаза, напрягая зрение, чтобы окончательно убедиться, что проснулась, и попытаться понять, что он делает со мной в постели и что было вчера вечером. У меня иногда бывают такие утренние провалы в памяти, когда я просыпаюсь и не могу понять, снился ли мне сон или всё было на самом деле, поэтому я долго лежала под одеялом и вспоминала, что было вечером или ночью.

Вчерашний день был богат на события. Последнее, что я помнила, это слова Ноя о моей безопасности и поцелуй с ним в его машине вечером у дома. Когда я зашла в дом, в гостиной никого не было, и я сразу пошла в душ. Надев халат и повязав полотенце на голову, я упала в кровать, и всё – на этом мои воспоминания закончились. Утром на мне также был мой банный халат, а сползшее влажное полотенце растрепало мои волосы по всей кровати, закрыв лицо. Я не могла вспомнить, что Саша делает рядом со мной, и когда он ко мне прилег, и было ли у нас что-то, поэтому решила еще полежать и повспоминать: «О боже, меня вчера продали! И что мне теперь делать?» – думала я, вспоминая слова Ноя и нашу бурную любовь у него в резиденции в Мидтауне. – «Но я всё-таки нахожусь у мамы в доме, а не у Саши в квартире или в его загородном доме. Только что он делает у меня в кровати, не понятно! И потом, уехав в город с родителями, я могла бы жить в своей детской комнате, а не с Сашей или у Ноя!»

Я стала вспоминать Ноя. Мне казалось, что он – моя сказка и красивый сон. Я не могла поверить, что его роскошь на яхте и Мидтаун – это всё по-настоящему. Он стоял перед моими глазами со своей безумно-очаровательной улыбкой, слегка волнистыми волосами, грустными зелёными глазами и в рваных джинсах. А сейчас, утром мне уже не верилось вообще, что я с ним занималась любовью. Он был необыкновенным любовником. С ним я не могла себя совсем сдерживать, казалось, превращаясь, в мужчину. Мне всегда хотелось его разорвать или укусить – настолько он был нежным, воздушным и обаятельным со своей улыбкой и смехом. Саша был по-своему хорош, но он был грубоват, а порой агрессивен и непредсказуем в постели. В общем, я вспоминала Ноя и уже была счастлива.

Саша спал крепким сном рядом со мной, и на его груди спал мой котёнок Ной. Мне стало смешно, потому что котёнок улёгся на спинку, разложив лапки кверху и растянулся во весь свой рост. Маленькой передней лапкой котёнок упёрся Саше в колючий огромный подбородок с ямочкой, а его задние лапки торчали крючком. На такую идиллию можно было смотреть бесконечно, и я еле сдерживала смех от умиления. Мощь и слабость спали вместе, но главное – Ной спал на Саше, и это было символично, отчего я вспрыснула от смеха.

Саша дёрнулся вместе с котёнком, и они проснулись. Саша ещё не открыл глаза, а Ной уже уселся клубочком перед его подбородком, сложив маленький хвостик вокруг себя, и смотрел на спящего Сашу. Мне ещё больше стало смешно, и я уже прикрывала рот рукой, чтобы не засмеяться. Я уже забыла, когда у нас с Сашей был секс в последний раз, потому что каждый день что-то происходило, и я уже ничего не помнила, но то, что я вчера любила Ноя, это было однозначно, потому что у меня до сих пор чувствовалась тяжесть в груди от его любовных ласк.

Саша ещё дремал, когда котёнок потянулся и положил маленькую лапку ему на губы, отчего Саша открыл глаза, взял котёнка рукой, перевернулся ко мне и положил его между нами. Сейчас мы лежали и смотрели друг другу в глаза, и я уже смеялась, глядя на него сквозь волосы. С одной стороны, это было ужасно, потому что он меня продал, и мне надо было что-то с этим делать, а с другой стороны – я ещё лежала в кровати и не вставала, поэтому смеялась.

Он начал убирать с моего лица волосы, молча поглаживая пальцами. Потом пододвинулся ближе, убрал котёнка в сторону, и взяв меня в охапку, нагнулся надо мной, раздвигая мне халат в поисках моей груди. Откопав её в халате, он начал нежно целовать, обжигая колючей щетиной подбородка. Я уже ничего не понимала, что происходит, и когда мне надо психовать, потому что он накрыл меня вновь своим безжалостно долгим поцелуем, от которого я вновь стала задыхаться. Наконец, он остановился:

– Ты проснулась, моя девочка? – спросил он и полез ко мне под халат, положив руку на живот, потом между ног и начал ласкать внутреннюю часть бёдер, отчего я окончательно проснулась.

– Ты меня продал? – спросила я.

– Чего? – не понял Саша, а мне стало ещё смешнее от его ответа и своего вопроса.

– Я тебя хочу, моя милая, иди ко мне! – раздвинул он одним рывком мои ноги, и вдруг зазвонил его телефон. Он замер, глядя мне в глаза своими безумно красивыми глазами, которые я так любила. В таком положении мы слушали трели телефона, он ждал, когда они прекратятся, но телефон не унимался. Тогда он протянул руку к полу, чтобы взять его, и любовный порыв улетучился. Я хихикнула.

– Да чтоб тебя! – обматерил он телефон. Наконец, телефон умолк, и он выбросил его к двери, улыбаясь мне.

– Я вчера накормил Ноя кашей, пока тебя не было! – сказал он, а я уже не могла удерживать смех. Откуда у меня вдруг взялось столько смеха, я не понимала.

– Родители уехали к друзьям еще вчера вечером в какой-то поход на два дня, – начал Саша рассказывать о своих планах. – Я так и не понял ничего, к кому и куда. Мы сегодня запустим с тобой змея. Должен быть хороший ветер. И сегодня мы одни дома, а ты сегодня невероятно сексуальная. От тебя какой-то необычный запах, от которого я уже схожу с ума, – он вновь начал ласкать мою грудь.

«О боже! Я еще сплю? Змея? Он хочет запустить со мной змея?» – взрывался мой мозг. Опять зазвонил телефон, валявшийся у двери. Саша поднял его, и я увидела его совершенно обнаженным при дневном свете, от чего у меня всё сжалось внутри, настолько он был красив.

– Артур, да блин, что там опять? Я с женой сплю, – ответил он и стал слушать топ-менеджера, спускаясь вниз и одеваясь на ходу.

– Понял! – он замолчал. – Понял! Конечно, встретим. Отель подготовь. Пусть Макс подтягивается ко мне после обеда. На связи, – услышала я разговор Саши с Артуром.

Саша вновь поднялся в спальню, а я так и продолжала валяться под одеялом, когда на часах уже был полдень.

– Милая, у нас сегодня не получится запустить змея, – говорил он с сожалением, – в другой раз!

– А что случилось?

– Китаец прилетает из Пекина сегодня ночью. Надо встретить, устроить, и завтра я с ним в офисе буду весь день. Повезу показывать. Марина, ты останешься на всю ночь одна дома с Яном, хорошо?

– Нет! Ты что? Саша! Нет, только не с ним! Я его боюсь. Он меня точно изнасилует, и меня тошнит от него, – я натянула на себя одеяло с головой. – Отвези меня куда-нибудь.

– Так, – усмехнулся он, размышляя дальше, – без охраны я тоже не могу тебя никуда отправить. Давай я Ною позвоню, пусть он тебя приютит у себя на ночь на своей вилле, я хоть буду спокоен. Тут минут десять ехать к нему.

– Да, давай! – ответила я, не веря своему счастью.

– Сейчас я его наберу. Может быть, он даже там? Сейчас узнаю, – ответил Саша и спустился вниз. Я слышала их разговор внизу. Саша очень спокойно ему объяснял ситуацию со мной, без злобы, ревности и ненависти. Это был, казалось, вполне дружеский диалог двух друзей.

«О, боже! – я смеялась под одеялом и не верила поворотам своей судьбы. – Какая интересная всё-таки жизнь! Лежишь под одеялом, а она сама делает тебя счастливой!»

– Милая, Ной согласился.

«Ещё бы он не согласился!» – усмехнулась я про себя.

– Он вышлет машину с охранником после обеда, и ты поедешь к нему на виллу ночевать. Он сказал, что приготовит тебе комнату и накормит. Он будет работать допоздна в офисе и приедет, как освободится. Предупредит Глашу о твоём визите, – говорил Саша, а я не верила своим ушам.

«На всю ночь с Ноем? Я не ослышалась? Он меня отпускает? О, боже! Я уже ничего не понимаю!»

– Кто такая Глаша?

– Это, – Саша задумался, – как бы точнее сказать, типа его няньки, Арины Родионовны. Она с ним с детства, после гибели матери. Так и осталась с ним. Очень милая пожилая женщина. А сейчас как вроде управляющая на вилле. В общем, сама спросишь у него. Она тебя встретит. Я была окутана, казалось, какой-то тайной и так ещё и не узнала и не поняла, кто для них всех Ной, потому что с каждым разом я чувствовала непреодолимую связь этой семьи с ним.

«Мама, отец, Саша, Борис, Ной. Что их всех объединяет между собой?» – думала я, – и в каждой судьбе какие-то невидимые нити, связывающие их всех вместе. Я вдруг вспомнила разговор Ноя с Сашей на яхте, когда они разговаривали почти как братья, где Ной отчитывал Сашу, а тот его слушал и молчал. Потом дельфины, звёзды и встреча рассвета втроём в обнимку – я терялась в догадках, зная, как они могут то ненавидеть и ревновать друг друга, то вдруг встречаются и обнимаются, как будто нет бизнеса и недопонимания.

«Ничего не понимаю! Мама его обожает, папа им почти гордится и смотрит на него с раболепием. А что вдруг случилось с Сашей? Вчера он орал на меня во всё горло, ревновал, бесился и даже продал меня Ною, а сегодня утром даже не спросил, где я была и как всё прошло с офисом. Спокойно отправил меня с Ноем посмотреть офисы, а на следующий день везёт к нему ночевать.»

Я вспоминала рассказы мужчин, когда они говорили друг о друге ужасные вещи, про хищников, кракенов и мои разбитые мечты, пугая меня, а потом опять дружно общались, как

будто ничего и не было. Я была в полной растерянности и недоумении, но поняла одно – я сплю сразу с двумя мужчинами.

«Это я? Как? Это со мной происходит?» – спрашивала я саму себя, прячась под одеяло с котёнком, краснея и понимая, что люблю их обоих, но по-разному, по-своему, и не хочу ничего менять. Они оба мне были дороги: Сашу я любила как своего родного ещё с детства, казалось, что я его не смогу совсем выбросить из головы, потому что он был для меня уже как любимый муж-родственник. Мы могли с ним ругаться и драться как в детстве, но потом опять каким-то чудесным образом мирились и всё забывалось. От Ноя я просто сходила с ума: от его харизмы, смеха, романтики и отношения ко мне. Я его обожала и безумно скучала. С ним я постоянно смеялась, а не обливалась слезами, как с Сашей, и мне казалось, что не ревновала, хотя... Но с ним я чувствовала себя защищённой и свободной.

– Милая, вставай, хватит валяться! Уже час дня! Спускайся вниз, я сделал салат из авокадо. Иди поешь, а я ещё с документами посижу! – сказал мне Саша в спальне с сигарой во рту и в одних спортивных трусах.

«Я что-то пропустила? Салат? Что с ним?» – я уже не могла успокоиться от смеха.

– Саш, что мне надеть к Нюю вечером? – смеясь, спросила я у него, не высовываясь из-под одеяла.

– Ты что смеёшься всё утро? – посмотрел он на меня. – Сейчас я найду что-нибудь!

Он открыл шкаф с моей одеждой и стал перебирать мои платья, держа сигару в зубах. Я даже уже представила, что он мне предложит надеть.

«Сейчас выберет какое-нибудь чёрное кладбищенское длинное платье, как у монашки, всучит мне в руки томик Шекспира, посадит в машину и отвезёт к Нюю!» – от этих мыслей меня опять пробивал смех, но я не угадала. Он выбрал платье молочного цвета с играющими висюльками по всей длине, которые при движении плясали и сверкали. Это платье он мне сам купил, и я в нём приходила в офис. Оно не сильно обтягивало фигуру, но выразительно и сексуально акцентировало линии груди и бёдер. Длина платья достигала пола, а высокий разрез спереди открывал вид на ногу до самой резинки чулка.

– Остальное сама! – положил он платье на кровать и спустился вниз.

«Я сегодня опять буду куклой-Барби!» – я уже ничему не удивлялась со своими таинственными мужчинами, окружающими меня, начиная от Саши и Нюи и заканчивая двумя охранниками, которые не раз смотрели на меня с интересом.

КРИСТИАН

– Милая, поторопись, за тобой приехала машина! – кричал мне Саша снизу, когда я уже была готова к новым приключениям. – Я тоже тороплюсь!

Я приводила себя в порядок почти четыре часа и даже устала, потому что целый час делала крупные волны на волосах и укладывала их в высокую, беспорядочную копну на голове, украшая всякими шпильками с камушками. Получилось очень даже ничего: волос благоухал блеском и ароматами масел и ниспадал волнами на спину, виски и плечи. С остальным мне пришлось возиться совсем недолго: неяркий макияж с акцентом на светло-розовый оттенок, где на губы ложился едва розовый блеск, такие же румяна и тени. Девственно-розовые наброски на лице всегда придавали молодость и не старили, как яркие цвета помады.

Глаза я подвела стрелками и приподняла ресницы. Они стали выразительнее. Чёрная линия стрелок, точно изящный росчерк пера, подчеркнула мой разрез глаз, сделав их более хищными и манящими. Ресницы, взметнувшиеся вверх благодаря туши, добавили взгляду легкости и игривости. В зеркале отражалась не просто женщина, а тщательно выверенный образ. Лёгкий румянец на щеках, деликатно подчеркнутые скулы, нежный блеск на губах – всё это создавало гармоничную картину, в которой акцент был сделан на глазах.

Остальное – лишь штрихи: дорогой парфюм, чулки цвета кофе и такого же цвета бельё, туфли на шпильке с жемчужинами и камнями, и чокер из жемчуга с сердечком на шее, потому что он стал моим талисманом, потому что я полюбила Ноя.

Очень остро у меня встал вопрос с котёнком: оставлять его почти на сутки одного в большом доме мне не хотелось, и я решила его взять с собой.

«Ной, ты поедешь со мной!» – поцеловала я его в мордочку и положила в соломенную корзиночку с голубыми подушечками и одеяльцем. Котёнок был на удивление спокойным: не кричал и не бегал, а постоянно спал, особенно если пугался Саши. В моих руках он мог находиться постоянно, потому что я стала для него мамой, поэтому я была уверена, что, глядя на меня и чувствуя мой запах, он никуда не вырвется и не убежит. Котёнок был сибирской породы, белый и пушистый, с большими голубыми глазами. Его ошейник с брелком НОЙ придавал ему особую прелесть. На всякий случай я прихватила свой белый норковый палантин, чтобы либо прикрыть живот, либо уложить котёнка в него, и к тому же он мне идеально подходил к платью.

Я спускалась с корзинкой вниз, и Саша тут же подбежал помочь мне. Конечно, он ревновал, злился и одновременно восхищался образом своей жены, но в этот раз молчал. Ему льстило, что за его женой выются мужчины, особенно, миллионеры. В свете для бизнесменов это считалось престижным, отчего некоторые преуспевали в бизнесе только благодаря своим жёнам. Саша тоже выбрал этот тернистый путь, но ещё не совсем осознавал его дальнейшие последствия. Он проводил меня с котёнком к машине, поддерживая за локоть. Увидев машину, которую прислал за мной Ной, я обомлела. Я поняла, что именно эту машину он купил мне, и вчера говорил об этом.

Передо мной стояла последняя модель BMW iX3 синего цвета. Телохранители и Саша стояли с открытыми ртами и смотрели на это чудо техники, боясь подойти ближе, потому что в салоне сидел мой водитель и телохранитель в одном лице.

Я прижала корзинку с котёнком к груди от изумления. Внутри салона сидел молодой парень, и я сразу узнала своего грека с весёлыми глазами – Кристиана. Он сидел в салоне и ждал меня. Кристиан так гармонично смотрелся на фоне всей этой роскоши, что я не знала, куда бежать: разглядывать машину или разглядывать его. Увидев меня, Кристиан сразу вышел из салона, и я обомлела от него не меньше, чем от нового BMW.

Кристиан был одет не в униформу и даже не в чёрный костюм телохранителя. Он вышел из авто в спортивной майке, влажной от пота, плотно облегающей его тело, словно вторая кожа, открывая взгляду молодое тело. Майка плотно облегла торс, выставляя напоказ каждый мускул, каждый рельеф, словно скульптуру. Рваные джинсы, еле держащиеся на бедрах, намекали на дикую свободу и желание сорвать с себя все оковы. При росте под метр девяносто он не выглядел как «военная машина», но его грация и подтянутость говорили о не меньшем потенциале его физических возможностей. На шее и запястьях Кристиана при движении трепетали кожаные чокеры, дерзкие украшения, подчеркивающие его сильный характер. Волнистые волосы до плеч, с эффектом влажности, обрамляли его лицо, наделяя его обликом морского бога. Передо мной словно оживила дивная греческая статуя, воплощённая в пикселях нейросетью. Казалось, сам Зевс сошёл с небес, чтобы предстать передо мной в облике Кристиана. Наклонившись надо мной, как уже над своим охраняемым объектом, Кристиан передал мне открытку:

«*She's yours, just like me! Your Noah!*» (англ: Она твоя, как и я! Твой Ной!) Открытку я сразу убрала, но Саша, увидев её, выхватил и прочитал. Он промолчал, потому что уже не был главным игроком в этой игре, обменяв меня на то, что ему было важнее, а я приняла его правила игры, продолжая купаться в подарках миллионера, наслаждаясь каждым моментом. Мы были квиты и понимали это, поэтому молчали и не выясняли отношения: Саша боялся потерять всё, а я не собиралась ничего отдавать, а тем более уступать – мне и так было хорошо. Он

прекрасно понимал, что, если вдруг он мне не угодит или разозлит меня, я сразу уйду к Нюю, а он пойдёт по миру с протянутой рукой.

Насыщенный сапфировый цвет моей «бэхи» слепил глаза. Она играла бликами на солнце, и казалось, что машина была живая. Она выглядела большой, но не грубой, а скорее породистой.

– Это небольшой пентхаус, – загадочно улыбаясь, рассказывал мне Ной, обнимая в своей постели, – это «комфорт в квадрате», – а я даже не придавала его словам значения, потому что отходила от его любовных утех, от которых у меня болело всё тело.

«Боюсь даже представить, сколько он за нее отдал?» – подумала я.

Салон был квинтэссенцией роскоши: как только открывалась дверь, тебя тут же обволакивало нежнейшим ароматом дорогой кожи тончайшей выделки. Оттенки слоновой кости и кремового шелка в отделке создавали ощущение воздушности, а ромбовидная прострочка на сиденьях добавляла классического шика. Сиденья нежные, с перфорацией, будто созданы для того, чтобы утомлённая за день спина нашла долгожданное расслабление. Электрические регулировки положения во всевозможных плоскостях, подогрев, вентиляция, еще и массаж – это был настоящий СПА-салон на колесах.

Но что действительно поражало – это внимание к деталям, ориентированное на женские потребности, и всё, что мне нужно: зеркала в солнцезащитных козырьках не просто с подсветкой, а с регулируемым увеличением – идеальное решение для быстрого макияжа в любой ситуации. В карманах дверей предусмотрены изящные подставки для бутылок воды, а в центральной панели нашлось место для удобного держателя для мобильного телефона с беспроводной зарядкой – больше не нужно беспокоиться о разрядившемся аккумуляторе. И конечно, система объемного звучания погружала в мир музыки с такой безупречной чистотой, что хочется, чтобы дорога никогда не заканчивалась.

– О боже, а на что нажимать? Где все кнопки? – взглянула я внутрь салона, и мужчины засмеялись, потому что внутри был абсолютный минимализм во всём, и почти полностью отсутствовали физические кнопки. Из видимых – только на руле, но зато в центре находился огромный дисплей мультимедийной системы необычной формы. Руль у «бэхи» тоже был необычным: у него было четыре спицы, визуально разделяющие его на равные части. Я даже боялась до него дотронуться, чтобы не повредить эту роскошь.

– Я никогда не смогу научиться на ней ездить, – хныкала я, целуя котёнка.

– Зачем тебе? У тебя есть свой водитель и телохранитель, – посмотрел Саша со злобой на Криса, который следил за мной, поглядывая с настороженностью на Макса и Яна, и слушал только мои указания. Кристиан так и сказал Саше, что выполняет только мои приказы, а не его, отодвинув его рукой от меня, когда я собиралась сесть в салон вместе с котёнком, на что Саша вытянул лицо вместе с остальными.

Наконец, я уселась в салон благодаря поддержке Криса, потому что он запретил подходить ко мне остальным мужчинам, показывая рукой, чтобы те не приближались. Мы тронулись, и я всем помахала пальчиками.

– Крис? – показала я, глазами проводя по салону.

– Нет, она только ваша! Ничего здесь нет, – улыбнулся он.

Машина ехала так, словно летела по воздуху: не ощущалось абсолютно никаких вибраций или толчков.

– Крис, мы будем общаться с тобой только на испанском, хорошо?

– Без вопросов.

– Почему ты? Как? – начала я на испанском допрашивать его.

– Он предложил пятерым, но согласился я и ещё один, но я убедил Ноя, что я подхожу лучше!

– Он не догадывается?

– Думаю, что нет. Вам не стоит переживать, – ответил Крис мягким глубоким баритоном, пока я разглядывала его профиль. Он легко и свободно управлял кроссовером, как будто всегда на нём ездил, одновременно показывая мне функции и набирая скорость, демонстрируя её возможности.

«О господи, ты решил поиздеваться надо мной, постоянно посылая мне таких красавцев?» – стыдилась я сама себя и своих желаний, глядя на его открытую грудь, которая колыхалась на его теле при каждом движении.

– Кто все эти мужчины? Теперь я должен всё знать о тебе, чтобы ты была в полной безопасности, – говорил он таинственным голосом. – Кто муж, я догадался. Кто эти двое? – говорил он со мной так просто, как будто мы знали друг друга очень давно.

– Это его охрана, которая меня уже достала!

– Почему?

– Мне приходится самой выходить из машины и улаживать конфликтные ситуации в пробках, которые они же сами провоцируют, ну и потому что, они влюбились в меня, а муж это терпит, представляешь? – улыбнулась я. Кристиан заулыбался, но ничего не ответил.

– Куда мы едем? Мы же уже в городе, по-моему?

– Ной будет с тобой ужинать после работы, поэтому я везу тебя в ресторан Masa.

– Серьёзно? Ого!

– Сколько тебе будет платить Ной за твои услуги? Я буду тебе доплачивать раз в неделю **** \$, – назвала я цифру.

– Я не возьму от тебя денег. Он хорошо мне платит! – улыбнулся Крис.

– Крис, почему ты смеёшься? – спросила я у него.

– Я не смеюсь.

– В твоих глазах всегда смех, почему?

– Родился таким уродом, наверное, – сказал он, и мы оба засмеялись.

СТРАСТЬ

Кристиан позвонил Ною, когда мы подъезжали, и тот уже ждал меня у входа. Крис помог мне выйти из машины и проводил, оставшись в машине. Увидев меня, Ной широко расставил руки и улыбался своей неземной улыбкой, покачивая головой и показывая своё восхищение.

– Ты невероятная, любовь моя! Что это за безумно красивое платье? – поцеловал он мою руку и больше не отпускал. – Ты взяла с собой котёнка? – засыпал он меня кучей вопросов.

– Мне его некуда деть, а оставлять одного на сутки мне не хочется. Я же с тобой буду сегодня ночевать?

– Мне до сих пор не верится в эту сказку, – улыбался он.

– Колись, ты всё это придумал?

– Как ты догадалась? – засмеялся он своим заразительным смехом. – Нет, всё по-настоящему, так получилось! И китаец тоже настоящий! – хохотал он. – Не волнуйся!

– А машина? Ты с ума сошёл? Она безумно дорогая, я даже не знаю, как там что нажимать! – рассказывала я ему свои впечатления, пока мы поднимались на лифте в ресторан Masa, и он продолжал смеяться. – Мне придётся отработать её как-нибудь, – шепнула я ему, проводя губами по его шее, – мой Ной!

Ной тут же вспыхнул. Его глаза заволокла пелена истомы.

– Давай я что-нибудь придумаю, и мы уединимся прямо сейчас? – шепнул он мне.

– Нет, Ной, давай поужинаем и поедem к тебе в Кинсберг в твою кровать? Я очень проголодалась, – ответила я, когда мы сели на мягкий диванчик. Ной сразу крепко приобнял, как будто кто-то сейчас отнимет меня у него.

– Почему Masa?

– Потому что тут настоящие моти! – улыбнулся он, – что тебе заказать? Что ты любишь?

– Не знаю. Обычно заказывает Саша, а я ем из его тарелки! – Ной засмеялся, и я ему рассказала эпизод, когда Саша в ресторане заказал мне вареную курицу, а себе деликатесы, которые я все съела.

– Я тоже хочу, чтобы ты ела из моей тарелки, – смеялся Ной.

– Тогда заказывай! Я начинаю обрабатывать твой подарок! – хохотала я. Нам принесли много блюд из морепродуктов, которые любил Ной. Он кормил меня сам, отчего получал необычайное удовольствие и смеялся:

– Твоему мужу я сказал, что накормлю тебя! Я же не буду тебя кормить геркулесовой кашей, правда?

Корзинку с котенком я поставила на стол, но нам принесли отдельный маленький столик.

– Как тебе водитель? Понравился? Вы познакомились? – спросил он с долей иронии.

– Нормальный парень! Мне надоели охранники в черном. Он довольно оригинальнее в этом плане.

– Я могу прислать другого, а этого выгнать! – шептал он мне на ухо, играя губами с моими прядями волос.

– Нет, пусть будет он, – настояла я.

Вечерело, и народу прибавилось, хотя заведение было рассчитано всего на двадцать шесть гостей, но мест уже не было. Посетители сидели в отдельных зонах в некоем таинственном полумраке. И даже при таком их малом количестве Ной успел поздороваться на расстоянии с тремя мужчинами, лишь подняв им руку вверх. Они ему отвечали такими же жестами. Мы наелись и продолжали сидеть обнявшись, перешептываясь между собой. Ной не отрывал своих губ от моей шеи и рук.

– Я ужасно хочу тебя! Уже не могу терпеть! – тихо посмеялся он. – Как было вчера, когда я тебя привёз? Был скандал? – закурил он дорогую сигару, вновь засыпая меня кучей вопросов.

– Нет. В доме никого не было. Родители уехали в гости. Я приняла душ и отрубилась, – посмеялась я.

– А утром?

– Я спала до часу дня с котёнком, представляешь?

– А где был муж? – продолжал допрашивать меня Ной.

– Он висел на телефоне с утра пораньше. Что-то говорил своим псам. Я не помню. Давай не будем о них, они мне надоели! – хныкнула я.

– Конечно, извини меня, моя Мара! Я чуть не испортил тебе настроение, извини! – целовал он мне каждый пальчик. Мы переключились с ним на посетителей, рассматривая всех.

– Вон тот чёрт слева сидит, видишь? На тебя всё время смотрит.

– Кто он?

– Политика, – чмокнул он меня в шею.

– Пусть смотрит, не обращай внимания. Ты что, ревнуешь? Ну-ка, посмотри на меня? – засмеялась я, заглядывая в его глаза. – Ной, перестань, только не ты! Я тебя умоляю! Я очень устала от беспочвенной ревности. Я твоя – ты забыл? – щёлкнула я его по носу. Я посмотрела на источник ревности Ноя и увидела мужчину с девушкой. Мне они показались обычными и ничем не примечательными. Мужчина средних лет действительно смотрел на меня, а его девушка, увидев, куда направлен взгляд её спутника, тоже уставилась на меня. Я перестала на них смотреть, взяла котёнка, который только проснулся, и стала целовать его в мордочку, давая ему корм. Ной тоже стал его нацеловывать:

– Иди сюда, зверюга! Ах ты, животное! Каким же ты вырастешь? – шутил Ной, и мы стали смеяться над котёнком. Через час мы поехали к Ною на его виллу. Ной решил сесть за руль и «покрутить баранку», как он сказал, отпустив Кристиана. До Кинсберга дорога Ною показалась бесконечной. Он всё время ворчал, что она никогда не закончится и кончится ли вообще, отчего мы долго смеялись как ненормальные. Он продолжал сетовать на то, что не дай бог мы

встанем в пробку и весь мир рухнет, а ему уже очень не терпелось. Мы смеялись бесконечно, как вдруг он резко свернул в какую-то подворотню, одним рывком опустил моё кресло, на что я вскрикнула от неожиданности, а он засмеялся и набросился на меня, как голодный зверь на добычу, отчего нас накрыла любовная истерия. Это было настоящее безумие...

– Ной, ты мне что-то порвал на платье. Смотри, все швы разошлись, как я вернусь к мужу? Это его любимое платье! Я как потрёпанная кошка сейчас! Посмотри, что ты со мной сделал? – ныла я, а он хохотал до слёз.

Моё платье разошлось по швам с одного бока, передний разрез на платье также порвался по шву, и был уже не до середины бедра, а до груди. Чулки дали кучу стрелок, а мои волосы растрепались так, как будто моей головой подметали улицу. Ной облизал мои стрелки на глазах, и теперь они выглядели в виде зигзага, и самое удивительное, что мы не могли найти мои трусики. Всё это время котёнок спал сзади в корзиночке и даже не просыпался от наших криков.

– Ной, а где мои трусики? Ищи быстрее! Как я без них? – продолжала я ныть.

– Может быть, я их случайно выкинул в окно? – осматривал он салон.

– Я тебя прибью когда-нибудь! – смеялась я.

Ной полез их искать по салону, заглядывая во все тёмные места и даже посмотрел под проснувшимся котёнком.

– Ты видел, куда я их выбросил? – смеялся он, спрашивая у котёнка. – Ходи без них! Зачем они тебе? – продолжал хохотать он, а сам тоже был не в лучшей форме от моих натисков. Я оторвала ему три верхние пуговицы на рубашке и карман, добираясь до кубиков на животе, при этом укусила его за шею, где остался большой синяк на самом видном месте. Порвала его ручные бусы, потому что они за что-то зацепились, а я резко дёрнула. Ещё я умудрилась сломать ему молнию на ширинке, потому что не могла долго её открыть, отчего искала бегунок и дёрнула за что-то.

– Со мной такого ещё никогда не было! – хохотал он от счастья и не мог остановиться, глядя на себя в зеркало, где его идеально уложенные волнистые волосы стояли дыбом.

– Ой, дай я посмотрю! – трогала я пальчиком его синяк на шее, который на глазах увеличивался. – Я тебе, по-моему, перегрызла шею. Это ты виноват, Ной. Зачем ты меня насиловал? Я сопротивлялась, поэтому теперь вот так, – жаловалась я, а он хохотал и целовал мои ладони.

– Его можно замазать тональником или носить шарфик, Ной! – скулила я елеинным голоском, трогая пальчиком синяк.

– Ничего не надо! Я буду ходить с твоим засосом! Пусть все завидуют! – хохотал он без перерыва, вытирая моё лицо салфеткой. – Я тебе говорил, переезжай ко мне и живи со мной, – забурчал он, – сейчас бы валялись на яхте и купались бы в тёплом джакузи, а не шлындались бы по подворотням и не спали бы в картонных коробках. Мне, между прочим, завтра в офис с засосом ехать! – хохотал он ещё громче.

– Ты сам на меня набросился как ненормальный! – осматривала я его, улыбалась, – я не могла удержаться и почему-то перегрызла тебе шею. Ной смеялся надо мной и не мог остановиться.

– Я хочу ходить в твоих засосах круглый год и буду счастлив, – потянулся он к моим губам. – Я обожаю тебя! Ты была потрясающей! У тебя всё там так тесновато. Теперь я понимаю, почему испанец от тебя сходит с ума, а теперь и я. Первый раз я даже немного испугался, а сейчас... – тяжело задышал Ной, целуя мою грудь.

– Я не знаю, почему, наверное, такая особенная конституция. Ты знаешь, я читала, что перед родами надо всё там разрабатывать, чтобы легко родить! – заигрывала я с ним.

– Правда? Как здорово! Я буду разрабатывать тебя каждый день, хорошо? Ты не будешь против, моя любовь! – обрадовался Ной, и мы опять начали целоваться, как два безумца.

– Мы, кажется, угробили мою машину! Это ты во всём виноват! Зачем ты меня насиловал в ней? – хныкала я. – Мы ничего тут не поцарапали? Посмотри, Ной, я тут точно что-то выломала и ногами нажала все кнопки!

– Ты цела? Я тебе ничего не навредил, не порвал? – начал он рассматривать мои плечи и лицо и полез рукой между ног.

– Не знаю ещё! Боже, где мои трусики? Ты самый настоящий маньяк!

– Я тебя дома ещё осмотрю! Поехали! – дал по газам Ной.

ТАНЕЦ

Мы уже почти подъехали к его вилле, которая сверкала огнями. Казалось, что мы подъехали не к вилле, а к луна-парку. Вилла освещалась мягким янтарным светом, казалась неким оазисом тепла и уюта. Свет лился из больших окон, обрамленных белыми рамами, создавая теплый контраст с темной ночью. На просторной террасе с видом на океан мерцали огни гирлянд. Там стояли удобные кресла и диваны, приглашая расслабиться и насладиться видом.

Выйдя из машины и закрыв глаза, я услышала, как волны шепчут что-то своё. Сделав глубокий вдох, я наслаждалась каждым моментом, каждым звуком, каждым ощущением. Темно-синее небо было усыпано звездами, которые, казалось, искрились и переливались. Океан внизу сливался с горизонтом, и я не могла понять, где заканчивается вода и начинается небо. Он был прав, это место было особенным. И полная, абсолютная тишина, нарушаемая лишь плеском волн и криками ночных птиц.

«Это мой рай, мой личный уголок спокойствия. Здесь я буду чувствовать себя настоящей. Хочется, чтобы эта ночь длилась вечно!» – думала я, не желая открывать глаза.

– И как я пойду? – ныла я. – Что подумает твоя Глаша? Ужас просто, что ты со мной сделал! – смотрела я на себя, стоя у машины.

Ной хохотал, казалось, не останавливаясь.

– Давай я тебя пледом накрою? Здесь где-то должен быть новый в салоне.

Он вытащил откуда-то плед, накрыв меня с головой, как конфету, дал корзинку с котёнком и босую понёс меня на руках в виллу. Нас в холле встретила пожилая женщина в фартуке с приятной улыбкой.

– Ной, это кто? – спросила она.

– Это жена испанца! Ей негде ночевать сегодня! – смеясь, ответил он, а я, опустив голову, едва сдерживала смех на его руках и представила, что она увидела. Ной отнёс меня на второй этаж, в какую-то невероятно красивую огромную спальню с обзорными окнами во всю высоту и видом на океан. Казалось, что берега вообще нет, а сразу вода. Создавалось впечатление полного отсутствия береговой линии, словно водная гладь начиналась мгновенно. Архитектура виллы с выгнутой вперед крышей создавала оптический обман, представляя воду прямо под окнами.

Осматривая всё вокруг в спальне одновременно, я почувствовала головокружение. Беспорядочно вращаясь, я не могла осознать происходящее. Прежде мне никогда не доводилось видеть столь просторных и комфортабельных спален. Ной продолжал смеяться, не мог говорить от смеха и ходил кругами по спальне, согнувшись от боли в животе. Он поставил меня, укутанную в плед на огромную кровать размером со стадион, на которой было невероятной красоты сиреневое покрывало с такими же подушками. Сперва я топталась на этом великолепии, а потом рефлекторно стала подпрыгивать, включив на телефоне его любимого Данчика «Hold on love», и теперь я уже, как безумная, прыгала на кровати миллионера с телефоном в руке.

– Иди сюда! Давай попрыгаем на кровати! Залезай! Будет здорово! – говорила я Ною, смеясь, как ребёнок.

– Я ещё не прыгал на своей кровати! – удивляясь, засмеялся он.

– Давай, смотри, как классно! – прыгала я ещё выше, придерживая одной рукой плед. Ной, глядя на мою радость и прыжки, присоединился ко мне. Мы вместе с ним начали прыгать, как два безумца, и ему нравилось всё больше и больше. Он поймал мою волну.

Я скинула плед и теперь прыгала на кровати, свободно размахивая руками в стороны под музыку в порванном на двое платье и рваных чулках. Мы мгновенно превратились в детей. Ной не мог остановиться от смеха и счастья. Со мной он не был миллионером и бизнесменом, он стал обычным мальчишкой с обычными человеческими желаниями. Последовав моему примеру, он скинул на пол порванную рубашку с галстуком и начал прыгать с голым торсом в унисон под музыку вместе со мной. Я продолжала раздеваться, окончательно разорвав платье на две части, и стала махать ими с телефоном в руках под такт клубной музыки, одновременно прыгая уже полностью обнажённая.

– Ауф! – кричала я.

– Что это значит «Ауф»? – прыгая со мной, спросил Ной.

– На сленге это означает высшую степень восхищения! Ауф, как здорово, Ной! Ауф, Ной – ты красавчик!

– Ауф! – кричал Ной вместе со мной, поднимая руки вверх.

Продолжая прыгать вместе под тембр Дана на кровати: он – с взлохмаченными волосами, синяком и чокером на шее, который подпрыгивал вместе с ним, в расстёгнутых брюках со сломанной молнией на ширинке, а я – в одних рваных чулках без трусиков, которые мы где-то благополучно потеряли, размахивая платьем и телефоном.

Моя грудь прыгала вместе со мной, сотрясаясь из стороны в сторону, отчего он с вождением смотрел на её хаотичные движения, не зная, куда смотреть – мне в глаза или на грудь. В его глазах стояло животное желание разорвать меня. Мои длинные волосы окончательно растрепались и падали прядями на тело, закрывая лицо в такт движениям музыки. Я мотала головой из стороны в сторону, танцуя под музыку, приоткрыв рот, отчего волосы прятали моё лицо и прилипали к губам. Ной был безумно счастлив со мной. В его глазах стоял полный восторг и восхищение. Нам было весело и хорошо. Мелодия кончилась. Он взял меня на руки и унёс в душ.

– Я безумно тебя люблю, моя Мара, Мариночка, Марина, любовь всей моей жизни! – бархатным, дрожащим голосом говорил мне мой Ной. Наша первая с ним ночь вдвоём продолжалась, вернее, ещё даже не начиналась. Мы были счастливы!

БЛИЗОСТЬ

– Ты мне устроила настоящий стриптиз! – не мог прийти в себя Ной после нашего сумасшедшего танца на его кровати.

– Это не стриптиз, это дороже, чем стриптиз! – посмеялась я, щелкнув его по носу, когда он купал меня под душем и осматривал моё тело после бурных любовных ласк. Мы стояли под душем вместе. Я уткнулась лицом ему в грудь, а он натирал мою спину ароматным гелем, нежно проводя по шее, спине и бёдрам.

– Я хочу, чтобы ты каждый день так прыгала на моей кровати. Сколько стоит твой эксклюзив? – спросил он, повернув меня к себе спиной и намазывая гелем мои плечи, грудь и живот.

– Нисколько, это мой подарок тебе! – ответила я ему, прислушиваясь к танцевальному ремиксу, который звучал на втором этаже его виллы. Мои воспоминания о днях, проведенных с Ноем, неразрывно связаны с сопровождавшей нас музыкой, бывшей его постоянной спутницей. Музыка окружала нас двоих всюду, всегда и везде. Она его вдохновляла, и он жил в ней. Это была музыка, тщательно подобранная под его вкус, начиная от поп-музыки, ремиксов и заканчивая рэпом. Слушая его подборки, я всегда понимала, что искала именно такие композиции и именно такие вдохновляющие мелодии. Это было удивительно для меня, вырос-

шей в тишине, среди молчаливых людей, которые не любили шум и предпочитали молча друг с другом общаться, смотря на воду. Ной хорошо разбирался в музыке и открыл для меня новую страницу моей неразгаданной жизни.

А сейчас мы принимали душ под долгий ремикс рэпера с необычными музыкальными напевами, которые успокаивали и не «долбили» голову. Мы слушали Zerrid, голос которого поражал своей мужской силой и таинственностью. Тембр голоса исполнителя будоражил моё воображение и рисовал необычные, порой пошлые, картинки в голове, особенно когда я намыливала тело Ноя в душе. Занимаясь любовью с Ноем, он также включал какой-нибудь эротический ремикс, от которого я тут же улетала куда-нибудь на Марс, набрасываясь на него с безумной страстью, как жадная и голодная до любви кошка.

С Сашей было по другому: он любил свою музыку, своих исполнителей и даже к ним относился ревностно, считая, что они пели песни только для него. Он играл на гитаре и иногда пел, но это было редко и при хорошем настроении. Поэтому, когда меня душили слёзы, и я включала Скутера, он пребывал в полном шоке от меня и моих предпочтений, считая, что я сошла с ума, раз слушаю такую музыку.

– Тебе голову мыть? Давай я постираю твои волосы? – засмеялся Ной.

– Нет, ты что? Только не этим гелем! Есть специальные гели и шампуни. От этого я сразу облысею! – ответила я, когда он начал смывать пену с тела. Ной опять заразительно засмеялся.

– Так, что ещё у тебя? Ноги остались! Давай садись ко мне на колено!

Я послушно присела на его колено, обхватив его за шею, и он начал мыть мне ноги.

– А всё же? Я хочу заплатить тебе за твой невероятный танец!

– Не вздумай мне больше ничего покупать дорогого, – следила я за ним, пока он медленно намыливал мои ноги.

– Почему, если я хочу сделать тебе приятное?

– Тогда купи мне трусики и какое-нибудь платье, раз ты моё порвал в машине!

– Какое ты хочешь? – спросил Ной, обмывая водой ноги.

– Простое какое-нибудь, чтобы из дома можно было выйти.

– Так, ну всё вроде, – осматривал он меня. – На удивление ты цела и ни одной царапины, а там – я потом посмотрю, – засмеялся он.

– Теперь я тебя буду мыть!

– Я всегда мечтал об этом, когда подглядывал за тобой на яхте! – улыбнулся он.

– Дай мне стульчик, я не достану до головы!

– Я встану на колени!

Ной тут же встал на колени, оперевшись лицом мне в грудь.

Теперь я начала мыть своего Ноя, нанося гель ему на волосы.

– Какое простое платье ты хочешь? Чёрное, на пуговицах? Как бабушкин халат и длинное?

– Да, можно такое.

– Я так и думал! – засмеялся он, нежась в моей груди. – Скромняжка моя!

– Всё! Смываю голову, закрой глаза, чтобы не щипало!

– Пусть щиплет, я хочу смотреть на твою грудь бесконечно!

– Дай, я посмотрю твою шею! – повернула я ему голову и, увидев синий засос, сказала: – Какой кошмар! Он просто огромный! Наверное, я тебе разгрызла какую-то артерию! Тебе не больно вот так? – потрогала я его шею.

– Нет! Я ещё хочу такой же рядом! – засмеялся он.

– Ты точно сумасшедший, Ной!

– Почему я? Ты же мне разгрызла шею! – мы стали вместе смеяться.

– Давай я потру тебе спинку!

Он нагнулся ещё ниже, оперевшись лицом мне в живот.

– У тебя совсем маленький животик. Ты точно беременная?

– Да! – я улыбалась, зная, что сейчас последует куча новых вопросов.

– Просто я видел много женщин с большими животами, и они не были беременны!

– Значит, они были просто толстыми, Ной!

– Ау? Кто там? Вы меня слышите? – говорил он мне в живот, отчего я начала смеяться. – Они меня слышат?

– Да, только не понимают, что ты им говоришь. Они чувствуют вибрацию, как в воде рыбы или дельфины. И слышат мой голос.

– Значит, тебе нельзя плакать! Их там на самом деле двое?

– Да, Ной, двое – маленькая девочка и маленький мальчик с совсем небольшим весом, около трёхсот грамм, наверное. Мне надо скоро ехать к Борису на осмотр.

– Удивительно, ты носишь новых людей в себе. Они родятся, вырастут и будут жить, как мы сейчас, поэтому у тебя сильнейшая энергетика, и я чувствую себя лучше с тобой!

– Я буду продолжать устраивать тебе сеансы терапии, мой Ной! – нагнулась я к нему, целуя в губы.

– Я люблю тебя! – стоя на коленях в душе говорил миллионер Ной.

Он отнёс меня в свою большую кровать, укутав в какие-то волшебные мягкие полотенца размером с покрывало, вытираясь на ходу, и накрыл одеялом.

– Вдруг мы сломали кровать, и мы рухнем вниз? – спросила я.

– На этот случай у тебя есть я! – уложил он меня под одеяло, как ребёнка.

– Ты хочешь, чтобы я поджарилась? Открой всё – мне жарко с тобой, мой Ной, иди сюда! – выбралась я из простыней, протягивая ему руки.

Мы занимались с ним любовью под его рэп с удивительным вдохновением, как казалось, даже под ритм мелодии. В этот раз я снова была с ним женщиной, сидя сверху, потому что хотела видеть его глаза, в которых улетучивалась его грусть и появлялись новые, для меня неизвестные, загадочные нотки. Он видел меня перед собой и мысленно рисовал мои портреты, проводя пальцами по моему телу, словно держал в них кисть, одновременно играя всей мимикой на лице. Я не могла надышаться моим Ноем. Мне хотелось его снова и снова. С Сашей мы никогда не любили друг друга в такой позе. Он считал унижением для себя, если женщина будет сверху владеть им.

Через час мы смотрели на океан через обзорное окно второго этажа виллы, прижавшись друг к другу. Мягкий полумрак виллы окутывал нас. Волны шептали нам свои древние тайны, а ритмичный шелест умиротворял нас обоих. Я чувствовала тепло Ноя, прильнув к нему, словно к самому надежному причалу.

«Ной, мой Ной, он рядом, его дыхание ровное и спокойное, как гладь океана в штиль. В его объятиях я ощущаю себя в полной безопасности, словно песчинка, укрытая теплыми волнами. Как я его люблю! О боже!» – почти засыпала я в его объятиях. Он нежно касался моей шеи губами, отчего легкие покалывания мурашек бегали по коже. Затем, его теплый, мягкий поцелуй, словно прикосновение шёлка. В этом поцелуе вся его любовь, его нежность, его обещание вечности.

Океан за окном, будто зеркало нашей любви: бездонный, загадочный и переполненный чувствами. Мы лежали молча, наслаждаясь близостью, и каждый вздох, каждый взгляд был наполнен нежностью и трепетом. В колонках тихонько играл Zerrid. Его голос. Бархатный, немного хриловатый, с нотками меланхолии похотывал с какой-то особой искренностью. Он пел о любви, о боли, о надежде, и его слова идеально ложились на эту тихую ночь, на плеск волн, на биение наших сердец.

В такие моменты время будто замирает, оставляя нас наедине с вечным океаном, музыкой и нашей любовью. Я закрыла глаза и почувствовала, что лежу на берегу, и Ной – мой берег

здесь и сейчас. Он приподнялся на локте, а в его зелёных глазах плескалось все то же бездонное море любви.

– Ты знаешь, что я думаю? Я думаю, что все эти звезды, лишь отражение нашей любви, маленькие искорки, слетевшие с наших сердец, – шептал Ной, и слеза скатилась по моей щеке от счастья.

Мой романтик Ной был во всём романтик, особенно глядя на звёзды, которые его заколдовывали и пленили. Я улыбалась, проводя пальцами по его щеке. Он целовал мои пальцы, прижимая их к своей груди. В этой тишине виллы, нарушаемой лишь шепотом волн и голосом Zergrid, я чувствовала себя самой счастливой женщиной на свете. Казалось, что весь мир сузился до размеров этой комнаты, до размеров наших тел, согретых любовью.

Музыка проникала в каждую клеточку моего тела, резонируя с биением сердца. Я закрыла глаза, позволяя музыке и теплу Ноя унести меня в мир грез, где нет ничего, кроме нас двоих. Постепенно я уснула, чувствуя себя в безопасности и умиротворении. Ной все крепче обнимал меня, словно боясь, что я исчезну. Но я никуда не исчезну. Я здесь, на его берегу, и буду здесь всегда, пока бьется мое сердце. Мы – одно целое, две половинки одной души, связанные вечной и нерушимой нитью любви, и я решила, что не вернусь обратно к Саше. Я его боялась.

В РОСКОШИ

Меня разбудил телефон. Я не могла понять, где и что играет. Открыв глаза, я опять не поняла, где я нахожусь и продолжается ли сон. Приподняв голову, я увидела телефон Ноя, который он мне подарил вчера. Телефон лежал на подушке, и рядом с ним колючая роза с огромным красным бутонем. Я улыбнулась, сразу проснувшись. Телефон, высвечивая имя «Котёнок Ной», призывно ждал моего ответа. Был уже полдень, и я, как всегда, всё проспала. Ной подарил мне последний флагманский смартфон, вбив в него всего два контакта: Ной и Кристиан. Я сразу ответила, высовывая нос из-под одеяла:

– Ной, ты где?

– Марина, я работаю. Ты проснулась? Как ты спала? – спрашивал он меня, тихо говоря в телефон.

– Хорошо! Ты когда приедешь?

– Послушай! – начал Ной, и я села на кровать, приготовясь слушать то, что мы не обговаривали ночью.

– Что ты решила? Поедешь к испанцу или останешься у меня?

– Я остаюсь с тобой! Хотя бы в целях безопасности. Он меня точно сегодня убьёт, я это чувствую. Ной, я чувствую, что сегодня что-то произойдёт. У меня бывает такое. Будь осторожен! – ответила я, вспоминая, что он со мной делал ночью после яхты, когда я лишь флиртовала с Ноем, а сегодня, когда Саша знал, что я ночевала с ним, я была уверена, что под виски он мне либо перережет горло, либо утопит в океане.

– Как ты это поняла?

– Мне хочется спрятаться. Я чувствую. Так бывает со мной, и всегда что-то происходит плохое. Он хочет меня убить, я это чувствую. И мне снился сон, который тоже повторяется каждый раз, когда случится что-то плохое. Я не знаю, как объяснить.

– Я его сам убью! Тебе не стоит его бояться, – говорил спокойно Ной, а я уже тряслась от страха, когда мы только начали говорить о Саше.

– Ной, я решила, что буду с тобой! Я не хочу к нему! Не отдавай меня!

– Хорошо, моя любимая, хорошо! Ты не волнуйся и послушай меня внимательно, а то у меня скоро сделка, и я не могу долго говорить, – спокойно говорил Ной. – Сейчас приедет Кристиан и привезёт тебе чёрное платье. Он будет с тобой, пока я не приеду. Я буду около шести вечера. Надеюсь, что не встану в пробку. Постараюсь пораньше приехать к тебе. Мне

звонил твой муж и спрашивал о тебе. Он явно опять подшофе, судя по голосу. Он сказал, что сейчас с китайцами в офисе решает свои дела и придет за тобой поздно вечером. Поэтому я приеду раньше него и объявлю ему твоё решение, если ты не передумаешь до вечера.

– Нет, Ной, я всё решила! Я не передумаю! Ты лучше меня закрой куда-нибудь вечером на ключ, чтобы он меня не нашёл!

– Бедная девочка! – выдохнул он. – Марина, я не буду тебя закрывать. Я ему сам всё скажу и без тебя. Ты можешь заняться чем-то своим и не обращать абсолютно никакого внимания на нас. Я позвоню тебе или Кристиану, как буду подъезжать к вам. Хорошо? Посмотри справа от окна в комнате. Видишь шкафчик и большую белую кнопку?

– Да.

– Нажмёшь её, и тебе поднимут еду. Это лифт из кухни. Можешь попросить то, что ты хочешь у Глаши, если она пришла. Я ей тоже позвонил. В комнате есть холодильник с едой и напитками, а в шкафах – конфеты и всякие вкусняшки. Вечером я покажу тебе всё остальное. Вчера нам с тобой было не до этого! Всё! Я побежал. Люблю до безумия! – он отключился.

Рядом на кресле лежала белая футболка Ноя. Я надела её, потому что была совершенно голая и без нижнего белья. Кроме моего котёнка и двух телефонов, у меня ничего не было на вилле Ноя. Котёнок нежно потянулся в моих руках и замурчал. Я подошла с ним к окну полюбоваться океаном с высоты. Было потрясающе красиво: небольшие волны, чайки и вдалеке одинокие рыбаки. Моя изумительная синяя бэха стояла под окнами.

Нажав на кнопку в стене, о которой говорил Ной, раздался негромкий звук поднимающегося лифта. Я открыла шкафчик и обомлела, увидев, что лежало на большом позолоченном подносе. Ной предусмотрел и это, распорядившись приготовить блюда к завтраку исключительно для рациона беременных. На красивых тарелочках порционно лежали: творог, украшенный свежими ягодами и каплей натурального мёда, нежная яичница с кусочками копчёного лосося и нарезанным авокадо, свежий йогурт с кусочками свежих сезонных фруктов, хрустящие тосты с пюре из авокадо и нежным яйцом пашот сверху, нежные блинчики, начинённые творогом и украшенные фруктами, ломтики свежего, слегка поджаренного белого хлеба с тонким слоем сливочного масла и щедро выложенной ярко-оранжевой, блестящей красной икрой, графин со свежавыжатым апельсиновым и гранатовым соком и ваза с черешней.

«Это всё мне? О боже, я не съем столько!» – удивилась я, но, разглядывая блюда, почувствовала, как потекли слюнки. Мне не пришлось нести поднос с едой. Столик с подносом сам выезжал из шкафчика. Оставалось лишь направить его в нужное место. Я пододвинула столик к кровати и начала всё это в буквальном смысле жрать и пихать в себя, настолько разыгрался во мне звериный аппетит при виде такой подачи. Котёнок сидел рядом на столике и облизывал творог. Наевшись до отвала, я откинулась на спину, раскинув руки в стороны. Я была поражена таким вниманием к себе, ведь я каждое утро стояла у плиты и готовила Саше перекусы. Опять заиграл телефон. Звонил Кристиан:

– Марина, я привёз платье. Сейчас подниму на второй этаж пакет.

– Хорошо! – услышала я Криса и кинулась с головой под одеяло, потому что была только в футболке. Подсматривая одним глазом из-под одеяла, я наблюдала за Крисом, который зашёл в комнату и начал расставлять кучу пакетов и коробок.

– ¡Buenos días, Marina! ¡Te traeré otra! (исп: Доброе утро, Марина! Сейчас ещё принесу!)

Он вышел. Я высунула голову из-под одеяла и обалдела от количества пакетов и коробок разного размера и цветов. Крис ещё принёс целую кучу чего-то красивого. Я уже сидела в кровати, надвинув одеяло до шеи, с открытым ртом, а Крис всё заносил и заносил пакеты. В пятый заход он притащил три огромные корзины белых хризантем, белых роз и белых лилий, красиво оформленных, с открытками. Кристиан, запыхавшись, наконец посмотрел на меня весёлыми глазами:

– ¿No es tuyo? – он показал маленький подарочный пакетик, держа его на одном пальце. (исп. Это не твой?)

– ¿Qué es? ¿Suéltala! ¡No te acerques, estoy desnuda! – сморозила я очередную глупость, окончательно смутив Криса. (исп. Что это? Кинь сюда! Только не подходи ближе, я голая!)

Он кинул мне пакетик на одеяло и вышел. В пакетике лежали мои трусики, которые мы с Ноем искали весь вечер в машине. Я засмеялась. Рассматривая всю комнату, заваленную пакетами, коробками и тремя корзинами цветов, я схватилась за голову и не могла прийти в себя.

«О боже! Ной! Боже, какой сумасшедший! Мой любимый кракен!» – встала я и подошла к корзинам с цветами, которые издавали невероятный аромат. В открытке с розами красивым каллиграфическим почерком с завитушками в стиле «а-ля Пушкин» был текст:

«Мара, моя нежность! Пусть эти цветы расскажут о моей любви то, что не всегда удастся выразить словами. Ты – свет моего мира, моя бесконечная радость. С тобой каждый день – весна! Люблю тебя больше всего на свете. Твой Ной.»

С хризантемами:

«Моя любимая Марина! В каждом лепестке этого букета я вижу отражение твоей красоты и доброты. Ты вдохновляешь меня быть лучшим, делаешь мою жизнь ярче и полнее. С тобой мое сердце всегда поет! Бесконечно люблю, твой Ной.»

С лилиями:

«Мара, сокровище мое! Пусть аромат этих цветов напомнит тебе о моей любви, такой же крепкой и вечной, как первые лучи солнца. Ты – мое счастье, моя поддержка, моя вселенная. Обнимаю тебя с нежностью, твой Ной.»

«Боже, боже, Ной!» – рыдала я, прижимая котёнка Ноя к себе. Слезы счастья не прекращались. Мне было хорошо с ним. Я ещё два часа, сидя на мягком ковре, рассматривала пакеты и коробки, а котёнок игрался с разноцветными бантиками. У меня не было слов, чтобы описать весь магазин, который ограбил Ной для меня. Там было всё: кружевные комплекты нижнего белья разных цветов, тонкие чулки с изящным швом сзади, летящие сарафаны из шелка с цветочным принтом и воланами, многослойные и исключительно в романтическом стиле, как у принцесс – длинные и воздушные.

В большой коробке лежала голубая норковая шуба, аккуратно уложенная в тонкую бумагу. Дальше в пакетах: несколько шелковых и меховых палантинов пастельных оттенков, элегантные туфли-лодочки на каблуке цвета нюд, набор люксовой косметики с нежным ароматом роз, изысканный жемчужный комплект бижутерии с серьгами и колье, умопомрачительные туфли на шпильке от Christian Louboutin с узнаваемой красной подошвой, повседневное платье от Ralph Lauren из нежного хлопка в морском стиле, чувственный и дорогой парфюм Chanel No. 5 с богатым цветочным ароматом, два пакета уходовой косметики для тела и волос с декоративной косметикой и бижутерией. Два вечерних платья: одно – элегантное черное платье в пол от Givenchy, идеально подчеркивающее фигуру, и второе – роскошное платье из струящегося шелка изумрудного цвета от Elie Saab, расшитое бисером и пайетками, создающее эффект звездного мерцания. Отдельно стояли две огромные коробки с домашней и тёплой одеждой: от банальных носков до тёплых костюмов с широкими штанами. Большая коробка с кроссовками, ботинками и сапогами. Скоро приближалась осень, и даже тут он предусмотрел всё необходимое для меня. Я сидела, закрыв рот руками, в окружении всей этой роскоши и плакала.

«Ной, о боже! Мой Ной!» – я кружилась по комнате под музыку очередного ремикса в нашей спальне: плакала и смеялась одновременно.

ГЛАВА ВТОРАЯ

РАЗБОРКА

Саша приехал за мной вместе с Яном и Максом чуть раньше шести вечера, и это было настолько неожиданно для меня, что я сразу вросла в землю от страха. Мы с Кристианом ждали Ноя, с которым решили прокатиться на «бэхе» вдоль берега. Ной уже позвонил Крису и сказал, что он в дороге и уже подъезжает.

Мы с Крисом стояли недалеко от виллы на большой стоянке, когда броневик Саши подъехал к нам. Я была в новом открытом сарафане ярко-синего цвета под стать моей бэхе и с распущенными волосами, а Кристиан был одет в его уже привычный прикид: в майке, рваных джинсах и весь был увешан чокерами и браслетами, которые мне хотелось рассмотреть ближе, но я стеснялась.

Саша со своей бандой припарковался чуть вдаль, на небольшом расстоянии, около двадцати метров от нас. Мы хорошо видели друг друга. Саша не рисковал подъезжать ещё ближе или вплотную. Он сидел в салоне и разглядывал меня с Крисом, пока не вышел из машины. У меня сразу пробежала дрожь по телу от понимания, что он сейчас схватит меня за руку и опять увезёт от Ноя, и будет издеваться надо мной как морально, так и физически. Я не знала, что от него ждать на этот раз, но уже предполагала.

– Поехали домой! – сразу заорал он мне во весь голос, махая рукой.

– Нет, я дождусь Ноя, тогда поеду! – ответила я, громко крикнув ему.

– Чего? Иди сюда, я сказал! – продолжал требовать он, обращаясь ко мне, как к своей собачке, которая не выполняет команды.

– Нет, я буду ждать Ноя, – дрожащим голосом крикнула я в ответ, выглядывая из-за спины Кристиана. Сперва Крис не понял, почему я не бегу к мужу на всех парусах, но я, попросив у него защиты, резко поменял свою тактику.

– Крис, пожалуйста, не отдавай меня ему! Давай подождём Ноя?

– Да, понял! – ответил он.

– Я сказал, подойди сюда! – ещё раз крикнул Саша, плюнув в сторону, сложив руки в карманы, и я поняла, что он опять подшофе.

– Марина, стой на месте! – сказал Кристиан.

– Ты слышишь меня или нет? Сюда иди, сука! – орал он во весь голос. Я встала за Крисом и руками вцепилась в его спину от страха.

– Отойди от неё, урод! – обратился Саша к Кристиану, показывая на него пальцем. Саша был зелёный от злости, и таким я его боялась больше всего.

– Ты слышишь, жена? Иди сюда, Марина! Быстро, я сказал! Я последний раз говорю, поняла? – шатаясь, заорал Саша и махнул своим телохранителям, подав знак. Ян и Макс по его команде вышли из броневика и двинулись быстрыми шагами на нас с Крисом. Крис, увидев идущих на нас охранников, достал откуда-то пистолет и направил на них, встав в позу, расставив широко ноги. Я так и не поняла, откуда появился пистолет в его руках. Все остановились. Ян и Макс в ответ тоже направили на нас пистолеты. У меня остановилось сердце от страха.

«Они что, могут меня так просто расстрелять?» – затрясло меня всю от ужаса. Дрожащими руками я набрала Ноя, с трудом тыча в телефон. Он тут же ответил:

– Что случилось?

– Ной, – закричала я, – на нас напали с пистолетами около виллы, Крис тоже с пистолетом. Мамочка! – испугалась я, видя, что Макс и Ян опять идут на нас, – Ной, где ты, я боюсь, мне плохо! Они идут к нам! Меня сейчас расстреляют, мама! – и тут Крис стреляет предупредительный выстрел в воздух, отчего я вскрикнула от неожиданности и завизжала, присев от звука выстрела, и мой телефон выпал из рук. Я вдруг представила, что мог услышать Ной по телефону: крик о помощи, слёзы, потом выстрел, мой истошный визг и падение телефона о дорожную плитку.

Саша с охранниками замерли на месте и не шевелились, когда Кристиан вновь направил на них пистолет, дав понять, что всё серьёзно:

– Ещё один шаг! – крикнул он им. Все замерли и ждали. Через минуту эскорт Ноя из трёх чёрных кроссоверов с охранниками на бешеной скорости нёсся к нам на стоянку и, развернувшись, скрипя колёсами, остановился. Из машин быстро высыпали люди в чёрном вместе с Ноем. Он был в ярости и сразу направился к Саше, подпрыгивая на ходу, выпрямив плечи и расставив руки в стороны с приоткрытым ртом что-то при этом проговаривая, готовый его убить.

– Крис, сядь с ней в машину! – крикнул он Крису, указывая на нас рукой. Мы сели в салон.

Таким Ноя я ещё не видела, более того, не слышала. Он, как ястреб, подбежал к Саше, уводя его чуть в сторону, и начал орать на него так, что все содрогнулись, надвигаясь и толкая его плечами, головой и руками. Они были одного роста, и оба при всём параде: в чёрных классических костюмах с галстуками, что им абсолютно не мешало выяснять отношения. Все наблюдали за действиями двух мужчин, и никто не вмешивался. «Боевики» Ноя окружили броневик с Максом и Яном, направляя на них оружие. Ян и Макс также стояли с оружием в руках, ожидая нападения. Все замерли и ждали. Картина была – «а-ля 90-е».

– Ты что, сука, устроил тут? А? Да ты опять бухой, скотина! – кидался Ной на Сашу плечами. – Я что-то, Саня, не понял? Ты всё прочитал и подписал? А, тварь? Я не слышу! – ударил Ной Сашу в лоб ладонью, отчего Саша пошатнулся, но стоял и смотрел на Ноя, опустив плечи. Ной скинул свой пиджак с плеч и кинул его в сторону, ослабляя галстук.

– Ты чё рамсы попутал или ты мне тут сейчас решил голого погонять? А? Я ни хрена не пойму? Объясни мне! На меня, я сказал, смотри! – толкал Ной рукой его лицо, отчего Саша только делал шаги назад и смотрел на него, тяжело дыша, наклонившись вперёд и уперевшись руками в колени.

– Я тебя предупреждал на яхте, что заберу Марину, если ты хоть пальцем её тронешь? Говорил или нет? Отвечай, сука конченная! – тыкал он ему пальцем в лоб. Саша молчал. Ной, казалось, хотел его просто убить, еле сдерживая себя.

– Сейчас она будет у меня и только моей! Ты понял, тварь? – упёрся он Саше лбом в лоб. – Или ты жести хочешь, урод? Я тебе устрою! Ты этого хочешь, сволочь? – Ной опять ладонью ударил Сашу по лицу, и тот лишь сделал шаг в сторону, продолжая стоять, слушать Ноя и тяжело дышать с открытым ртом.

– Она у тебя на прослушке сутками сидит за стенками и под камерами в своей комнате. Совсем страх потерял, чмошник? Ты в натуре му*ак? – хлопал он Сашу по плечам и толкал его голову рукой, но Саша не отвечал ему. – Я тебе устрою так, что лежать будешь, вот увидишь! – показывал он пальцем ему в лицо и хлопал Сашу по плечам, толкая его голову рукой, но Саша по-прежнему не отвечал. Все стояли и внимательно смотрели на них, скорее, ожидая приказов от Ноя, чем от Саши.

– Я тебя закопаю тут, вот тут прямо здесь, смотри сюда, тварь! Закопаю – никто не найдёт! Сюда, сука, вниз смотри, я показывать буду, урод! – орал во весь голос Ной, ухватив Сашу за голову, крепко сжал её рукой, пригнув низко к земле, давая понять, где именно то место, где он собирается его закопать. – Что ты с ней делал после яхты всю ночь? А? Ну-ка, мне сюда расскажи, я хочу, сука, послушать и посмотреть на тебя, тварь! В глаза мне смотри! Ты ещё и бухой над ней издевался? Да? – Ной схватил его за шею и направил свои глаза в его лицо, а потом резко оттолкнул его в сторону так, что Саша упал на колени. Как только Саша упал на колени, затворы Макса и Яна щёлкнули, и к ним тут же вплотную щитом приблизились телохранители Ноя, скрутили им руки и опустили на колени, приставив пистолеты к их вискам. Саша медленно встал, продолжая молчать, весь вспотевший, нагнувшись вперёд.

Ной пихал и толкал Сашу, отвечивал ему раз за разом рукой то по лицу, то по голове, но это не выглядело как драка, а скорей нравоучение старшего брата. Они не дрались, лишь один наказывал другого. Охрана стояла стеной, прижимая ниже к земле Макса и Яна, и все ждали, чем закончится разборка не то двух боссов, не то друзей, не то братьев.

Я взяла руку Кристиана, потому что меня начало мутить, глядя на всё это. Он понял это и сжал мою ладонь.

– Крис, мне плохо, открой дверь, меня сейчас вырвет! – зажала я рот рукой. Крис быстро выскочил, открыл мне дверь. Я только вышла из машины, меня тут же стало выворачивать. Упав на колени около колеса, я уже не могла подняться. Крис нагнулся надо мной всем телом, закрывая меня, и ждал, передавая мне одну за другой салфетки. Мне было ужасно стыдно, потому что все стояли и смотрели на меня и слышали мои звуки, а меня выворачивало раз за разом. Ной, увидев моё состояние, ещё больше разозлился:

– Смотри, конченная тварь, как ты её довёл! Что ты, сука, с ней сделал? Это ты, не я! Слышишь, урод? Ты, сука, с ней это делаешь изо дня в день! Ты, мразь! Я тебя лично прикончу, понял, урод? Под асфальт закатаю, скотина! – в какой-то момент Ной превратился в кракена, которого боялся Саша.

– Ты, тварь, когда её ко мне вчера отправлял, хоть посмотрел, во что она одета? Ни тёплых вещей, ни сумочки, вечно голодная – я её кормлю. Успокаиваю после тебя, уroda. Её трясёт от тебя! Куклу для себя из неё сделал? Я тебе компенсации выплатил? Ты, скотина, всё получил? Китайцев тебе открыл? А? Не слышу, урод? Сюда мне говори, чтоб я услышал! Я не слышу!

– Да, – еле выдавил из себя Саша, с телом пластилина, которого мяли, тыкали, толкали.

– С этой минуты Марина – моя жена, ты меня понял? И будет со мной! Доки я сделаю за пару дней. Ты слышал? Её дети тоже мои будут, без твоих херовых ДНК, урод конченный! Ты всё понял, сволочь? Можешь с этой минуты считать, что это не твои дети! Ты их продал вместе с их матерью! Сволочь! Вот так просто, как с чл** смахнул и всё! – Ной хлестанул ему пощёчину так, что Саша опять присел на колени.

– Ещё раз к ней подойдёшь я тебе ноги переломаю! Она моя, понял?! Не смей на неё даже смотреть, а то будешь по ночам вздрагивать у меня! Ты понял, мразь? – продолжал Ной.

Я с трудом протянула непослушные руки к Крису, он тут же поднял меня на руки и побежал со мной внутрь виллы. Он занёс меня наверх, положил на кровать и убежал к Ною. Я видела в окно продолжение разборок сверху. Ной опять толкал и мурыжил Сашу, объясняя по-мужски свои правила, и что-то постоянно говорил ему на ухо, зажимая его голову руками, пока Саша не вырвался и не пошёл к своему броневнику, поправляя костюм. Броневик с Сашей уехал. Драки не было, но показательную порку Ной устроил Саше основательно и доходчиво.

ОТЕЦ

Я была растеряна окончательно. В голове стоял привычный хаос и туман, и я не знала, как мне себя вести с Ноем после этой разборки. Я просто не знала, каков он в агрессии и после неё. Я вспомнила, как было с Сашей и как он отходил от такого состояния: мы все прятались по комнатам и старались не попадаться ему на глаза. Помню, мы с мамой ходили на цыпочках перед Сашей, у которого вдруг испортилось настроение, и чуть ли не сдували с него пылинки, лишь бы он через три дня едва улыбнулся нам. А каков был Ной в таком состоянии – я не знала. Я лежала на кровати и смотрела на океан через большое окно. У меня текли слёзы от всего увиденного и услышанного. Мне казалось, что я уже ничему не удивлюсь и ничего нового не узнаю для себя, наоборот, все мои догадки и предположения только подтвердились.

«Опять я стала причиной всех их проблем!» – думала я, не понимая уже, зачем я вообще приехала в Штаты и послушала подругу. – «Лучше бы я как-нибудь переболела и забыла Сашу, чем как оголтелая неслась к нему, и зачем? Какой смысл? ДНК? Пусть и не мечтает, идиот!»

Я знала, что ДНК можно делать беременным ещё до рождения детей, доказывать и кинуть ему доказательства в лицо, я уже не видела смысла. «Зачем, если он даже и не любил меня, а сделал просто куклой и своей бесплатной подстилкой, которая в любое время суток могла удовлетворить его потребности, и которую он потом с лёгкостью продал?»

Я знала прекрасно, что смогу сама воспитать своих детей и даже дать им платное образование в России или в Китае, потому что уже сейчас строила свои иллюзорные планы. Мои дети стали очень часто мне сниться, как будто предостерегали каждый раз об опасности. Как раз сегодня ночью я вновь видела один и тот же сон, где по зелёному лугу мои детки с кудряшками бегут ко мне навстречу. Этот сон снился мне уже много раз перед тем, как на меня обрушивался очередной стресс.

Ной очень тихо зашёл в комнату. Я слышала его шаги и замерла, не зная, чего ждать и какой вердикт меня ждёт. Он прилёг рядом со мной, обняв нежно рукой.

«Саша давно бы уже грудь мне порвал на куски, не спрашивая, хочу ли я, чтобы он лез ко мне под платье!» – последние дни я постоянно сравнивала Сашу и Ноя между собой, и приходила к выводу, что они были друг другу абсолютной противоположностью, хотя в каких-то моментах находили общие точки взаимопонимания.

Ной для меня сегодня тоже был своего рода открытием: его эпистолярный жанр письма с каллиграфическим почерком, художественный русский язык, знание трёх языков, музыка, живопись и его империя, которая, казалось, без него рухнет, а тут вдруг «пацанский» жаргон, разборки «по понятиям» с боевиками и оружием, его властный громкий голос, вселяющий ужас у всех вокруг – совсем запутали меня. Я вспоминала глаза телохранителей, которые со страхом и ужасом смотрели на своего хозяина Ноя. И даже Саша встал перед ним в страхе на колени и не попытался себя защитить, потому что, опять же, боялся. Мне казалось, что только я не боялась Ноя, и даже не понимала, с какого бока мне его бояться и как.

«Да, мальчики испугались не на шутку!» – усмехнулась я про себя. – «А я, как всегда, распугала всех мальчиков своим состоянием! А ведь это хорошо работает с мужчинами. Редкий мужчина к тебе приблизится и тем более захочет с тобой переспать, если ему наблевать на его чищенный ботинок, например!» – уже смеялась я про себя. «Может быть, по-другому не получается воротить бизнесом? Или бизнес так закаляет человека, что в него вселяются сразу несколько личностей?» – продолжала я размышлять о Ное. – «Мне надо его успокоить, тогда я пойму, что к чему. Мужчины они ещё те мамсики!» – решила я, повернувшись к Ною.

Он опять на меня смотрел безумно грустными, несчастными глазами, от которых у меня разрывалась душа. Он молчал, казалось, что он плакал внутри, не показывая своих слёз, и мне уже хотелось плакать с ним вместе. Я стала целовать его волосы, лоб, брови, глаза, скулы и дошла до губ, которые облизала языком:

– Милый мой, Ной, любимый! Котёнок мой, сладкий! Давай тебя пожалею, прижмись ко мне покрепче. Давай вот так полежим! Иди ко мне, мой хороший. Иди ко мне, мой Ной! Всё хорошо! Видишь, как мы хорошо лежим. Хороший мой! – я гладила волосы, словно его мама. – Положи мне свою голову на колени! – приподняла я его спустя некоторое время, и он опять обнял мои ноги, как это было на концерте. Он молчал и отходил от стресса. На самом деле, он был очень слаб, и я это чувствовала. Больше я не спрашивала его, а только гладила и целовала губами его лицо, лаская ладонью шею, грудь и, как фея, шептала ему на ухо:

– No tienes que prometerme la luna – me bastaría si sólo te sentaras conmigo un rato debajo de ella.

(исп. *Можешь не обещать мне луну – достаточно будет, если ты посидишь под ней со мной немного.*)

Мы пролежали так довольно долго, словно я стала для него той матерью, по которой он тосковал, точно так же, как и я всю свою жизнь. В этот миг наше взаимопонимание достигло небывалой глубины. Несмотря на разницу в возрасте в двенадцать лет, я ощущала себя его

опорой и защитой. Он молча лежал на моих коленях с абсолютно спокойным лицом и, казалось, спал, но я знала, что он не спит и слышит меня. У него слегка подёргивались веки, которые я гладила пальчиком.

– Ной, возвращайся! Мара зовёт тебя! – погладила я его волосы и прошептала. – Ты готов вернуться?

Он наконец открыл глаза и заулыбался, как будто очнулся от сна, услышав меня.

– Тебе надо переодеться и сходить в душ, а потом мы с тобой что-нибудь придумаем, давай? – весело и с задором посмотрела, взяв его лицо в свои ладони.

– Как хорошо с тобой! Невероятно просто! Мне так давно этого не хватало! Я люблю тебя!

– А мне с тобой хорошо и свободно, и хочется улыбаться! Улыбнись мне, Ной, твоя улыбка сводит меня с ума!

На часах было уже двенадцать ночи, а мы с Ноем уселись смотреть комедию «Джонни-зубочистка», от которой смеялись до посинения. Вернее, смеялся Ной, а я смеялась больше от его заразительного смеха, чем от комедии. Домашний кинотеатр находился в соседней комнате и был обустроен, как самый настоящий кинозал с креслами, диванами, попкорном, напитками и мороженым. Мы сидели в обнимку на диване и кормили друг друга мороженым. Это была настолько глупая комедия, что невозможно было не смеяться над актёрами и их смешными сценами. Перед нами стояло большое бумажное ведро с попкорном, и рядом спал котёнок в корзинке.

Мы настолько отвлеклись от недавних неприятных разборок с оружием, что казалось, будто их совсем не было. Мы смотрели, хохотали, бросали в экран попкорном, если было очень смешно или пошло, улюлюкали и развлекались как подростки. Я кайфовала с ним и всё забыла, пока не раздался звонок по телефону. Лежащий около меня телефон высветил инициалы и фамилию отца Саши. Я сразу напряглась, но не подавала виду, понимая, что разборки продолжаются. Отец Саши звонил, чтобы разобраться, где я, и, видимо, защитить сына. Ной ушёл с телефоном в спальню.

Я гладила котёнка и прислушивалась. Сперва Ной молчал, сидя в кресле. Мне было интересно, как он будет разговаривать с отцом Саши. Я слушала и наблюдала, не зная до сих пор их тайн. Наконец Ной начал говорить с отцом совсем на равных, но без брани, что совсем меня сбilo с толку:

– Ну так это твой сын, не мой! Ты же его так воспитал! – Ной замолчал и слушал. – Нет, я Марину не отпущу к твоему невменяемому сыну. Он у тебя не просыхает и спит в обнимку с виски. Марина мне дорога, и сейчас она будет со мной, вот и всё!

У Ноя был такой красивый голос, особенно на фоне большого пространства, где гуляло эхо, что у меня бегали мурашки по коже. Казалось, он не говорил, а пел, настолько его грудной, бархатный баритон звучал завораживающе. Я была влюблена в его голос, который могла слушать бесконечно. Ной стал ходить по комнате, отчего я слышала фразы отца, отражающиеся от стен и окон. В какой-то момент они были слышны отчётливее.

– Ной, послушай, я понимаю твою злость, – начал отец Саши, стараясь говорить спокойно. – Скажи мне, что произошло? Почему ты так говоришь о моём сыне? Я хочу понять!

– Понять? – усмехнулся Ной, – ты хочешь понять после всего, что он натворил? Ты годами закрывал глаза на его выходки, списывая всё на «трудный характер» и «богемную натуру». А теперь, когда он дошёл до ручки, ты вдруг прозрел?

– Я не закрывал глаза, Ной. Я старался помочь. Но, видимо, этого было недостаточно. Что он сделал? Что случилось?

В голосе отца чувствовалась боль, но Ной был непреклонен.

– Твой сын, – процедил он сквозь зубы, – пару часов назад размахивал пистолетом на моей частной территории и чуть не застрелил Марину у меня на глазах. Он обещал ей мир,

а дал лишь боль и разочарование. Он клялся в любви, а потом предал её, запивая горе виски в компании случайных женщин. Он... он просто уничтожил её, понимаешь? А на днях он даже продал мне её без сожаления, а ты сидел рядом и поощрял это. Вот и всё!

Ной повернулся к окну, и я уже чётко слышала их диалог, видимо, потому что звуки отражались о стекло. Он отвечал отцу абсолютно идеальным литературным языком. Я была просто шокирована такими переходами речи: от пацанского сленга до художественных оборотов, которые в русском языке были самые сложные.

– Я не оправдываю его, Ной. Я знаю, что он совершал ошибки. Но я верю, что в нём есть и что-то хорошее. Возможно, он просто запутался, ему нужна помощь, – сокрушался отец Саши.

– Помощь? Ему нужна не помощь, а мозги! И ответственность за свои поступки. Но ты прав, в нём есть что-то. Что-то гнилое и заразное. И я не позволю ему больше прикасаться к ней. А ответственность понесет не только он, но и ты, с подачи которого происходит каждый день преступление в твоём доме, где твоё благоверное чадо каждую ночь насилует молодую беременную женщину, не давая ей продыху в своих любовных фантазиях, запивая виски водкой, а ты стоишь на первом этаже, слышишь всё это и ничего не предпринимаешь. Ты пойдёшь у меня как соучастник, вот и всё, а твой избалованный сынуля сядет сразу по нескольким статьям лет так на двадцать пять. Ты же юрист, понимаешь всё это. И причём есть доказательства его преступлений в спальне, где он лично сам установил прослушку и камеры, и тем самым приговорил себя, а если я раздую этот скандал, то сам знаешь, чем это для вас обоих, извращенцев, закончится. Ты был всю жизнь извращенцем и таким же вырастил своего сына, вот и всё!

– Ной, я понимаю, что ты зол и пытаешься её защитить. Но дай мне шанс поговорить с ним. Возможно, я смогу достучаться до него, помочь ему измениться.

– Измениться? После стольких лет? Не смей меня. Он не изменится. Он такой, какой есть, и это твоя вина. Ты воспитал его таким, какой он есть.

– Я знаю, что сыграл свою роль. И я готов понести за это ответственность. Но я прошу тебя, дай мне шанс. Ради Эстель. Если я смогу хоть как-то исправить ситуацию, я сделаю это!

– Даже не вздумай произносить её имя вслух! – Ной сразу изменился в лице, замолчал, слушая отца с нескрываемой неприязнью, и сел рядом со мной.

– Скажи мне, где я могу его найти? – спросил отец.

– Я не знаю, – отрезал Ной. – Мне все равно, где он сейчас шляется у тебя. Это твоя забота, не моя. Ищи его сам по стриптизам и ночникам. Я не буду его искать. Я устал уже от вас обоих. И помни, что я сказал.

– Мне очень жаль, что так вышло. Саша – парень непростой, импульсивный. Но он утверждает, что чувствует к Марине что-то особенное.

– Особенное? – Ной усмехнулся. – Его «особенная» любовь выражается в навязчивости, полном игнорировании ее желаний и больной, нездоровой ревности, и я сам видел это со стороны!

– Поверьте, я очень обеспокоен этой ситуацией. Я постараюсь поговорить с Сашей, объяснить ему, что так вести себя нельзя.

– Поговорить? Он тебя послушает? Ты сам-то в это веришь? Он привык получать всё, что захочет, и теперь ведет себя как избалованный ребенок, которому не дали конфету. Но Марина – не конфета! И не ваша кукла на серванте! Она – человек, и у неё есть право на личное пространство и на выбор! Она его сделала, вот и всё!

– Я понимаю, Ной. И я полностью на твоей с Мариной стороне в этом вопросе. Я хочу принести вам свои извинения за поведение Саши. И я хотел бы, чтобы ты передал их Марине.

– Хорошо, я передам. Но извинений недостаточно. Я хочу, чтобы он оставил её в покое. Если я хоть раз еще увижу его рядом с ней, или если она получит от него хоть одно сообщение

по телефону, поверьте, разговор будет совсем другим. И ты знаешь, каким. А пока она будет у меня, потому что она мне дорога и я её люблю. И более того, я её сделаю своей женой и как можно быстрее. Её дети будут моими. Я их усыновлю.

– Я тебя понимаю, и я сделаю все, что в моих силах. Я даже готов обратиться к специалисту, если потребуется.

– К специалисту? Это хорошо, но это его проблемы. Меня волнует только одно: чтобы он не трогал ее. Если он не оставит ее в покое, я буду вынужден по-другому на него воздействовать и другими методами. Ты уже понял, какими, и ты меня знаешь! Я не остановлюсь!

– Ной, я очень надеюсь, что до этого не дойдет. Дай мне шанс повлиять на Сашу. Я обещаю, я сделаю все, что возможно.

– Я буду пристально следить за каждым его шагом. Если он ещё раз дёрнется, пеняй на себя. Я ясно выразился?

– Абсолютно. Я постараюсь оправдать твоё доверие. Спасибо за разговор, Ной. И еще раз прими мои искренние извинения. Я всегда любил тебя!

– Всего хорошего! – Ной отключил телефон, чувствуя, как напряжение медленно покидает его тело. Он сделал все, что мог, чтобы защитить меня. Он опустил голову.

– Кто он тебе, Ной? – спросила я.

– Никто! Я не хочу об этом говорить, прости!

Я думала и не могла понять: «Неужели Ной его сын? Ничего не понимаю. Эстель, Эстель – какое красивое имя. Где-то я читала про Эстель. Может быть, Эстель – мать Ноя? Хотя, зная папочку-ловеласа в молодости, я уже не удивлюсь, если Ной и Саша какие-нибудь сводные братья от любовниц отца, если мама скрывает правду и плачет всё время! Единственное, что я знала, у Ноя мама была француженкой, поэтому он в совершенстве знал французский язык. Целый квест!» – размышляла я про себя. И в тоже время, сопоставляя последние события, я видела, что Ной относится к Саше не так агрессивно, как бы относился к настоящему врагу. Чувствовалась какая-то связь между ними.

«Ной даже не разбил ему лицо, а лишь помутузил слегка и отпустил, хотя грозился тут же закопать или убить. И Саша не отвечал Ную кулаками, как он делал это с Раймоном или Игнатом. Точно, папочка в молодости постарался! Скорее всего, мать Ноя была его любовницей и родила ему сына. Получается, отчим воспитывал Ноя и сделал миллионером в двадцать восемь лет, оставив после своей смерти огромное состояние. О боже, сколько трагедий и несчастных людей вокруг них: Борис, Эстель, Ной, мама-Алла и всё ради того, чтобы Санечке хорошо и с комфортом жилось!» – размышляла я, не находя ответа, и вспоминая слова мамы: «У нас было ещё хуже, чем у вас с Сашей!» О боже, куда ещё хуже? Бедная женщина, терпит всё это так, что уже заговаривается. Бедная моя мамочка!»

– Случайных женщин? – спросила я Ноя.

– Да, ты не знаешь? Их видели в стриптизе пару дней назад с девочками. Видимо, тогда, когда ты закрывалась от него в своей спальне и вы ругались. Мои парни его видели с солдатом. Они девочкам платили на шесте. Марина, только не ревнуй, хорошо? – ответил Ной, заглядывая в мои глаза.

– Глядя на него, кроме тошноты, я больше уже ничего не чувствую, – ответила я, а где-то в глубине стояли слёзы обиды. «Не так просто за несколько дней забыть любовь, которая испепеляла и выматывала тебя годами». Настроение у меня сразу ушло куда-то на задворки.

– У Яна девушка работает в ночнике, я слышала.

– Марина, я не вдавался в подробности, но то, что у испанца весь вечер на коленях сидела девица с обнажённой грудью, это видели все. Тебе не надо об этом думать. Давай я тебя унесу к нам в кровать?

В моей душе скребли кошки, и я поняла, что ещё ревную его. Мне было больно. Русский испанец до сих пор был моим наваждением, даже тогда, когда я была в объятиях мультимиллионера.

РОДИТЕЛИ

– Ной, мне как-то надо забрать свои вещи: комп, документы и испанские вещи, которые мне дороги. Всё случилось так спонтанно. Как мне их забрать? – спросила я утром Ноя, спустя три дня после скандала.

– Обыкновенно! Поезжай и забери! Тут всего пять минут езды на «бэхе» по прямой. Поезжай! Я буду на связи.

– Ну, как же..., – растерялась я.

– Марина, ты взрослая женщина и ты едешь к своим родителям, которые тебя воспитали. Я не собираюсь тебя ревновать, не пускать или следить за тобой. Я не испанец. И потом, я тебе доверяю и люблю тебя! Не держу взаперти и ничего не запрещаю. Всё будет только так, как ты решишь. Я тебе не раз говорил об этом, вот и всё!

– Хорошо. Я поеду. А Крис?

– Зачем он тебе? К тебе сейчас никто не подойдет. Они боятся. Если тебе Крис нужен как носильщик, я ему наберу сейчас.

– Нет, не надо. У меня не так много вещей. Я ненадолго, хорошо? – поцеловала я Ноя в губы, а он стоял, засунув руки в карманы, и провожал меня грустными глазами.

– Хорошо, я люблю тебя! – сказал он.

Я легко научилась управлять своей «бэхой». При всей её видимой сложности управление оказалось очень даже простым и не требующим особых усилий. Всё было предельно понятно и удобно. Крис за полчаса рассказал, что и как в салоне, а Ной за пару часов научил управлять этой удивительной чудо-техникой. В зеркало заднего вида я видела Ноя, который провожал меня и не уходил. Он стоял в рваных джинсах и майке, как одинокий странник в пустыне, на фоне своей роскошной виллы, а у меня сжималось сердце. Я знала, что он чувствует: он боялся, что я могу не вернуться.

Я ехала к родителям, которых любила всю жизнь и у которых выросла, и не знала, находится ли Саша дома или нет. Мы никак не общались с тех пор, как произошла ссора. Мне нужен был комп, потому что в нём была вся моя Барселона, управляющий Мигель, сканы документов, скайп с сотрудниками в Испании, а также с офисом Саши. И потом, срок аренды дома заканчивался, и вскоре все должны будут разъехаться, а мне не хотелось потом искать свои вещи по квартирам и домам. Уехать должны были и мы с Ноем в его пентхаус в шаговой доступности от его центрального офиса, потому что пробки в городе и моё присутствие за городом вынуждало его мотаться туда-сюда, отчего он очень уставал и приезжал домой никакой, а оставлять меня одну в Кинсберге он пока не хотел. На передвижения по воздуху в этот период были какие-то временные запреты.

Ной, конечно, был не против, чтобы я осталась за городом и дышала морским воздухом в тишине и покое, но он также не хотел, чтобы мы ночевали «на разных койках», как он говорил. Я, как обычно, внезапным вихрем ворвалась в размеренную и удобную жизнь очередного мужчины, нарушив все его планы, и теперь он не знал, как сделать лучше. Также было и с Сашей, который растерялся моему появлению в его жизни холостяка и не знал, что со мной делать.

Что касается моего статуса, то он был в подвешенном состоянии. Пресса пока молчала и наблюдала. Всего лишь один раз промелькнула короткая заметка с нашим снимком, где мы с Ноем выходили из ресторана. Тогда на выходе я увидела чью-то вспышку и уже утром прочитала:

«Мультимиллионер Ной Б. не прекращает свои упорные знаки внимания по отношению к очаровательной Маре, даже находясь вдали от русского испанца. Известно ли Алексу об их встрече в Маса, остается тайной».

Я по-прежнему была замужем за русским испанцем и любовницей миллионера. Всё именно так, как я и придумала, не зная, как быть дальше. Мой телефон разрывался от сообщений подруг, Мигеля, Миши и Артура, которые потеряли меня как генерального директора. Я сразу поняла, что у Саши в офисе творится хаос и разруха после посещения Ноя и моего отсутствия, а после разборки с Ноем – офис вообще встал. Я говорила об этом Ное, и он не запрещал приезжать в офис к Саше и помогать ему, но как бы это выглядело, я не представляла.

– Бери Кристиана и можешь поработать у него. Он ничего тебе не сделает. Я не запрещаю тебе ничего, Марина, я просто тебя люблю, вот и всё! – отвечал мне Ной всегда грустным голосом, когда речь заходила о Саше. И вот это его: «Вот и всё!» в конце фразы сразу меня убивало, потому что я видела, что он расстраивается, как будто подводит итог и всё сразу закончится. Я знала его слабые стороны, и он для меня совсем не был миллионером, как в кино. Для меня он был обычным мужчиной, просто лучше тех, кто ничего не смог в этой жизни добиться. Казалось, что и без своего статуса миллионера он мог бы многого достичь благодаря своей харизме, особому складу ума и таланту.

Поэтому, собрав волю в кулак, решила съездить, забрать вещи и разнюхать обстановку сперва хотя бы у родителей. На мне был удивительно лёгкий сарафан из многослойного шёлка белого цвета в стиле романтик, который купил Ной. Он развевался в разные стороны при любом дуновении ветра, и в нём я чувствовала себя, казалось, единым целым с Ноем. Я чувствовала себя в нём словно бабочка, только что выпорхнувшая из кокона: нежной, трепетной и готовой к полету в неизведанное. Я ехала к родителям в образе романтической феи, которая размахивала крыльями и летала по воздуху с распущенными волосами. Я привела их в порядок за проведённые дни у Ноя: лечила, наносила маски, бальзамы и сыворотки и ещё кучу всего, поэтому сейчас они у меня отдыхали без заколок и шпилек, отчего переливались и рассыпались, как песок.

Ной, как всегда, угадал с воздушными и свободными сарафанами. Он знал, что я давно мечтала о чём-то подобном – воздушном и эфемерном. Он наблюдал за мной, слушал мои мимолетные мечты, и теперь, словно волшебник, материализовал одну из них. Мне до ужаса надоели вечерние наряды и классические тесные платья. Мне хотелось лёгкости и свободы. Многослойность ткани и многочисленные воланы прятали мой живот, и его вообще не было видно. В машину Ной тоже мне купил удобную обувь для езды, которую я переодевала, меняя шпильки на «автообувь».

Подъезжая к дому родителей, я уже видела машину Саши и броневик с его охранниками. Макс и Ян стояли около машин. Саши не было. Они увидели, как я медленно подъезжаю к дому одна, без Кристиана, и Макс тут же набрал Сашу и что-то ему сказал. Я старалась не обращать на них внимание.

«Я приехала к маме!» – успокаивала я себя, переобуваясь в салоне. Они над чем-то ехидно посмеивались, поглядывая на меня. Казалось, что надо мной, но мне было наплевать на них. Проходя мимо них, они даже не поздоровались со мной. Было ужасно неприятно. Для них я вдруг стала подстилкой для миллионера и не более:

«К сожалению, у мужчин нет полутонов в жизни – есть либо чёрное, либо белое, особенно у тупых мужчин! Idiotas!»

Я открыла дверь гостиной и увидела маму с отцом, которые сидели вдвоём и пили чай.

– Мариночка! Наконец-то! – подскочила ко мне мама. Мы обнялись. Она посадила меня рядом с собой, поправляя мне волосы и рассматривая ближе. Отец сидел с каменным лицом, едва глянув на меня и, по-моему, даже не поздоровался, а потом и вообще не смотрел на меня, продолжая читать газету.

«Неудивительно, в кого сыночек!» – промелькнуло у меня в голове. Неожиданно с грохотом ворвался Саша. Он был весь возбуждённый и вспотевший, как будто бежал дистанцию. Спортивный костюм его был распахнут полностью, и на груди стояла испарина. Он сел в кресло напротив, изучая меня с ног до головы любопытным взглядом.

– Марина, что-то случилось? – тут же спросила меня мама.

– Нет, мамочка, всё хорошо. Я приехала за своими вещами. Мне нужно забрать документы и ноутбук.

– Попей с нами чай. Я испекла пирог!

Она начала суетиться и положила мне в тарелку сразу три огромных куса пирога с мясом. Она подходила каждый раз и обнимала меня, восхищаясь моим новым сарафаном и парфюмом. Саша тяжело задышал, увидев мои плечи с тончайшими бретельками, на которых едва держался сарафан и немного приоткрывалась грудь, потому что за последнюю неделю она увеличилась вдвое и была очень чувствительна, особенно соски и ареолы, которые бесконтрольно расширялись и меняли цвет при любом прикосновении ткани, не то, чтобы рук. Это было гормональное, и я знала это, но не знали те, кто видел сквозь ткань их розовые круглые очертания, принимая это за возбуждение. Мама продолжала изучать мой необыкновенный сарафан, поднимая воланы один за другим и тем самым ещё больше показывая Саше мои формы, которые просвечивались через ткань. Я сидела с мёртвой мимикой и лицом зомби. Мне надо было продержаться. Саша глазами, полными похоти, продолжал наблюдать за мной. Раньше я не могла спокойно смотреть на его тело под одеждой, а сейчас, вспоминая рассказ Ноя о ночном клубе и представляя, как шлюхи сидят на его коленях, куда он обычно сажал меня, лаская мою грудь, мне было противно даже смотреть на него. Саша сел с нами. Мама тоже положила ему пирог и налила чай, размешивая сахар ложкой.

– Мариночка! Как твоё самочувствие?

– Хорошо, мамочка.

– У тебя ничего не болит?

– Нет, всё хорошо, – засыпала она меня вопросами. Саша смотрел на меня глазами, которые сложно описать. В них читалось всё сразу: интерес, злость, ревность, любовь, желание, ненависть, вождление и страх. Я старалась не смотреть на него.

– Мариночка, а как ты живёшь? Ты довольна? – не унималась мама.

– Ма, не задавай глупых вопросов. Ей шикарно живётся и с комфортом. Не переживай за неё! – зло ответил Саша и посмотрел на меня глазами, полными ненависти. Наши глаза встретились. Он не менялся. Отец также продолжал игнорировать меня.

– Спасибо, мамочка. Я пошла за вещами, – я встала, поднимаясь вверх.

– Ты же ничего не поела!

– Её миллиардер накормит, не волнуйся, – бросил Саша мне вслед, поднимаясь за мной в спальню.

«О боже, опять! Всё одно и тоже! Ничего не меняется!» – подумала я, не отвечая на его провокации. Поднявшись в спальню, я посмотрела на стены и потолок и содрогнулась, зная, что за мной всё время наблюдали и подслушивали. В пакет я сложила ноут, документы, кое-какие вещи из Испании от подруг и забрала турбинарию, которую Саша мне подарил. Больше я ничего не забирала. Остальное было подарено им, поэтому я всё оставила. Он внимательно следил, как я собираюсь.

«Сейчас опять начнёт добивать меня!» – подумала я, пока перебирала косметику.

– Ты не забыла, что ты у меня ещё генеральный директор, и должна выходить работать с сотрудниками? – с усмешкой сказал он.

– Я могу приехать завтра после обеда, если у тебя там всё встало без меня, но я не работаю бесплатно, как раньше.

– А, ну да! – ответил он. – Хорошо, я буду тебе платить зарплату. Почему после обеда, а не с утра, как все?

– Я завтра переезжаю.

– Куда?

– Какая тебе разница?

– В один из его пентхаусов? – поинтересовался он, а я не понимала, зачем ему это.

– Зачем ты задаёшь вопросы, на которые знаешь ответы? – не глядя на него, ответила я, собирая свою испанскую бижутерию в шкаф. Он сел в кресло.

– Ты должна взять отгул или предупредить меня, что не сможешь приехать с утра. Таковы правила.

– Я тебя сейчас предупреждаю. Или можешь меня уволить или найти нового генерального. Зачем тебе ещё одна головная боль в моём лице? – ответила я, не смотря на него.

– Нет, ты нужна мне в офисе!

– Я буду работать дистанционно, мне так удобнее, – ответила я.

– Нет, так не пойдёт! Ты должна выйти и работать, как все!

– Я сообщу тебе позже своё решение, – дерзко ответила я ему.

– Я буду ждать завтра!

Оглянувшись ещё раз в комнате, я уже собиралась выйти, как вдруг Саша взял меня за запястье очень нежно и аккуратно. Я замерла, не зная, что он хочет. Он прижал мою ладонь к своим губам и стал искать мои глаза, которые не смотрели на него.

– Не надо! Всё кончилось, Саша!

Я вырвала руку и взяла пакет.

– У тебя кончилось, но не у меня! Ты стала ещё красивее, – злился он. В его интонацию голоса слышалась злость. – Как он тебе в постели? – усмехнувшись и уже ревнуя, спросил он. – Ты уже любишь своего миллиардера?

– Кто он тебе? – неожиданно спросила я, и увидела растерянность в его глазах.

– Никто! Уже никто! – со злостью ответил Саша.

– Мне пора. Меня ждут.

– Стой! Куда понесла мою турбинарию? Зачем тебе моя турбинария? Ной тебе другие достанет из морских глубин. Турбинария лежала в пакете сверху на вещах. Он взял её и с грохотом обрушил на пол так, что мама внизу вскрикнула. Она тут же рассыпалась.

– Боже, как феерично и в твоём духе – всё разрушить до основания, ничего не создавая! Я даже сейчас расплачусь! – засмеялась я его идиотизму. Он, как всегда, попытался бить по больному и замолчал, опустив голову.

– Да, ты как всегда прав! Так и надо со мной! Жестоко и беспощадно, я это заслужила! Ты прав! – ответила я, глядя в его глаза, которые больше всего любила на свете. Я не собиралась ехать к нему завтра в офис, зная его. Просто хотела проверить. Я уже даже представляла, какой цирк с конями он устроит завтра в моём присутствии.

«Либо будет изображать копию кракена-Ноя, с ноги открывая все двери и пиная сотрудников, либо пригонит роту своих баб и будет с ними бухать в студии. С Мишей и Артуром я постараюсь вечером пообщаться по скайпу», – решила я, спустившись вниз с пакетом и пошла к своей «бэхе». Отец даже не взглянул на меня, когда мы прощались с мамой. Саша, Ян и Макс втроём наблюдали, как я сажусь в салон, при этом злословя и даже похотывая надо мной с подачи Саши, что-то вроде: «Да она даже не может правильно открыть дверь!», «Куда она положила пакет, бестолковая баба!», «Она уже убила подвеску!»

Я села за руль и хотела переобуться, но у меня тряслись руки, отчего я просто скинула шпильки и осталась босиком. Презрительный смех эхом разносился вокруг. Втроём, скрестив руки на груди, подпирая свой броневик, они образовали живой барьер, наблюдая за моими действиями. Отец тоже вышел и наблюдал за мной со стороны, и, кажется, тоже иронично

улыбался. Ветер бил мне в лицо, развывая волосы из стороны в сторону и закрывая глаза. Я смотрела на этих идиотов и злилась.

Сначала я не рассчитала и резко дала вперёд, услышав визг тормозов. Машина рванула вперёд слишком сильно. Тройка отшатнулась и отошла в стороны. Пару сантиметров не хватило, и я бы разнесла их броневик. Лица, искаженные удивлением и, возможно, страхом, на миг лишились самодовольного выражения. Затем, с отчаянным усилием, я вывернула руль. Почувствовала, как машина начинает разворот, повинувшись мне. Не теряя времени, педаль в пол! Колеса взвизгнули, вырывая из-под себя песок и пыль, которые плотной завесой обрушились на их самодовольные лица. Смех смолкнул, растворившись в облаке, которое я подняла. Это была моя маленькая месть – облако пыли и песка, которое накрыло их с головы до ног. Моя «бэха», словно фурия, сорвалась с места, издавая громкий рев, и оставила за собой облако пыли, осевшее в их взглядах, в которых отражался мой средний палец, который я показала им в окно: «Конченные дебилы, о боже!»

Я ехала к моему Ною, по которому уже скучала, и меня душили слёзы: «Всё! Это всё!» – говорила я про себя, а слёзы лились сами. Было обидно. За каких-то три-четыре дня мы вдруг стали с Сашей абсолютно чужими. И более того, он ненавидел меня, а любил ли вообще? На всю поездку у меня ушло ровно час, не больше. Я подъезжала к вилле Ноя и увидела его, который так никуда и не уходил, и ждал меня. Я остановилась, открыла дверь и протянула ему руки. Он подбежал, поднял меня на руки и начал кружить без остановки, прижимая меня к себе и смеясь своим заразительным смехом, а в его глазах стояли слёзы.

Уже поздним вечером, когда мы с Ноем лежали на палубе его небольшой яхты, которой он сам управлял и рыбачил на ней, укутавшись в одеяла и подушки, я подробно рассказала ему, как провела этот час с родителями: что говорил Саша, как разбил турбинарию, как повёл себя отец, как они все смеялись надо мной, как я впервые развернулась на своей «бэхе», чуть не протаранив им бампер, и как накрыла их волной пыли и песка. Больше всего он смеялся, когда услышал в финале о том, что я им показала средний палец. Этот палец он мне потом долго целовал, а я целовала его губы и шею, когда он пытался вновь научить меня, как построить линию на небе и продлить её к горизонту, тем самым соединить звёзды пояса, чтобы наконец увидеть Сириус, который скоро уйдёт.

МУЖЧИНЫ

Утро перед переездом в Tribeca было суматошным. Во-первых, мы всё проспали, хотя с вечера планировали пораньше проснуться, быстро собраться и уехать, потому что Ною надо было с утра уже быть в офисе. Во-вторых, я бегала как сумасшедшая по вилле и не знала, что куда сложить и как весь свой гардероб увезти, одновременно собирая себя и кормя Ноя тостерами с авокадо, потому что дома в последние дни он ел только из моих рук.

– Я всё прожевал и опять открыл рот! – хохоча кричал он мне из гардеробной, где сам спешно одевался и приводил себя в порядок.

– Боже, Ной, когда ты сам научишься есть? Ты видишь, я ничего не успеваю! – засовывала я ему в рот блинчик с творогом и клубникой.

– А что ты суетишься?

– Ной, мне нужны какие-нибудь пакеты, сумки или баулы, чтобы перевезти весь свой гардероб и косметику!

Ной громко засмеялся.

– Мариночка, моё всё! Зачем тебе баулы? Иди я лучше тебя поцелую! Всё останется здесь на тот случай, если мы захотим сюда вновь приехать на отдых. На новом месте тебя ждёт новый гардероб, которым ты займёшься по приезде.

– Ты мне ещё купил что-то? – я замерла, узнав об этом только сейчас.

– Ну конечно, моя страсть! Никто не возит пакеты с собой из квартиры в квартиру. Оставь всё здесь. Мы часто будем сюда приезжать, и тебе нужно будет здесь что-то надевать. Правда ведь? Возьми только котёнка и свои телефоны. Новый ноутбук у тебя там тоже есть и ждёт тебя.

– Ты серьёзно, Ной?

– Да, моя любовь! Я опять открыл рот и жду хоть крошки хлеба от тебя, как голодный птенец в гнезде. Неси уже мне поесть что-нибудь? – хохотал мой Ной, а я всё не могла привыкнуть как к новому статусу, так и к его шуткам.

– А Ной в корзинке там будет жить? Мне брать корзинку?

– Возьми, чтобы его перевезти и всё! Там у него своя квартира уже есть и ждёт его!

Я пребывала в очередном ступоре и не представляла, к чему сегодня готовиться.

– Ты поведёшь? – спросил Ной, когда мы усаживались в «бэу».

– Нет, ты что? Город, я боюсь, тем более мы торопимся.

Я всё равно насобираала свой привычный куль с вещами, который всегда привыкла возить с собой, и даже в Барселоне. В нём был: ноут, пара простых платьев, в том числе чёрное классическое, лонгсливы, широкие штаны и кроссовки.

– Вещи для души? – спросил Ной, обняв и поглаживая мои ноги, абсолютно также, как это делал всегда Саша. – *«Она ушла, забрав с собой не только вещи, но и часть моей души!»* – посмеялся он надо мной, цитируя кого-то. Ной выглядел за рулём как воплощение современной элегантности и силы. Он вёл машину уверенно, но не агрессивно, контролируя ситуацию, чувствуя дорогу и мощь автомобиля. Одной рукой он держал руль, вторая небрежно лежала на центральной консоли.

Я сидела рядом и любовалась своим Ноем. Если я раньше с вождением и трепетом в животе смотрела на Сашу, улавливая каждую деталь, то сейчас я всматривалась и изучала Ноя. Проведя с ним некоторое время, я, казалось, изучила все его черты лица, фигуру и поведение. Если раньше я не особо уделяла внимание мелочам в его внешности и манерах, то сейчас, приглядываясь пристальнее, могла даже увидеть едва уловимые схожие черты с Сашей, и тем самым опять путалась в догадках, кто кому приходится.

Мне хотелось покопаться в архивах, но не доходили руки, а в интернете вся личная жизнь была закрыта или вообще отсутствовала. И потом, я понимала, что ничего хорошего не узнаю, а думать и анализировать буду долго.

«Всё-таки чужая трагедия, хоть отчасти я к ней имею отношение!» – думала я, решив позже всё равно разузнать. Саша мне так и не сказал, кто ему Ной, лишь ещё больше разозлился, услышав о нём, хотя сам первым произнёс это имя. Ещё интересовал вопрос о брате Ноя, который жил в Африке. Он не раз мне о нём говорил вскользь, с улыбкой на лице, и я не проявляла особого любопытства, но знала, что брат старше Ноя на четыре года. Именно на его яхте Ной подглядывал за мной, и опять же я не понимала, почему на яхте брата, когда своих полно. Я сразу вспомнила Бориса, который долгое время работал в Африке и говорил мне об этом.

«Есть ли тут связь? Не семья, а целый квест!»

– Моё сердце! Тебя не укачало? Давай я кресло опущу? Тебе не душно? – спросил Ной, вновь заваливая меня сразу кучей вопросов.

– Отвечу на один вопрос! – шутила я, а он засмеялся.

Последние дни с Ноем были словно сказка или бесконечный сон. Он безгранично меня любил, баловал и всё мне разрешал. Я забыла, что такое ревность и даже забыла, как это слово пишется, настолько у нас с Ноем были доверительные отношения. Я всегда смеялась до слёз радости и забыла, что такое страх, опасность и тревога. Мы друг другу всё рассказывали и всех обсуждали, но только не его и тех людей, которые меня интересовали.

– Они так мне все надоели, моя звезда Мара, давай лучше посидим на террасе и посмотрим на звёзды? – получала я ответ от Ноя. Мы не могли надышаться друг другом, нагово-

риться и, казалось, вечно занимались любовью, причём где придётся и вздумается, и порой по несколько раз в день. Это было настоящее безумие. Я постоянно ходила в рваной одежде после любовных страстей Ноя. Он беспощадно всё на мне рвал, потому что ему не терпелось, но, добираясь до тела, проявлял исключительную нежность, рисуя своими пальцами по моей коже словно художник.

– Я не могу на тебя смотреть! Я сразу тебя хочу и не могу ничего с собой поделывать, вот и всё! – объяснял мне Ной свои действия, чувствуя себя виноватым, порвав очередные чулки или платье, после чего покупалась следующая партия одежды. Я лишь улыбалась.

У Саши было всё проще, но почти в такой же манере: «Милая, зачем тебе эти верёвочки? Давай я их отрежу или отгрызу зубами. Развязывай тогда сама!»

Ною доставалось от меня не меньше. С ним я чувствовала себя абсолютно свободной от любых стереотипов, как в сдержанной семье Саши, и вела себя с ним, как отъявленная хулиганка. Ною моё поведение очень нравилось:

– Я с тобой помолодел на двадцать лет и вспомнил, как дёргал девочек за косички, вот и всё!

Ной последние дни ходил почти весь в моих поцелуях, которые превращались в синяки, но я старалась целовать его в местах, скрытых под одеждой. Мне постоянно хотелось его уку-сать, когда я слышала его смех или отвечала на его шутки. Я скучала и мне всегда его не хватало. Я не могла без него провести и часу. Если он задерживался больше чем на три часа, я уже выла на луну, как однажды сказал Саша про меня. Когда Ною я сломала уже третью по счёту молнию на ширинке, он развел руками:

– Ну я не знаю! Почему они такие не прочные, если даже ты их так легко ломаешь? Надо купить брюки на широкой резинке или без ширинки, или я скажу своему портному, чтобы сшил мне брюки без ширинки, вот и всё! Это же невозможно! – говорил Ной, а я умирала от смеха вместе с ним. Он менял рубашки по несколько раз в день, потому что отрывались пуговицы на груди, рвались карманы или оставались следы помады. Мы постоянно искали мои трусики, которые он постоянно каким-то образом куда-то не то прятал, не то терял. Это было настоящее сумасшествие.

– Марина, моя звезда! Ты представляешь, где они были? – звонил он мне из офиса в перерыв, – во внутреннем кармане пиджака. У меня парни попросили зажигалку, я полез в карман, а они у меня выпали и сказали: «Ной, твой платок упал!» Я опозорился, вот и всё! – шутил он, а я в очередной раз умирала от смеха от его «Вот и всё!» и всей ситуации.

После бурных утех последних месяцев с моими мужчинами, я переживала и за себя, и за детей, и за результаты очередного осмотра, не зная, что сказать и как объяснить Борису, который уже был в курсе, что я теперь живу с Ноем. Борис, пребывая ещё в Канаде, лишь черкнул мне сообщение: «Знаю, и не удивлён. Я вас всех люблю! Жду в гости!» И опять его короткое сообщение вызвало у меня кучу вопросов: «Он любит Ноя? Кого всех он любит? Кто чей сын, о боже?!»

Схожесть Ноя с Сашей чувствовалась не только в некоторых едва уловимых чертах лица, но и в банальных аксессуарах. На правой руке Ноя сегодня были два массивных перстня-печатки из белого золота. Один – с фамильным гербом «от отца», как говорил Ной, а я ломала голову, от какого отца, второй – с крупным чёрным ониксом на мизинце. Они бросаются в глаза, заявляя о статусе и власти. На шее был тонкий чёрный чокер из кожи с серебряной вставкой. Он выглядит дерзко и современно, заявляя о независимости, а значит, говорил о том, что Ной не боится нарушать правила.

На запястье левой руки – массивные часы из чёрной стали с лаконичным циферблатом. Никаких лишних деталей: только безупречный стиль и функциональность. В воздухе едва уловимый, но дорогой аромат: древесные ноты с оттенком кожи и специй: он обволакивал, притя-

гивал и оставлял после себя ощущение загадки. Мне даже казалось, что у мужчин одинаковый аромат, или я уже принялась и не видела разницы.

Пока Ной был за рулём при дневном освещении, я старалась ещё лучше разглядеть его черты лица, натываясь вновь на схожие черты с Сашей. Так как мы с Ноем постоянно «шлындались по картонным коробкам в потёмках», как говорил Ной, поэтому при дневном свете я видела его редко: волевой подбородок Ноя, высокий лоб, обрамленный тёмными волосами, которые чуть растрепал ветер, взгляд пронзительный, цепкий, но сейчас смягчён лёгкой улыбкой, уверенные скулы и четкая линия челюсти говорили о сильном характере, лёгкая небричность добавляла образу брутальности, но ухоженной брутальности. Во взгляде читалась задумчивость, однако он моментально фокусировался, когда нужно принять решение на дороге. Он казался расслабленным, но в то же время собранным и готовым к любым неожиданностям. Он был хозяином своей жизни и своего времени. И мы ехали в его владения – пентхаус в престижном районе Tribeca в Нижнем Манхэттене.

TRIBECA

– Еду, еду! Скажи, что стою в пробке! Пусть ждут! Я не знаю, почему они не открывают воздух? – опаздывал Ной и постоянно переговаривался с кем-то в наушниках.

Район Tribeca – это вполне реальное и подходящее место для жизни богатых и успешных людей, престижный район в Нижнем Манхэттене. Tribeca – это совсем другой Нью-Йорк, более спокойный, чем бурлящий Мидтаун, но не менее роскошный. Миллионер Ной вёз меня в свои апартаменты в богатом районе Нью-Йорка с видом на Гудзон. В отличие от кричащей роскоши Мидтауна, здесь все более сдержанно и изысканно: художественные инсталляции, фотографии известных фотографов, книги по архитектуре и дизайну. В этом месте чувствовался интеллект.

– Всё, приехали! Сейчас быстро покажу всё, и я убежал, – сказал мне Ной, одновременно отвечая в наушник, – приехал! Дай мне десять минут.

Мы подъехали к главному входу небоскрёба, на самый верх которого я даже не смогла посмотреть, чтобы не сломать шею. Нас встретили швейцар и парковщик. Ной кивнул, передал ключи парковщику, который уехал на моей «бэхе» в подземный паркинг. Мы быстро зашли в здание к лифту. Котёнок заплакал и стал беспокоиться. Я накрыла ему глазки ладонью, чтобы он ничего не видел вокруг. Добраться до апартаментов Ноя было уже приключением. Ной подвел меня к сверкающим стальным дверям лифта. Внутри кабины, отделанной полированным деревом и зеркалами, играла тихая расслабляющая музыка. Ной нажал кнопку «45».

– Что? Какой? Ной! – мне уже стало дурно, а он держал мою руку, успокаивал и улыбался. Двери плавно закрылись, и лифт бесшумно тронулся. Я почувствовала легкое давление в ушах. На цифровом табло начали быстро сменяться цифры: 10, 15, 20... С каждой секундой я поднималась все выше и выше, все дальше от земли. Ной спокойно улыбался, словно не замечая моего напряжения. Я не хотела показывать свой страх, но чувствовала, как сердце бешено колотится в груди. Котёнок совсем испугался лифта и стал громче мяукать. Я взяла его на руки и прижала к груди, отдав корзинку Ною.

– Скоро будем, – тихо сказал Ной, словно прочитав мои мысли. – Почти на месте. Цифры на табло продолжали расти: 35, 40... Наконец лифт замедлил ход и плавно остановился. Двери отворились, открывая вид на роскошный коридор пентхауса. Мы прошли ещё немного, и он, приложив электронный ключ открыл дверь. Я крепче прижала к себе котёнка. Двери наконец открылись, и меня встретила не просто квартира, а произведение искусства. Главная деталь – огромные окна с видом на Гудзон, которые создают ощущение, будто я стою на краю пропасти. Воздух замер в моих лёгких. Вместо восхищения перед глазами сразу вспыхнула паника.

«Боже мой, как же высоко! 45 этаж, а наверху ещё столько же этажей. Не смотри вниз, не смотри вниз! Это просто окно, это нестрашно!» – успокаивала я себя, но казалось, что я стою на краю обрыва. У меня закружилась голова.

«Я сейчас упаду. Нужно уйти отсюда. Сейчас, сейчас, сейчас... Только бы добраться до дивана! Я помню свой спуск в автолюльке с четвёртого этажа офиса, когда я умирала от страха, а тут 45 этаж!»

Я понимаю, что нахожусь в безопасности, что стекло прочное, есть охрана, и, скорее всего, камеры, но разум отказывается успокоиться. Страх иррационален и подавляет здравый смысл.

– Ной! – я сжала руку Ноя сильнее.

Ной, видя мой страх, обнял меня, предложил отойти от окна и посидеть в более уютном месте.

– Марина, давай я тебе покажу твою комнату, гардеробную и всё остальное. Ты можешь пока не подходить к окнам. Я постараюсь через час-два забежать, хорошо? – сказал Ной, успокаивая меня. Ноги вдруг стали ватными, будто земля уходила из-под них. Возникло нестерпимое желание ухватиться за что-нибудь, чтобы не упасть. Лёгкое покалывание в висках переросло в навязчивое головокружение. Голова сразу закружилась, мир потерял чёткость, и возник страх потерять равновесие. Всё вокруг показалось нереальным, будто я смотрю фильм, а не стою в квартире. Это сюрреалистичное зрелище вызвало ощущение отстранённости от реальности. Ещё эта тишина в огромном пространстве только подчёркивала высоту и создавала ощущение изоляции.

– Беги, Ной, я справлюсь, иди! Я привыкну! – кивнула я ему, слегка улыбнувшись. Он ушёл, и я стала знакомиться со своим новым домом. Дизайн резиденции Ноя был в стиле лофт, который сочетал в себе индустриальную эстетику с современным комфортом: высокие потолки, кирпичные стены, открытые балки. Но всё это дополнено современным дизайном и дорогими материалами: полы из состаренного дуба, камин, облицованный белым каррарским мрамором. Огромная гостиная разделена на зоны: зона отдыха с камином и видом на реку, обеденная зона с огромным столом из цельного куска дерева и кухня, спроектированная по последнему слову техники.

Большая спальня расположена в глубине квартиры, вдали от шума города. Здесь тихо и спокойно. Огромная кровать с балдахином, мягкий ковёр под ногами и, конечно же, вид на Гудзон. Можно часами лежать и наблюдать за тем, как проплывают баржи и лодки. Рядом – просторная гардеробная с автоматизированной системой хранения одежды и обуви. Чуть дальше – его отдельный кабинет с библиотекой и рабочим столом из ценных пород дерева, который переходит в самое сокровенное – в его художественную мастерскую, пахнущую красками и свежим деревом.

Гостиная, столовая и кухня плавно перетекают друг в друга, образуя единое пространство для развлечений и отдыха. Зонирование достигается за счёт расстановки мебели, ковров, освещения и разных уровней пола. Ванная комната – настоящий спа-салон: огромная ванна из камня, тропический душ, сауна. И все это с видом на реку. Можно представить себя где-нибудь на Бали, а не в Нью-Йорке. И, конечно же, терраса. Огромное пространство с видом на Гудзон. Здесь можно устраивать вечеринки на закате или просто сидеть и медитировать, слушая шум воды.

Квартира была украшена произведениями современного искусства – картинами, скульптурами, инсталляциями. Коллекция отражала вкус Ноя и его понимание прекрасного. Система «умный дом», управляющая освещением, отоплением, вентиляцией, безопасностью и развлечениями контролировалась с помощью планшета или смартфона. Многоуровневое освещение с использованием точечных светильников, люстр, торшеров и бра позволяли создавать различные атмосферы. Дизайнерская мебель от известных брендов сочетала комфорт и стиль: кожаные диваны, кресла необычных форм, столы из дерева и металла.

Эти апартаменты – не просто дорогая недвижимость. Это образ жизни. Это возможность жить в самом сердце Нью-Йорка, но в то же время чувствовать себя оторванным от суеты

и шума. И самое приятное: офис Ноя в шаговой доступности, а значит, он не будет вдали от меня, и ему будет комфортнее работать, а не стоять в пробках. Он руководил своим хедж-фондом прямо на North Moore Street. Удивительно, как легко совмещать карьеру и личную жизнь, когда все, что тебе нужно, находится под рукой.

Это была не просто квартира, а отражение его характера и жизненной философии. Это его личное пространство, где он может расслабиться, вдохновиться и насладиться жизнью. Я целый час ходила по его музею с открытым ртом и котёнком в руке, который широко раскрыл глазки и уже не плакал, а полагался на мои руки. К окнам я больше не подходила, потому что, сделав шаг ближе, уже ощущала, что мне надо сесть на пол и не вставать или ползти куда-то, поэтому я ходила «по стеночке». Я не понимала, где моя спальня. Их было две: одна, как я думала, большая и с мастерской, а другая, что на другом конце, – предназначалась мне, потому что в ней было много цветов, пакетов с одеждой и коробки, до которых у меня сейчас не доходили ни руки, ни ноги. Я устала от всего этого великолепия настолько, что кружилась голова. Высокие потолки делали своё дело. Я решила прилечь в своей комнате и не поняла, как уснула.

Очнулась я уже в темноте, когда мяукал котёнок, который боялся нового дома и прижался ко мне куда-то в живот. Я стала его доставать и увидела, что рядом спит Ной. На телефоне было одиннадцать вечера, и мне сильно хотелось пить. Где мне взять воду, я не знала. В моей спальне стояла темнота, но в самой квартире был полумрак, и я решила, что надо поискать воду. Я села на край кровати с котёнком, и тут же почувствовала руку Ноя.

– Ты проснулась, моя спящая красавица?

– Да, Ной, я всё опять проспала, хочу пить с котёнком и не знаю, где вода. Отнеси нас.

Ной тут же подскочил, взял меня на руки и понёс в столовую.

– Я ужасно соскучился, пока ты спала, и напугала меня.

– Почему?

– Я звонил тебе, ты не отвечала. Я прибежал, а ты спишь, и ушёл опять в офис. Уже закончил работу, а ты опять спишь! Моя любовь, а я тебе эклеры принёс, как ты любишь! – начал он целовать меня, пока я просыпалась у него на руках. Ной напоил меня водой и налил котёнку молоко, не выпуская меня из рук. Потом носил меня по квартире и всё мне показывал, рассказывая всякие интересные истории.

Столовая и кухня Ноя сочетали в себе роскошь, функциональность и комфорт. Здесь все продумано до мелочей, чтобы создать идеальную атмосферу для отдыха, общения и наслаждения жизнью. Здесь царил атмосфера элегантности и сдержанной роскоши. Большое внимание уделялось материалам: натуральное дерево, металл, кожа, стекло.

Огромный двухдверный холодильник из нержавеющей стали выглядел как продолжение стены: «умный холодильник» сам заказывает продукты, когда те заканчивались. В холодильнике был целый супермаркет продуктов на любой вкус. Я не могла сразу всё это разглядеть и дать оценку, потому что пребывала в состоянии невесомости и лёгкого ступора.

– Ной, я хочу, чтобы ты носил меня на ручках сегодня. Я хочу привыкнуть и не бояться высоты!

– Я всю жизнь об этом мечтал, любовь моя! Это всё только твоё и для тебя, моя жена! – оголил он мою грудь и начал её целовать, отчего я снова поплыла. Моя грудь в период беременности словно обезумела и всегда просила ласки. От рук Ноя я сходила с ума и вновь хотела его.

– Нас не видно в окна?

– Нет! Только мы всех видим! Я хочу тебя! Я весь день терпел! – шептал мой неутомимый Ной мне в шею.

– Дай мне эклер! – попросила я и сразу съела три штуки, запивая молоком, а он смотрел на меня глазами, полными желания, и облизывал свои губы, как перед охотой, посадив меня на высокий барный стул. Мы сидели напротив и дразнили друг друга в предвкушении новой любовной игры, которую придумывали на ходу. Я откусывала эклер, облизывая губы

и смотрела, не отрываясь на него, наклонившись вперёд так, чтобы он полностью видел мою грудь. На высоком стуле мои ноги полностью оголились. Синий шёлковый сарафан, который мне купил Ной, был безумно сексуальный: открытый верх и многослойность низа будоражили воображение. Я пила молоко и вновь облизывала губы, и видела, что Ной готов опять наброситься на меня и порвать мой красивый сарафан. Я медленно встала, делая шаги назад, как будто сейчас убегу от него. Он понял, что я играю, и поймал мою волну. Я побежала по квартире, не зная куда, а он со смехом за мной.

– Нет, только не этот сарафан, Ной! Я сама сниму, не рви его!

– Давай раздевайся! С тебя стриптиз!

– Хорошо! Хорошо! Только не трогай меня, а то это уже будет не стриптиз! – смеялась я, бегая от него с эклером в руке вокруг большого стола.

– Сядь, Ной! Я сама всё сделаю! Ты хищник и самый настоящий кракен! Ты понял! – кинула я в него подушку и захохотала вместе с ним. Наши игры были безумными, и нам нравилось сходиться с ума.

– Всё, всё, всё! Начинаю стриптиз! – смеялась я и села на высокий стул. Он уселся напротив меня на диван и ждал.

– Расскажи мне что-нибудь, как тогда на яхте, где я опозорился перед тобой!

– Не придумывай, ничего ты не опозорился! Так бывает часто у мужчин! – начала я с ним заигрывать.

– Когда я училась, мне нужно было помыть пробирки в лаборатории по биологии, – начала я свой рассказ, а Ной уже был готов и терпел, прикрываясь руками. – Я закрыла дверь изнутри на ключ и оставила его в замочной скважине, – говорила я ему томным голосом, постепенно снимая лямки сарафана, оголяя плечи. Ной тяжело задышал и замер. Я не могла дождаться от него слова «А дальше!», и продолжила, одновременно медленно расстёгивая верхние пуговицы сарафана одну за другой. Я продолжала:

– Ключ стал дёргаться, и кто-то пытался открыть дверь, проворачивая ключ из стороны в сторону. Ключ упал на пол, дверь открылась и... – не успела я договорить, как Ной подскочил и утащил меня на мягкий ковёр на полу.

– Всё, не могу больше, я хочу всё разрабатывать перед родами! – засмеялся он, утопив меня в своих поцелуях. Сарафан остался цел. Он просто упал на пол.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

БЕСПРЕДЕЛ

Утром я кормила Ноя завтраком перед работой в его футболке с надписью: «**Ной не ныл, и ты не ной!**» У него было бесчисленное количество маек и футболок со смешными принтами. Можно было читать и смеяться весь день над остроумными надписями.

– Зачем вы носите эти безумные галстуки, которые душат весь день? Я бы уже задохнулась и исчезла вся давно! – спросила я Ноя, поправляя ему воротничок, ослабила галстук и расстегнула верхнюю пуговицу. – Это же невозможно! У тебя уже синяя шея, как у дохлой курицы! – Ной вспрыснул, допивая кофе.

– Забыл опять покачаться! – ответил Ной, находясь на своей волне. – С тобой я стал забывчивым, потому что думаю о тебе всё время!

– Ной, это потому, что ты в меня влюбился, понимаешь? – ответила я, поправляя его волосы. – Ну-ка, посмотри на меня! – засунув ему в рот кусочек сыра. – Теперь ты похож на человека!

– Ах да, чуть не забыл! Вчера весь день звонил испанец и спрашивал, почему ты не вышла на работу? – засмеялся он.

– О боже! Я про него совсем забыла! Скажи ему, чтобы он уволил меня! Он тебе звонил? И что? Вы поговорили?

– Да! Он долго просил прощение у меня и сказал, что завязал с выпивкой, и просит, чтобы ты его разблокировала, потому что хочет тебе звонить.

– А ты? – поинтересовалась я.

– Слушал и молчал! Ты ему обещала приехать?

– Я ему предложила меня уволить, чтобы я ему мозг окончательно не вынесла!

– Съезди с Крисом, проветрись. А что у него там случилось? Зачем ты вдруг понадобилась?

– У него там полный хаос. Секретари плачут, жалуются. Честно говоря, у меня нет желания ехать и наводить там порядок. И ещё я сказала ему, что не буду у него бесплатно работать! А он вчера, видимо, ждал меня после обеда, когда я ему намекнула о приезде, чтобы он отстал, а я спать легла и забыла о нём.

– Он настаивает! – допивал кофе Ной.

– Ещё бы! Наверняка, вчера устроил там целый аттракцион невиданной щедрости, чтобы умыть меня! – ответила я. Почему-то я сразу разозлилась, подумав о Саше.

– Так что ты решила? Что ему сказать? – переспросил Ной.

– Я не знаю, Ной, помоги мне, что мне надо сделать? – заныла я, засовывая ему в рот оливку. – Я не поеду прямо сейчас утром, как он хочет: «Такие правила, бе-бе-бе, ты должна как все ля-ля-ля.. твой Санечка...!» – передразнивала я Сашу. Ной засмеялся.

– Ной, давай сегодня вечером посмотрим фильм про Скарлетт, пожалуйста! Я по ней соскучилась!

– Конечно, моя душа, тем более что ты её копия! – ответил он, целуя мои пальчики. – Так что с испанцем?

– Оооой! – закатила я глаза, – ладно, я его разблокирую и напишу, что приеду, как соберусь.

– А мне будешь звонить каждые два часа, чтобы я был спокоен, хорошо? Кристиан придет и поможет тебе! Обязательно позвони, как будешь в офисе! – сказал Ной, посмотрев на меня с беспокойством в глазах. Он ушёл, оставив меня одну в своём дворце. Я немного освоилась, но ещё не разбирала свои вещи и подарки Ноя, решив заняться этим вечером. Сашу я разблокировала, но позвонила Кристиану, а не Саше. Кристиана я позвала с собой, а Саше вообще решила ничего не писать и не звонить, а приехать в офис спонтанно и внезапно.

Надев свой любимый прикид: широкие серые штаны, серый лонгслив, высокие кроссовки, распустив волосы и сделав лёгкий макияж, я ждала Криса. С собой я взяла только телефон Ноя. Ной перевёл мне на карту приличную сумму денег, поэтому я ничего не брала с собой. Приехал Кристиан. Увидев мой экстравагантный наряд, он усмехнулся и, по-свойски, выставил кулак для приветствия, словно я была частью его компании, как это принято на молодёжных вечеринках.

– Крис, давай я поведу сегодня в городе! Я постараюсь ехать не быстро.

– Ок, всё получится, Марина! – ответил он. Крис был одет в стиле хай-стрит, подразумевающим многослойность в одежде. На нём было надето сразу много всего: майка, короткая рваная футболка, ещё одна футболка тёмной расцветки, расстёгнутая рубашка с закатанными рукавами, рваные джинсы и убитые кроссовки. Весь он был увешан чокерами, цепями с черепами, крестами и браслетами. Мне всё в нём нравилось. Он был симпатягой и, скорее, моим другом, чем телохранителем. Кристиан помогал мне управлять машиной, подсказывая и направляя руль, поэтому мы довольно быстро добрались до офиса Саши под рэп какого-то исполнителя. Я вспомнила вождение в Барселоне, и быстро вникла в процесс, поняв, что нет особой разницы в городах-миллионниках.

На ресепшене внизу меня даже узнали, чему я удивилась, и оформила Крису пропуск. Дверь лифта открылась на четвёртом этаже, и в нос ударила ужасная вонь. Офис, казалось, не убирали и не проветривали неделями. Я ужаснулась.

– Крис, не отходи от меня, – крикнула я ему. Артур сразу подбежал ко мне. – Артур! Почему не убрано? Заказывай срочно клининг. Всех срочно на перерыв и открыть окна. Где босс?

– У себя. У него посетительница, – растеряно ответил он.

– Кто?

– Не знаю, представилась, как Светлана! Я не знаю её!

«Почему я не удивлена?!» – подумала я, – «Вот и встретились!»

– Артур, ты мне нужен будешь. Не исчезай. Где Миша? – он кивнул, сопровождая нас.

– Саша его выгнал! – предупредил Артур.

– Почему Миша мне не сказал? – разозлилась я от новостей.

– Не успел, наверное, сегодня утром выставил его после планёрки! – испуганным голосом отвечал Артур.

– Почему все отделы пустые? Где народ? – возмутилась я.

– Была планерка, он всех разогнал. Я так и не понял, почему!

– Как? Кошмар! Что здесь происходит, Артур?

Артур был растерян и подавлен, не зная, что отвечать.

– Он тебе заплатил с тех пор, как ты работаешь?

– Нет ещё!

– Да что ж такое, а? – шла я злая в кабинет Саши. – Артур, скинь мне свои реквизиты, я перекину тебе на карту.

– Хорошо, – ответил Артур, сопровождая нас.

Кристиан впервые увидел меня в роли руководителя и был немного удивлён моим образом генерального директора. Это читалось по его лицу. Я направилась сразу в кабинет Саши. Уже в коридоре я слышала хохот Светланы, такой же звонкий, как был там на отдыхе, когда она его соблазняла. Сзади донесся растерянный голос Макса, что-то невнятно бормотавшего в рацию. Не обращая внимания, я распахнула дверь кабинета ударом ноги. Картина была отвратительной: Саша, словно прибитый к креслу, и Света, вальяжно расположившаяся у него на коленях. Она обвивала его шею руками, будто это было самым естественным жестом, и в ее позе читалась нарочитая расслабленность. Они оба испуганно дернулись, точно их застали за чем-то запретным. В глазах Саши плескался неподдельный ужас, он врос в кресло, глядя на нас с Крисом, словно ища спасения. В глазах Светы же мелькнула лишь досада, быстро сменившаяся расчетливой надменностью. Сердце обожгла ревность, смешанная с презрением.

– Пошла вон отсюда, шалава! Потаскуха! – зарычала я, не в силах сдержать гнев. Света, быстро оценив ситуацию и увидев меня в сопровождении мужчин, соскочила с Сашиных коленей. С показным равнодушием поправив и без того безупречное платье, она, не удостоив нас взглядом, скользнула за дверь.

«Почему меня не бросает в дрожь и не колотит от этих сцен, а наоборот, возникает одно отвращение?» – подумала я. Саша «включил» босса и взял стакан, налив туда очередную порцию виски. Я подошла, взяла его стакан и бросила об стену. Стакан разбился.

– Пошли! Покажешь мне тут всё! – крикнула я Саше. Крис держался рядом, наблюдая за всеми.

– Ты наконец приехала работать? – мертвым голосом спросил Саша.

– Ты, я вижу, уже всю работу сделал! – ответила я ему. Я набрала Ноя. Он тут же ответил. – Ной, я приехала!

– Ну как там?

– Настоящий кошмар! – говорила я громко, чтобы все слышали. Саша плелся за мной с Крисом, слушая, что я говорю Ною. – Вонь, уборки нет, персонал почти разбежался, а у Саши, как всегда, бордель в кабинете и Света на коленях. Ты мне говорил, что он завязал с выпивкой? Так я сейчас разбила его стакан с виски об стену, представляешь?

– Понятно! – ответил Ной. – Дай ему трубку!

– На, поговори! Крис, смотри за ним, – отчеканила я Крису, а сама пребывала в шоке от увиденного. Саша молча слушал Ноя по телефону, немного отставая от нашей делегации, и не отвечал ему.

Крис вернул мне телефон, предупредив:

– Ной не отключается, он слышит!

Саша после разговора с Ноем весь взмок. Я повернулась к нему и стала смотреть в глаза:

– Саша, что происходит? Ты себя видел в зеркале? Что у тебя с лицом? Зачем ты эту шлюху сюда приволок? Ты нормальный? Почему у тебя губа разбита? Откуда синяки на лице? Что с руками? Ты весь побитый! – спрашивала я, разглядывая его. Он молчал. – Пошли, я студию посмотрю. Там тоже бордель устроил?

– Марина! – начал он. – Ты так неожиданно приехала. Я ждал тебя вчера.

– Не дождался и устроил тут цирк с конями, поэтому своих баб подогнал? – говорила я так, как никогда себе не позволяла с ним разговаривать. Около студии вальяжно сидели Макс и Ян, не собираясь даже встать, увидев меня с Крисом.

– Открывай, чего уселся? – приказала я Макс, указывая на дверь. Он посмотрел на Сашу и, не дождавшись разрешения, открыл кабинет.

– Ты что сделал с моим кабинетом, а? – пребывала я в шоке от увиденного. На полу были разбросаны книги, бумаги, папки, одноразовые стаканы, пустые банки из-под пива и водки. Стена не работала. Она была сломана и торчали провода в разные стороны.

– Крис, приготовься! Эти дебилы могут нас тут замуровать, – показала я на Макса и Яна. Саша еле поднял глаза на меня. Мне показалось, что он вообще был каким-то невменяемым. Он лишь мычал и ничего не говорил.

– Марина! – произнёс он, едва поворачивая язык. Он был неадекватен, и ему явно нужна была помощь врача. Он был весь мокрый от пота. Я потрогала его лоб и руки, которые были абсолютно холодными. Голова моталась в разные стороны. Казалось, он бредит. Я испугалась.

– Саша, сядь сюда, пожалуйста, я очень тебя прошу. Посмотри на меня. Давай, смотри на меня, Саша! – испугалась я.

– Марина! – единственное, что он смог сказать.

– Крис, заведи у них оружие и пропуска. Закрой их здесь, в туалете, – показала я на Макса и Яна. Крис разоружил их и пинками закрыл в туалете, толкая в темноту.

– Крис, помоги мне его посадить, он сейчас рухнет.

Мы посадили Сашу в кресло.

– Что там? – крикнул нам Ной, который был на связи и всё слышал.

– Звони его отцу! – крикнула я Ною, – пусть забирает его! Всё плохо! Они его чем-то накачали! Пришли мне охрану! У него, скорее всего, сердечный приступ! Нужен врач! Он весь холодный! – кричала я в телефон. Крис посмотрел руки Саши, задрал ему рукава, и крикнул Ною в телефон:

– Ной, у него все вены перепаяны!

– Понял! Еду!

– Саша, пожалуйста, я очень тебя прошу. Посмотри на меня, – взяла я его лицо в руки. – Ты видишь меня? Саша!

– Марина! – единственное, что он едва мог сказать.

– Марина, он не слышит тебя, – тихо ответил Крис.

– Саша! Господи! – у меня хлынули слёзы, видя, как закатываются его глаза. В студии творился полный хаос: не было штор, на полу валялись покрывало и грязное постельное бельё, повсюду были разбросаны подушки, побитая посуда, мебель была в сколах либо разбита, пустой холодильник был открыт настежь, были всюду разбросаны использованные презервативы и шприцы.

– Артур, закрывай офис на три дня! – крикнула я Артуру, который стоял в ступоре у входа. – Полная обработка помещения, кварц! Давай быстрее, шевелись! Сотрудников отправь на каникулы. Сейчас приедет Ной и решит, что со всем этим делать! О боже! Ной, где ты? Саша! Открой глаза! Прошу тебя, Саша! – кричала я сквозь слёзы, похлопывая его по щекам. Саша уже был в полуобморочном состоянии и, казалось, совсем отключился, пока я давала распоряжения.

– Саша! Посмотри на меня! Родной мой, ну пожалуйста! – меня душили слёзы. Спустя пару минут прилетел Ной и с грохотом ворвался в студию с людьми и своим врачом:

– Твою ж мать, а? Саня! – содрогнулся Ной, увидев его и весь хаос в студии. Врач ринулся к Саше, щупая пульс и рассматривая его зрачки. Поднял глаза на Ноя:

– У него шок. Срочно везём!

Сашу унесли на руках. Ной остался со мной. Я вцепилась в его грудь, рыдая, и не могла успокоиться.

– Сейчас определим его в мою клинику. Пусть прокапают, а там посмотрим, – с ужасом в глазах ответил Ной. Крис с охранниками выпустили Макса и Яна, скрутили им руки и увели.

– Ной, что делать? Ужас какой! – закрыла я лицо руками.

– Всё будет хорошо! – прижал он меня к себе. – Сейчас его восстановят, пусть отлежится, поспит. Ему надо отдохнуть. Я проконтролирую. Крис, увези Марину!

Ной ушёл с остальными, оставив меня с Крисом и Артуром.

– Марина, где мне взять ключи от офиса? У него же всё в сейфе или я не знаю где? – спросил Артур.

«О боже, сейф! Там же всё!» – вспомнила я и испугалась не на шутку, зная, что в сейфе у Саши не только ключи, а его документы, договора, акты и вспомнила Свету, которая сидела на его коленях рядом с сейфом.

– Ты всех сотрудников проводил? – спросила я Артура. – Ещё раз всё проверь и закрываем. Я свяжусь с тобой вечером, позвоню.

– Хорошо! – ответил Артур. Я неслась к сейфу Саши, уже зная, что наверняка его взламывали. Крис стрелой нёсся за мной. Сейф в кабинете был помят и разбит. Видно было, что его пытались сломать, но не смогли. В замке торчал ключ, и уже горела предупреждающая красная кнопка на плате с буквами и цифрами. Сейф явно пытались открыть перед нашим приходом. Крис попробовал открыть дверцу, но не смог.

– Крис, там у него всё! Понимаешь? – посмотрела я на него.

– Не смогли вскрыть, пытались, но сейф заблокирован. Есть ещё одна попытка, и потом его уже не откроешь, – ответил он. Это был новый металлический оружейный сейф российского производства, с русскими буквами. В Штатах такие часто используют русские, потому что мало кто знает русский алфавит, и можно поставить пароль, который сложно будет подобрать. Трясущимися руками я присела на колени перед кнопками и нажала пять букв, которые знали только мы с Сашей «ШПАНА».

Сейф сразу открылся, и я вздохнула с облегчением. В сейфе всё было на своих местах: документы, договоры, акты, наличка, электронные ключи, золото и оружие. Я всё сгребла в пакет. Тут я вспомнила о сейфе у родителей, который тоже стоял в спальне, и где постоянно крутился Ян.

– Крис, надо поехать в Кинсберг к родителям. Там тоже такой же сейф, а они завтра съезжают, – испугалась я. Мы закрыли офис, предупредив администратора внизу, чтобы поставили офис на сигнализацию. Пока мы ехали, я судорожно всё анализировала:

«Первый, кто попадёт под подозрение – это Ной. Он недавно с ним дрался, он угрожал, и это все видели. Значит, кто-то подставил Ноя! Фрики? Райман или Берта? Света? Больше никому! А Макс и Ян их люди!» Ной был вне моих подозрений. Я это чувствовала и знала. Он бы никогда так не поступил с Сашей, при всех своих угрозах и ревностях.

ХВОСТ

Я ворвалась в дом родителей и пулей побежала в спальню к сейфу, даже не взглянув на них. Крис стоял внизу, не зная, что отвечать матери. Отец поднялся за мной.

– Марина, что случилось?

– Потом! Закрой дверь и не пускай сюда маму!

Сейф был цел. Я набрала ШПАНА, он тут же открылся.

– Фуух, о боже! – выдохнула я. В этом сейфе у родителей хранились очень важные документы, которые я не нашла в сейфе офиса.

«Поэтому он поставил его ко мне в комнату и развешал камеры с прослушкой. Это было в его духе расчётливого эгоиста, использующего даже близких ему людей!» – сразу поняла я.

– Марина? – отец с испугом смотрел на меня.

– Саша в клинике с Ноем! Взламывали сейф в офисе. Сашу накачали дурью и побили. Ной его увёз в свою клинику. Он сейчас с ним. Больше я ничего не знаю! Я закрыла офис и буду у Ноя в его апартаментах в Tribeca с охранником. Всё! Объясни маме сам. Я уехала! – быстро отчеканила я отцу. Мы неслись с Кристианом обратно на сумасшедшей скорости и уже, приближаясь к городу, Крис сказал:

– Марина! За нами два кроссовера. Видишь? Достань у меня пистолет из кармана и держи его в руках.

– Mamочка, Крис! – я сразу испугалась и затряслась от страха.

– Не бойся, «бэха» бронированная. Пистолет на случай, если прямо совсем край, понятно?

– Да! Я позвоню Ною.

Ной не сразу взял трубку и говорил очень тихо. Я испугалась:

– Ной, что с тобой? Как Саша?

– Не плачь, моя любовь. Саше делают операцию. У него внутреннее кровотечение. Всё будет хорошо!

– А ты?

– Я сейчас сдаю кровь. Ему срочно нужна кровь. У него редкая группа – четвёртая положительная. У меня такая же – четвёртая положительная. Искать донора нет времени, – и он отключился.

Мы переглянулись с Крисом. Он помахал головой, предупреждая, чтобы я не говорила о погоне, и только сейчас я уже точно поняла, что они братья по отцу. Ной не придавал значения своим словам, зато для меня сложились все пазлы: внешность, фигуры, их таланты, любовь к живописи, музыке, дельфинам, океану и даже некоторые родинки на интимных местах, которые видела только я, а теперь ещё и та же группа крови с положительным резусом.

– Крис, будешь со мной в Tribeca! – предупредила я Кристиана, вытирая слёзы.

– Ок, понял. Марина, не переживай, всё наладится! – прижал он меня к себе, когда мы стояли на светофоре. Свет переключился, и Крис дал по газам, скрипя колёсами и играя в шашки на трассе. Подъезжая к дому, хвоста уже не было. Из машины мы выходили с Крисом предельно осторожно.

– Марина, дай мне все бумаги на всякий, – сказал Крис и начал их прятать к себе под бронезилет, который я никогда не замечала под его майками и футболками.

– Выходим спокойно! – сказал он, держа наготове пистолет. Из лифта на сорок пятом этаже он вышел первым, осматриваясь. Дал мне знак, и я быстро подбежала к двери, открыла, и мы зашли внутрь, закрыв за собой дверь. Оба сели на пол у двери, чтобы прийти в себя и отдышаться.

– Крис, ты останешься здесь на ночь. Здесь есть апартаменты для личной охраны и прислуги. Можешь даже жену привезти и пожить с ней и с нами некоторое время.

– У меня нет жены, – улыбнулся он, тяжело дыша.

– Крис, чувствуй себя как дома. Поешь! Всё есть в холодильнике. Я пойду в свою комнату, отдохну! – сказала я ему, почти шатаясь от всего и еле переставляя ноги от усталости.

– Хорошо, вот все бумаги и пакет, – отдал он мне, всё ещё продолжая сидеть на полу и провожая меня взглядом.

В комнате я закрылась на ключ с котёнком, потому что уже, казалось, не верила никому и опять стала всего бояться, и хотелось спрятаться. Мне казалось, что я просто тону в круговороте событий за последние три месяца.

«Всего пару безоблачных дней, и опять стрессы, как заведённая навязчивая пластинка. Где моя спокойная Барселона?» – думала я, лёжа с телефоном в руках, и ждала от Ноя звонка. Полная опустошённость враз набросилась на меня. Я не могла уже ни чувствовать, ни сообщать, а тем более анализировать и думать. Я переживала, как мне казалось, за обоих своих любимых мужчин: Сашу я продолжала любить, скорее всего, из-за долгой привычки быть всегда с ним рядом, а Ноя я любила всем сердцем, потому что просто любила, и мне его сейчас не хватало.

«Один на операционном столе, а другой сдаёт кровь, и оба страдают из-за меня. Два брата по отцу, и как мне с этим жить? Что я натворила? О боже!»

ЭСТЕЛЬ

– Марина, Ноя привезли! – постучал Кристиан в дверь спальни ближе к вечеру. Я побежала к двери. Ноя несли двое, поддерживая под руки, с опущенной головой и заплетающимися ногами. Он, подняв голову, увидел меня, едва улыбнувшись, как пьяный, и ничего не говорил.

– Куда его? – спросил врач.

– Давайте на диван сюда, – показала я. – О боже, Ной! – у меня полились слёзы. Доктор уложил его на подушки и позвал меня в сторону.

– Ему сейчас надо отлежаться и поспать, набраться сил. Вот список, чем желательно питаться. Я сделал ему укол, он немного будет заторможенным, но это пройдёт. Он сдал много крови, и это стресс для организма. Ему надо отдохнуть и успокоиться. Через два часа я снова приеду, посмотрю на него, поставлю магнезию, и он уже завтра будет сидеть. Он отойдёт, не волнуйтесь! У него сейчас кружится голова и всё. Ничего не болит.

– Сколько он сдал крови? Много? – с испугом спросила я.

– По максимуму – 500 мл, больше нельзя!

– А как Саша? Почему внутреннее кровотечение?

– Будет жить! Вытащили. Вы вовремя успели. Его кто-то бил. Разрыв селезёнки. Ещё бы час-два, и всё. И кровь Ноя очень вовремя помогла, потому что мы бы часами искали четвёртую группу, да ещё и с его редкой плазмой. А у Ноя идеально подошла нужная кровь и плазма. Так бывает очень редко. Ему повезло! Можно сказать, что Алекс заново родился, и вы оба его спасли. Он тоже сейчас спит, но утром он проснётся.

– А к нему можно приехать? – робко спросила я.

– Думаю, что да, завтра к вечеру должен отойти. Я вас отведу к нему, если вы приедете, – посмотрел он на меня внимательно, запоминая. – Хорошо, я ещё зайду! – ответил он и уда-

лился. Я не знала, как подойти к своему Ною: в груди сжимался невидимый ком, руки не слушались, пелена слёз искажала его образ. Он лежал на диване в рубашке с закатанными рукавами и перебинтованной рукой, галстук был спущен. Я встала на колени и смотрела в его лицо, держа над ним ладонь, боясь дотронуться.

– Ной, мой любимый! Я здесь с тобой! – я целовала каждый сантиметр его лица дрожащими губами. Он молчал. Его лицо не выражало никаких эмоций, но я знала, что он не спит и слышит меня.

– Ной, мой Ной! – гладила я мысленно каждый волосок на его голове. – Иди к своей Маре, иди ко мне! Пойдём со мной! – говорила я, продолжая держать ладонь над его лицом, закрыв глаза и проникая внутрь его подсознания. Я пробиралась сквозь заросли страха и отчаяния, увидев его образ, такой яркий и живой, как будто он стоял передо мной. Его улыбка, его смех, его глаза, полные жизни и любви – это было моим маяком в этой темноте. Он стоял спиной ко мне, одинокий и потерянный. Его плечи были опущены, словно он нес на себе всю тяжесть мира. Я подошла ближе, осторожно, чтобы не спугнуть его.

– Ной, – прошептала я, и мой голос, казалось, растворился в воздухе. – Это я, Мара. Я здесь...

Он не обернулся, но я почувствовала, как что-то внутри него дрогнуло. Я вновь увидела туман перед глазами и почувствовала, как сердце моё рвётся на части, глядя на него сверху. Он был словно сломанная птица: бледный, измученный, с тенями под глазами и, казалось, умирал. Я увидела, как в его сознании бушевала буря: тошнота, головокружение, тупая, ноющая боль во всем теле. Я чувствовала это, как собственную рану. Мой дар или проклятье позволяли мне ощущать чужие страдания, а сейчас страдания Ноя пронзали меня, как острые иглы.

– Ной! – прошептала я. Мой голос дрогнул, когда туман перед глазами слегка нарастал, и я вновь увидела женщину в комнате, которая держит на руках младенца. Женщина очень красивая, с правильными чертами лица, высокими скулами, с гривой переливающихся на свету тёмных волос, рассыпавшихся по её плечам. Она наклонилась над ребёнком и поёт ему колыбельную, прижимая его к своему лицу. Какая-то невидимая связь соединяет меня с ними, делая сторонним наблюдателем и давая возможность посмотреть на них, исцелить её ребёнка и вернуть к жизни. Она прикоснулась к его лбу.

– Иди к своей Маре, Ной! – едва слышно говорила она своему ребёнку. Я смотрю на них и тяну к нему ладонь туда, где бьётся его сердце. Я вкладываю в него свет, тепло, жизненную энергию. Это было болезненно, изматывающе, но я не могла остановиться. Я увидела, как туман немного рассеивается, как отступает холод, сковывающий моё тело. Женщина смотрит на меня и что-то хочет сказать, но мешает туман, а я мечусь, пытаюсь услышать её слова, но не могу, и моя энергия хлынула через меня, как поток горячей лавы. Но её фигура таяла, словно дымка на ветру. Внезапно, яркая вспышка молнии озарила всё вокруг, и я увидела её лицо. Её прекрасные, печальные глаза цвета изумруда, точь-в-точь как у Ноя, смотрели на меня.

– Пстой! – взмолилась я, протягивая руку. – Не уходи, скажи, что ты хотела?

Но её фигура таяла, словно дымка на ветру. Внезапно, яркая вспышка молнии озарила всё вокруг, и я увидел её лицо. Её прекрасные, печальные глаза цвета изумруда, точь-в-точь как у Ноя, смотрели на меня.

– У тебя будет Эстель! – прозвучал её голос, и она показала мне цифры, которые исчезали в воздухе, подобно клубам дыма. – Ною нужна его Эстель! – это были её последние слова, прежде чем она окончательно исчезла. Закрыв глаза, я позволила магии течь сквозь меня. Это было похоже на удар тока, на бурный поток энергии, который рвался наружу. Я направила её к Ною, точно нить. Я дышала и летала над ним. Я вливала в него свет, тепло, жизненные силы, словно перекачивая энергию из себя. Каждая частичка меня сопротивлялась, истощалась, но я не могла остановиться. Я чувствовала, как его сознание постепенно проясняется, как отступает

тьма. Ной смотрит на меня через туман и пытается улыбнуться. Лишь уголки его губ дрогнули в слабой, жалкой попытке.

– Молчи, Ной! – магия внутри меня встрепенулась, как раненое сердце. Закрывая его губы ладонью, я шепчу ему:

– Спи, Ной, – мои губы коснулись его волос. – Я заберу твою боль, Ной! – я продолжала убаюкивать его своей аурой, пока от меня не осталось почти ничего. Слёзы снова навернулись на глаза.

«Его мать Эстель предсказала рождение нашей дочери, но почему это будет только через два года, когда мне сейчас скоро рожать? Ничего не понимаю! Почему она указала 2026 год, когда сейчас конец високосного 2024 года, а мне рожать двойню в феврале 2025 года? Как такое может быть? Я окончательно запуталась!» – думала я про себя, ничего не понимая. Мой взгляд был прикован к Ною, к этому удивительному существу, и я чувствовала, как невидимые нити судьбы опутывают нас всё крепче, предначертанные его матерью – Эстель. И я уже была готова на всё ради него. Я обещала себе, что буду рядом, чтобы охранять его от него самого, чтобы напоминать ему, что он тоже заслуживает счастья.

«Даже если он никогда об этом не узнает. Даже если он никогда не полюбит меня так, как люблю его я. Я просто буду любить его. Потому что мир без Ноя, это не мир! Это лишь пустая оболочка, лишённая света и надежды, вот и всё!»

– Ной, открой глаза! Теперь можно! Ты готов вернуться? Пойдём со мной! – позвала я его. Его веки дрогнули, и едва уловимые капельки слёз просочились сквозь них. Я обхватила его лицо и накрыла своим, будто боясь, что кто-то заберёт моего Ноя.

– Ной, ты слышишь меня?

– Да! – открыл он глаза, быстро заморгав, как после долгого сна. – Улыбнись мне, мой Ной! Ты вернулся?

– Сколько я спал? – спросил он, вертя головой.

– Ты совсем не спал.

– Мне показалось, что я спал сутки или двое, – неуверенно, смущённо, заулыбался он.

– Сейчас я принесу тебе тёплого молока! – вынырнула я из тумана и быстро побежала за тёплым молоком.

– Ной, давай я сниму тебе галстук, давай! Вот так, мой хороший. Давай расстегнём рубашку. Как ты себя чувствуешь? – вернулась я к нему и стала поить его с ложечки молоком. – Давай, открой ещё рот. Вот так! Ной, давай ты сядешь? Подушки под спинку, вот сюда, – он привстал, а я подложила подушки повыше, – как ты, мой Ной, тебе лучше?

– Мне легко, и голова совсем не кружится!

– Ной, попей ещё молока, давай! Ной!

– Любимая! – наконец заговорил Ной, – мне лучше! Намного лучше!

– Да, Ной, да. Сейчас всё позади! – прижала я его ладонь к своим губам, думая о своём видении и о женщине Эстель в тумане, которая приходит ко мне уже не один раз и, наконец, произнесла свои слова. Я села рядом с Ноем, уткнувшись лицом в его грудь и слушая удары его сердца. Зашёл доктор с Крисом.

– Ной, да ты уже сидишь? – заулыбались они друг другу.

БЕЗУЧАСТНОСТЬ

Вечером следующего дня я ехала на своей «бэхе» к Саше в клинику. Рядом на пассажирском кресле сидел Кристиан, и нас сопровождали три кроссовера с телохранителями.

– Артур, – говорила я в наушник, – ты получил перевод? Что в офисе?

– Да! Получил! Офис отмывают. Кончается срок аренды. Вернее, уже кончилась и идут пени.

– Хорошо, я позвоню им. Скорее всего, будем менять офис. Будь готов и не теряй Михаила. Ты подбираешь людей?

– Да, многие звонят, спрашивают вакансии.

– Артур, я полагаюсь на твой креативный подход и доверяю тебе. Сам подбирай персонал, ты знаешь как, хорошо? Сейчас я пока не могу. Дай мне два дня.

– Понял. Я буду держать тебя в курсе, Марина!

Ной пришёл в себя и долго отсыпался у себя в спальне, а потом закрылся у себя в мастерской, и я не мешала, зная, что ему надо побыть одному и подумать, рисуя портреты или сочиня очередное художественное произведение в виде стиха или прозы. Лишь в его рисунках или творениях отображались те эмоции, которые ему нужно было излить на холсте или на бумаге. Талантливые люди обычно так и поступают: уединяются и делятся эмоциями с живописью, письмом, музыкой или поэзией. Казалось, в нём есть все эти таланты, и он каждому старался отдать частичку себя наедине с самим с собой.

– Да, мамочка! – по параллельной звонила мама. Я слышала, как она плачет и моё сердце разрывалось на части. – Не плачь! Зачем ты плачешь? Я сейчас еду к нему! Я тебе сразу позвоню! Доктор сказал, что ему уже хорошо. Всё, мама, я занята, мне звонят.

– Да? – звонили мне уже из администрации арендодателя. – Ну и что? Естественно, заплатим. Вышлите мне расчёт. Мы меняем офис. Какая вам разница? Что с реквизитами? Ну так новые вышлите мне сейчас и всё, это сложно? Всего хорошего! – злилась я вслух. – Бараны! – Крис молчал все мои диалоги и страховал мой руль, если я зависала.

В клинике нас встретил доктор. Я шла по длинному коридору к Саше, которого не видела два дня, и не знала, что ему сказать. Меня одолевали мама и отец, которых он не хотел видеть и не хотел видеть никого. Их не пускали к нему. Более того, он не допускал к себе персонал и кидал в них предметы. Он отказывался кушать и капризничал. Доктор говорил, направляясь в палату о том, что Саша вполне быстро восстановится, что у него небольшой шов, и что через неделю он будет прыгать по зелёной травке, но его агрессия ещё не ушла, потому что это последствия его длительного запойного состояния. Я шла, как в тумане, из последних моральных сил, которые полностью отдала Ною.

Саша тихо лежал в палате под капельницей и смотрел в потолок. Он был закрыт простыней до подбородка. Я не стала смотреть, что под ней, хоть и представляла последствия ударов, которые ему наносились. На лице была разбита губа, которая слегка опухла, правая скула была разбита, на шее виднелись синие следы от чьих-то пальцев. Его веки дёрнулись, когда я подошла к нему и взяла руку. Он увидел меня и молчал, но не выгнал.

«Осторожно, он бросает предметы в персонал!» – вспомнила я слова доктора. Мы молчали. Я смотрела на его лицо и вглядывалась в глаза, которые любила до сих пор, и не могла сдерживать эмоции. Он не смотрел на меня.

– Саша, поговори со мной! Как ты себя чувствуешь?

Он не отвечал. Я понимала, что он провалился в бездну и ему надо время, чтобы оттуда выбраться, но как долго это он сможет сделать, зависело от него. Я сжимала его руку, а он не отвечал мне. Мне было страшно и больно видеть его абсолютно безучастным ко всему. Если Ной умел и находил путь к своему исцелению, то его брат с невероятно сложной натурой мизантропа, бунтаря и нонконформиста протестовал против себя и всех вокруг, тем самым ещё сильнее закапывая себя как можно глубже.

– Саша, ты можешь мне звонить или писать. Я тебя разблокировала. Как захочешь, позвони мне, хорошо? Сожми мне руку, если согласен? – попросила я, и даже сейчас он бунтовал со мной, едва и чуть заметно, сжимая мою ладонь. – Хорошо, я буду ждать твоего звонка.

Я погладила ему лоб и провела пальцами по волосам. Он слегка вздрогнул и продолжал упорно молчать, хотя его состояние было вполне нормальным. Он чётко ориентировался, глаза у него выражали эмоции и были живыми и настоящими, в нем чувствовалась внутренняя пружина.

жина, готовая в любой момент развернуться к действиям, он понимал, что от него хотят, мог говорить и всё слышал, ну и всё на этом. На контакт он не шёл.

– Саша, ты почему ничего не ешь? Давай я тебя покормлю? Давай? – заглянула я ему в глаза и увидела в них согласие, потому что он слегка моргнул веками. Рядом стоял лёгкий суп и компот из сухофруктов: обычный рацион после хирургических операций. Я постелила салфетку ему на грудь. Он так и продолжал не проявлять ко мне никаких эмоций и действий, смотря прямо в стену.

– Открой рот, Саша, давай ложечку. Вот так, мой хороший, давай, я покормлю тебя! – он открыл рот и уже этому я была счастлива, насколько тяжело он шёл на контакт. – Давай ещё две ложечки и всё. Потом попьёшь компотик, хорошо?

Он послушно выполнял мои просьбы, продолжая смотреть в пустоту.

– Ну вот, хоть немножко поел. Что ты ещё хочешь, Саша? Скажи мне.

Он молчал, лишь держал мою руку и не отпускал.

– У тебя болит что-нибудь? – спросила я. – Сожми мою руку, если тебе больно, – повторила я, хотя он мог ответить, но молчал. Он её не сжимал. Я понимала, что он сидит на обезболивающих и что, скорее всего, любая боль купируется, но я должна была с ним хоть о чём-то поговорить.

– Хорошо! Я тогда пойду. Я посмотрела на тебя и мне спокойно. Ты мне позвони! – сказала я ему, собираясь уходить.

– Иди сюда! – вдруг он позвал меня привычной для него фразой.

Я взяла его лицо в ладони и поцеловала в губы и глаза, прижав его к себе. Слезы душили меня.

– Саша, мне надо уходить. Сейчас врач придёт к тебе. Хорошо? Я ещё приду, когда ты захочешь, или скажешь мне по телефону, или оставь сообщение, и я приеду. Хорошо?

Я ещё раз поцеловала его в губы и вышла из палаты. Моя душа рвалась на части и дыхание почти остановилось, глядя на него. Немного постояв у палаты и оперевшись о стену, я пошла к выходу, где ждал меня Крис. Мы ехали с Крисом уже обратно. Теперь он вёл машину, задавая скорость и ритм нашему эскорту из трёх кроссоверов, которым все уступали дорогу. Мы неслись на сумасшедшей скорости, не обращая внимание на правила, и Крис прекрасно управлял моей «бэхой», по десять раз перестраиваясь. Казалось, что он был каким-то гонщиком.

Опять позвонила мама. Я понимала, почему Саша не хочет видеть её и отца: она будет плакать, задавать кучу вопросов ему и врачам, отчего будет ещё больше страдать и сляжет, увидев его с разбитым лицом под капельницей. Отец был другим: он надменно смотрел в глаза, считая виноватыми всех, кроме себя, любимого, не принимал никаких оправданий и извинений. В его глазах всегда читался укор, упрёк и выговор, который уже всем вынес, а если он ещё и злился, то все эти милые качества умножались на два, и было вообще страшно к нему подойти. Сашу он сильно любил, поэтому любой его безответственный поступок воспринимал, как свой личный, поэтому сверлил сына безумными глазами, в которых не было ни капли сожаления. Саша должен был держать ответ либо играть с ним в шахматы, чтобы хоть как-то его успокоить.

– Да, мамочка? – ответила я, слыша, что мама плачет. – Мама, ему намного лучше. Он поел немного и успокоился. Я говорила с врачом, который был доволен его состоянием, – говорила я ей, чтобы хоть немного её успокоить. – Через неделю он будет в полной форме. Ты не волнуйся. Я не знаю, почему вас не пускают. Там какой-то карантин по ковиду. Да! Опять обнаружили у кого-то по тестам! Вам лучше оставаться дома. Я сама его буду навещать и уговорю вам позвонить. Мама, пока. Целую!

Я откинулась на спинку кресла, держась за голову. Силы покидали меня.

– Крис, включи Zerrid, – попросила я Кристиана. Сейчас только этот рэпер ярко подчёркивал моё состояние. Крис понимая моё состояние, включил рэп на всю громкость, и мы

ехали под его ритмы. Останавливались на перекрёстках и на нас со страхом смотрели из машин зеваки, видя сзади кортеж из кроссоверов. Теперь мне никто не махал в окно и не пытался привлечь моё внимание. Мы быстро поднялись на сорок пятый этаж и разошлись с Крисом по-разным апартаментам: я к Ною, а Крис – в соседнюю дверь личной охраны. Меня встретил Ной с кистью в руке:

– Я нарисовал твой портрет! – сияющими глазами сказал он.

– Так быстро? Показывай! – улыбнулась я. – Ооо, ну нет, ты что, Ной! Я не такая красивая в жизни! – целуя его в плечо, я дала оценку очередному шедевру.

– Я хочу именно этот портрет разместить на самое видное место на выставке, – с задумчивым взглядом ответил он. Выставка должна была состояться в конце недели и была приурочена «к закрытию сезона», который сам придумывал миллиардер Ной для развлечения себя и богатой публики.

– Ты ничего не понимаешь! Ты такая! Ты просто стоишь не под тем углом и не с той стороны! – начал таскать он меня из угла в угол. – А теперь посмотри! Видишь разницу? – положил он мне свой квадратный подбородок с ямочкой на плечо. Я улыбалась, смотря на свой портрет, и не знала, что сказать, так как не видела разницу.

– Мне кажется, ты переборщил с губами! У меня нет накаченных ботоксом губ. У меня настоящая припухлость, а здесь виднеются бугорки над верхней губой. Посмотри, какие у меня губы! – вытянула я их в трубочку. Достаточно было одной простой фразы, чтобы Ной тут же вспыхивал от желания как спичка: он всё бросал, хватал меня и уносил куда-нибудь, чтобы опять любить.

Мы уже легли спать с Ноем в его большой спальне под одеялом, и я почти засыпала, как снова позвонил отец Саши. На часах была полночь. Ной включил на громкую связь, не пытаясь от меня прятаться.

– Алло? Ной, есть минутка? – нервно спросил отец, а я приготовилась услышать литературную пьесу двух аристократов, эстетов и знатоков филологии.

– Если это срочно, то слушаю. Иначе, давай до завтра. День был напряжённым. Что-то случилось? – небрежно ответил ему Ной.

– Да нет, ничего страшного. Просто не спится что-то. Думал вот, позвоню узнать, как вы там с Мариной. Всё ли ладно?

– У нас всё хорошо. Марина занята своей работой, я – своей. Не всегда есть время на долгие беседы. Да и о чём говорить? Ты же знаешь, жизнь бизнесмена не особо увлекательна для слушателя.

– Не скажи, не скажи! Жизнь любого человека увлекательна, если уметь её видеть. Ладно, не буду настаивать. Признаюсь, позвонил я вот по какому поводу. Ты, наверное, уже догадываешься?

– Испанец? Что на этот раз? Проигрался в карты? Или опять влез в какие-то долги? Или мне надо его вновь искать по борделям?

– Почти угадал. Да! В общем, связался с какой-то сомнительной историей. Мне кажется, ему стоит найти себя. Это же как у Лермонтова: *«Тогда я буду в силах жить!»*

– И ты, конечно же, собираешься ему помочь? Ну сколько можно? *«Сколько раз твердили миру...»* неужели ничего не изменилось? И всё будет повторятся бесконечно? Это как у Экклезиаста: *«Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем»*.

Я улыбнулась их беседе, продолжая слушать, лёжа у Ноя на плече.

– Знаю, знаю... Ты считаешь, что я его разбаловал своей мягкостью. Может, и так. А что я могу поделать? Он же мой сын. Каким бы он ни был. Но что я могу поделать, Ной? Сердце кровью обливается, когда вижу, как он страдает. Это ведь как у Высоцкого: *«И пусть качает крыльями удача, а если другом стал тебе отец – считай, что ты родился в рубашке!»*

– Страдает? Он страдает от собственной безответственности. А ты лишь поддерживаешь в нём это инфантильное состояние. У Достоевского на этот счёт то же имеются размышления, помнишь?

– Ну, хорошо, хорошо... А что ты предлагаешь? Бросить его на произвол судьбы? Возможно, ты прав. Но мне всё равно больно смотреть, как он катится по наклонной. И как я могу остаться в стороне?

– Не бросить! Просто перестать решать за него его проблемы. Пусть сам несёт ответственность за свои поступки. Это единственный способ заставить его повзрослеть. Если он вообще способен на это, конечно. Может, хоть тогда он что-то поймёт. Знаешь, «если долго мучиться, что-нибудь получится!»

Иногда мне казалось, что Ной откровенно иронизирует над отцом, потому что их пикировка всегда кончалась победой Ноя. Отец не мог его переубедить или дать совет. С Ноем это не работало. Он не нуждался ни чьих советах и нравоучениях. Ной переплюнул их всех в этой жизни, поэтому мог выбрать для себя роль капризного ребёнка и принимать решения за всех.

– Не знаю, Ной... Я всё ещё надеюсь, что в нём проснётся совесть. Что он поймёт, что так дальше продолжаться не может.

– Надежда умирает последней. Но, по-моему, в его случае, она уже давно испустила дух. Я не хочу быть жестоким, но иногда, как говорится, «горькое лекарство лучше сладкой лжи». Меня всегда в тебе удивляла исключительная особенность не замечать всё вокруг, а только мечтать о своём чаде, навешивая на него лавры победителя, – начал злиться Ной. – Твой сын бросил на днях, скажу точнее, продал мне свою жену, бросил своих детей, заставляя её сдавать ДНК, чтобы ему было хоть немного полегче, если он убедится, что дети в конце концов его, и он с облегчением глубоко вздохнёт, играя с тобой в шахматы. Он связался с отрепьем из подворотен, которые его напичкали дурью и отбили ему все внутренности, причём он опять не упускает возможности проводить время с грязными женщинами у себя в офисе на глазах беременной жены. Мне уже просто не хватает сил, чтобы снова, расставив руки в стороны, не удивиться вашему семейству, от которого я изрядно устал. И ты настолько увлечён заботами о своём сынуле, что даже не поблагодарил Марину, которая его спасла и пришла вовремя, и меня, который подарил ему литр крови, опять же, спасая его. Мы все думаем о твоём Саше, все дружно его спасаем и ждём, когда у него проснётся совесть! Вот и всё! Я не прав?

– Возможно, ты прав. Возможно... Но мне всё равно больно смотреть, как он катится по наклонной. И как я могу остаться в стороне? Мне и ему нужно время, чтобы всё обдумать.

– Обдумай. Просто, если ты опять решишь ему помочь, помни, что ты тем самым не помогаешь ему, а лишь продлеваешь его мучения и заставляешь страдать его близких. Твоя доброта граничит с наивностью. Не позволяйте ему этим злоупотреблять!

Ной закатил глаза и тяжело выдохнул. Отец продолжил:

– Спасибо, Ной. Я ценю твою заботу. Я подумаю над твоими словами. Ах, да, совсем забыл. Как там твоя выставка? Всё идёт по плану? Много посетителей ожидаешь на закрытие сезона?

– Работа кипит. Стараюсь, чтобы всё прошло на высшем уровне. Придут все наши постоянные клиенты, коллекционеры, критики... Ну и надеюсь привлечь новых ценителей искусства. Всё же «искусство принадлежит народу», как говорили когда-то.

– Ты всегда умел устраивать впечатляющие мероприятия. Горжусь тобой. Ты же знаешь, как я ценю твой вкус и чутьё на талантливых художников. Марина помогает тебе с организацией?

– Марина всегда рядом, её поддержка бесценна. Она, как мой главный советник и критик. У неё отличный вкус и понимание прекрасного. Мы вместе выбираем работы, которые будут представлены. Даже в хаосе и неразберихе она мне как надежда. Я её люблю и пусть она будет моей любовницей, как все судачат, но моей. Мне больше ничего не надо. И помни, я не отдам её

вам. Уже поздно. Ты со своим сыном всё сделали для этого, чтобы она правильно сделала свой выбор. Вы оба стали для неё тем триггером, который подсказал ей верное решение, и теперь она спокойно живёт и радуется жизни. Лишь в этом ваша заслуга. Вот и всё!

– Это самое главное, чтобы в семье были взаимопонимание и поддержка. Слушай, а что за выставку ты организуешь? Какая тема?

Ной качал головой, раздражаясь от затянувшегося диалога.

– Посвящена молодым современным художникам. Хочу дать им возможность заявить о себе. Они полны таланта и энергии, и, думаю, «в тихом омуте черти водятся».

– Замечательная идея! Молодым талантам всегда нужна поддержка. А когда у тебя закрытие сезона? Я бы хотел приехать, поздравить тебя лично.

– В конце следующей недели. Официальное открытие – в пятницу вечером.

– Спасибо, Ной. Обязательно приеду. Но, признаюсь, звонил я не только по поводу выставки. Ты же знаешь, как я переживаю за Сашу. А пока, удачи тебе с выставкой. Надеюсь, всё пройдет успешно. И спасибо тебе, что ты есть. Я всегда тебя любил.

– Всего хорошего! – отрезал Ной и ушёл в мастерскую, играя желваками.

Я

Неделя пролетела незаметно. Подготовка к выставке шла безумными темпами, и Ной сам задавал ей свой особенный ритм, который сам же придумывал на ходу. Ещё обещал приехать и быть на выставке его «африканский» старший брат Райан из Йоханнесбурга. Разница у них с Ноем была четыре года. Они были родными только по матери. Когда погибла их мать, Райану было 12 лет, как и мне, когда я осталась без мамы. Двух мальчиков, Ноя и Райана, воспитывал отчим. Мне было удивительно, как отец Саши мог претендовать на Ноя, зная, что его отчим был довольно влиятельным чиновником и мультимиллионером. В их семье жила какая-то неведомая для меня тайна, и теперь я стала частью этой загадочной семьи, родив им в будущем племянников. Больше о Райане я ничего не знала и не интересовалась, как и о его жёнах, любовницах и детях.

За десять дней я немного поправилась, и мои формы немного округлились. Если пару месяцев назад я приехала в Штаты «зелёной селёдкой», то сейчас, мне казалось, что я расцвела, поэтому нравилась себе в зеркале. У меня был особенный период беременности, когда ещё не было большого живота, а был лишь намёк на него. Лицо стало более женственным и подтянулись скулы. Мой взгляд искрился дьявольским огоньком, отражая радость и неудержимый смех, которые теперь всегда меня сопровождали. Губы налились и стали пухлее, поэтому Ной рисовал их новые формы. И потом, я постоянно покусывала губы, чтобы не рассмеяться и не выдать себя, играя с Ноем, от этого они всегда были ярко-розовыми.

Почти на два размера округлилась грудь, которая стала невероятно чувствительной настолько, что я не могла носить одежду – соски предательски выделялись даже в лифчиках, а грудь приходила в какое-то невообразимое движение при виде мужчин, отчего я ловила их многозначительные взгляды. Волосы заиграли новыми красками: они стали тяжелее и более блестящими без всяких масел. Бёдра значительно округлились, и все мои вечерние платья, которые раньше немного висели на мне, стали обтягивать и подчёркивать сексуальные формы, которые соблазнительно двигались при каждом движении. Ноги стали стройнее и рельефнее за счёт ярко выраженной округлости мышц голени.

Я стала больше замечать взгляды мужчин на улице и среди охранников Ноя, которые обращались и замирали, разглядывая меня, но никто не подходил. Все боялись, вернее, боялись Ноя. Иногда я слышала за спиной тихие реплики охранников, разговаривавших с Кристианом, которые похлопывали его по плечу и выражали зависть тому, что он был самым приближённым ко мне из всех них. Отчего Кристиан очень смущался.

КРИСТИАН

Кристиан стал для меня «лучшей подружкой» – так я обозначила его статус. Я не воспринимала его как своего телохранителя или охранника. Мы подружились и стали друзьями, разговаривая абсолютно на любые темы. Я не стеснялась его, а он меня. Он жил за стеной, в апартаментах личной охраны, потому что я убедила Ноя, что так будет лучше для меня:

– Ной, он мотается на метро и автобусах в другой конец города! А он мне нужен здесь и сейчас, чтобы был под рукой! И потом, его могут побить в этом метро! Там крысы бегают! Он после крыс едет к нам! Это же ненормально! – настаивала я. Ной соглашался и не спорил со мной.

Кристиан поселился в апартаментах для персонала с площадью 60 кв. м с большим обзорным окном с видом на Гудзон. Я всего лишь раз заглянула в его квартиру, чтобы убедиться, что у него всё есть. В квартире были: большой, обволакивающий модульный диван, расположенный таким образом, чтобы максимально использовать вид из окна; низкий журнальный столик из дерева и металла; удобное вращающееся кресло; плоский телевизор с большой диагональю, закрепленный на стене; большой пушистый ковер в гостиной; кухонный остров с барной стойкой, где установлены стильные барные стулья; встроенный холодильник, духовка, микроволновая печь. Я прошлась, везде заглянула и меня всё устроило. Ной исправно платил Кристиану, а я ему перечисляла немного денег на телефон и карту, не принимая возражений:

– Нет, Кристиан, это моё решение, и всё! Перестань! Ты молодой парень, тебе нужен прикид и туса!

Его холодильник ломился от еды, которую я ему заказывала, и бонусом всякие хот-доги, пиццы и энергетики. У него был целый арсенал косметических средств и мужской парфюм, который мне нравился. И я ему запрещала подстригаться или всё сбривать, как это любили делать Ной и Саша. Разрешала ходить ободранным и рваным:

– Даже не вздумай коротко стричься, Крис. Тебе не идёт! Зачем ты опять побрил налысо лицо? Ты понимаешь, что ты Зевс или не понимаешь? – ругала я его каждый раз, когда он утром садился в машину чисто выбритый. – Ты сразу стал некрасивым!

Крис лишь улыбался своими весёлыми глазами. На нас с Кристианом постоянно оглядывались и смотрели с восхищением, потому что наша пара была невероятно красивой, и никто не догадывался, что он мой телохранитель. Я видела нас в отражениях витрин и зеркал. Некоторые даже нас фотографировали, и потом я читала о нас с Кристианом в газетах, показывая ему:

«Манхэттенский Мираж: Мара с греческим богом у пентхауса на Гудзоне! Нью-Йоркская жизнь пленительной Мары, девушки, вызывающей восторг, трепет, владеющей испанским и недавно получившей море роз от известного миллиардера, продолжает удивлять! Супруга известного русского испанца привлекла всеобщее внимание, появившись в обществе привлекательного молодого человека – грека, чья красота, по слухам, больше напоминает картинку, созданную нейросетью, чем живого человека. Что это – светский жест или начало новой интриги? Нью-Йорк замер в ожидании подробностей!»

– Хоть бы ошибки исправили! – хохотал Ной, читая заметку в газете. И потом, я балдела от прикидов Кристиана. Он всегда менял молодёжные образы, за которыми я не успевала следить. Всегда был в молодёжном тренде и в курсе всех молодёжных движений. У нас с ним разница в возрасте была всего три года, поэтому мы с ним понимали друг друга.

– Давай сходим в ночной клуб, – однажды предложил мне Крис.

– В смысле?

– Да это не тот клуб, где пилон. Туда, где молодёжная тусовка. Там все прыгают, а не танцуют, – и он мне показал, как тусит молодёжь. Друзья прислали ему видео, где он прыгал с ними под музыку. Я просто обалдела, понимая, как я отстала от настоящей жизни, живя с богачами. На видео полураздетые девчонки и он с молодым крепким парнем прыгали, слегка толкали

друг друга плечами и руками, хохотали в голос и кричали под музыку. Клубная музыка была настолько ритмичная, что я уже запрыгала в машине под неё. Крис на видео был великолепен: мускулистое, подтянутое тело в рваной майке, увешанное чокерами и шнурами, волосы до плеч с лёгкой волной, которые прыгали вместе с ним в ритм, и вспотевшие тела – всё это будоражило моё воображение.

– Я же беременна!

– Ну и что, – так просто ответил Крис, – там много девчонок с большими голыми животами. Также танцуют и показывают всем свои животы. Это же имба для парня, если девушка беременна от него! – вздох рассказывал мне Крис о себе, а я смеялась над ним, отвечивая щелбаны по носу.

– Надо Ноя позвать с собой! Он любит всё такое! – ответила я.

Я настолько привыкла к Кристиану, что забывала о том, что он тоже мужчина, а когда вспоминала, то сразу смущалась и старалась не смотреть на него. Я садилась в салон, задирая платье, и скидывала шпильки, поправляя резинку чулок, а потом видела его робкие взгляды и натягивала платье до колен, вцепившись в руль от стыда. Могла поправить лямки лифчика и сам лифчик, засунув руки под одежду, а потом вспоминала о Крисе и сгорала от стыда. Поправляла макияж, вытягиваясь всем телом к переднему зеркалу, и моя попа изгибалась так, что Кристиан сидел красный. Больше всего казусов было с ремнём безопасности, который мне всегда что-то перетягивал либо изворачивался так, что я не могла его застегнуть, и Кристиан распутывал его и застёгивал мне, уткнувшись в грудь. Я кусала губы, чтобы не засмеяться.

Кристиан каждый раз удивлял меня своими аксессуарами. Каждый новый день он надевал что-то новое, и мне было интересно, что это такое и что они означают. На нём висело все сразу кучей либо выборочно. Это были: минималистичные кожаные чокеры, гайтаны из плетеной кожи с серебряными кулонами разных форм, из черного шнура с бусинами. На руках: кожаные браслеты с металлическими вставками, из бисера и металла, браслет-паракорд и браслеты из каучука.

Больше всего мне понравился чокер из стали с застежкой со скрытой магнитной защёлкой. Крис показывал и учил, как он закрывается и открывается. В итоге он подарил мне его. И пока мы его разглядывали, почти обнявшись и наклонившись над чокером, перед окном бэхи выстроились охранники Ноя, с любопытством рассматривая, что мы там с ним делаем на его коленях. Когда я подняла голову и увидела, что охранники стоят с открытыми ртами, я махнула рукой с удивлением и отогнала их, но сцена выглядела пикантно: все видели, что я что-то делаю со штанами Криса, хотя он просто положил чокер на ногу, а я не могла сразу открыть магнитный замок. Крис вышел к ним красный, и они его подбадривали. Мне было смешно.

Он мне подарил браслет-паракорд, или «браслет выживания», как он говорил. Это был браслет, сплетенный из прочного и легкого нейлонового шнура, называемого паракордом. Потом он долго рассказывал историю его происхождения на испанском:

– Está hecho de paracord de nylon, que consta de varios hilos internos encerrados en una trenza de nylon. Tal paracord puede soportar una carga de hasta 250 kg., – рассказывал мне Крис, крутив браслет пальцами и наклонившись надо мной, а охранники, не зная испанский, уже неизвестно что понапридумывали и, конечно, доложили Нюю.

(исп: Изготавливается из нейлонового паракорда, который состоит из нескольких внутренних нитей, заключенных в нейлоновую оплетку. Такой паракорд выдерживает нагрузку до 250 кг.)

– Что за секретика с Крисом? – неожиданно спросил Ной меня в спальне, целуя в шею. – Выглядело так, будто он украл у тебя поцелуй!

– Ты глупый, Ной! Он просто подарил мне браслет и чокер, вот, смотри какой! Видишь? Не украл, а подарил! Как тебе? Одень! Твои охранники просто бараны, которые не знают испан-

ский. Мы с Кристианом не шептались, а разговаривали достаточно громко. Он мне рассказывал историю браслета.

– Ну, хорошо, хорошо! Я не ревную, я охраняю своё счастье! – смеялся он.

НОЙ

Ной меня вообще не ревновал ни к кому, и меня это удивляло. Он был настолько уверен в себе, что ревность казалась ему неким грехом, которого он избегал. Но был единственный мужчина, к которому он меня по-настоящему ревновал – это Саша. Других мужчин вокруг меня Ной будто не замечал.

Два сводных брата по отцу поражали своими познаниями в литературе: один говорил цитатами, другой наизусть знал всего Шекспира на двух языках, и оба играли в шахматы, как гроссмейстеры. Находясь в вечном соперничестве, они ругались, мирились, а сейчас уже открыто ненавидели друг друга, и неизвестно, что будет дальше. Они оба избегали разговоров друг о друге и раздражались по этому поводу: Саша тяжело молчал, а Ной злился и выражал претензии в пустоту, махая руками. Догадаться об их родстве было совершенно невозможно. Они прерывали любые попытки заговорить об этом. Отец занимал нейтральную позицию, любя двух своих сыновей от разных женщин. К тому же мать Саши не знала о Ное всей правды, что ещё больше усугубляло ситуацию. Я решила потом наедине поговорить с Борисом, зная, что он наверняка всё знает и тоже скрывает, но Ной собрался после выставки решить все дела разом, в том числе поехать на осмотр к Борису со мной и решить вопрос о моей двойной фамилии, ругаясь с администрацией брачной конторы:

– Я не понимаю, почему она не может взять мою фамилию или хотя бы двойную? Объясните мне, пожалуйста! – он замолчал и слушал. – Ну и что? Она согласна, я тоже. Почему нет? Ваша печать – это только ваша филькина грамота и не более. Она сейчас моя жена и рождает мне много детей! – кричал он в телефон, а я смеялась в столовой. – Я так и не понял, почему нельзя, если все хотят мою фамилию? Давайте я вам дам денег, вот и всё!

По итогу он договорился, что через неделю мне поменяют фамилию или хотя бы сделают двойную через дефис. Я буду носить фамилию Саши и фамилию его отчима, которую Ной носит всю жизнь, и он от этого тоже злился.

– Почему она не может носить только фамилию Брэдли с шотландскими корнями 1617 года, где мы селились на восточном побережье от Ньюфаундленда до Мэна, Вирджинии, Каролины и островов, имея титулы и кланы, а должна носить несуразную фамилию Диарова с непонятным и странным происхождением каких-то кочевников? Я вашей конторе заплачу деньги! – возмущался он, а мне было смешно, потому что меня вообще никто ни о чём не спрашивал. Все всё, как всегда, решали за меня.

Отец тоже звонил Ною по поводу смены фамилии, и они почти поругались. Отец сказал, что Саша категорически против развода, смены фамилии и разбил два окна в палате клиники, кинув стулья, когда узнал новость от отца по телефону. Саша ещё продолжал долечиваться до открытия выставки, на которую тоже решил приехать с родителями.

– Пока не вставит мне окна в моей клинике, пусть забудет о выставке, и ты тоже! И заплати мне за его лечение! Я буду за Марину бороться и не отступлю! Я предупреждал вас обоих! – рявкнул он отцу и ушёл в мастерскую.

«В общем, жизнь у меня началась весёлая!» – думала я, не зная, как реагировать на всё это. Я ни с кем из них не ругалась и предпочла, чтобы мужчины сами разбирались между собой, а я лишь принимала их позицию. К Борису Ной тоже собирался ехать со мной и «всё разузнать подробнее», как он говорил, потому что не верил до сих пор, что я беременна, отчего я смеялась над ним.

– У тебя просто припухлость, вот и всё! – доказывал он мне, а я умирала от смеха.

– Ной, не говори ерунды! Я даже не представляю, какие у тебя были женщины до меня с огромными животами и не беременные, – хохотала я, – килограммов по 200, что ли? Ты мне никогда не рассказывал о своих женщинах. Почему?

Он тут же менял тему либо переходил на шутки.

– Вот я и хочу всё узнать у Бориса в его женской клинике!

– Только не вздумай у него спрашивать про секс! – отвечала я.

– Почему? Для меня это самый важный вопрос, – удивлялся Ной с серьёзным видом.

– Потому что Борис придёт в ужас, когда узнает, что у нас с тобой секс по два раза в день! – смеялась я.

– А надо сколько?

– Надо один раз в неделю, и то не всегда, – объясняла я ему.

– Нет, я так не могу!

– Как же ты был до меня? Где твой гарем?

– У меня нет гарема! Это ты меня сделала таким неутомимым и завела мою шарманку. Теперь я мучаюсь! – хохотал он на весь этаж небоскрёба. Он на самом деле был неутомимым в постели и вспыхивал, словно спичка. Если Саша был сдержанным, мог терпеть и даже дразнить, не прикасаясь неделями, то Ной набрасывался как коршун и не знал границ. Когда он разглядывал жилище котёнка в виде огромного короба со всеми кошачьими удобствами и переводил на меня взгляд с хитринкой, я сразу понимала его желания:

– Нет, Ной! Только не в коробке! Ты маньяк самый настоящий! – хохотала я, убегая от него. – Это же домик моего котёнка, а ты всё опошляешь. Ты одержимый просто!

– Тогда выбирай, где, а то я порву твою футболку к чертям! – начинал он свои игры.

Не сказать, что я сильно страдала от любвеобильности Ноя. Мы с ним были на одной волне, и мне всё доставляло настоящее удовольствие даже два раза в день, потому что, будучи до двадцати восьми лет девственницей, я многое потеряла, а сейчас навёрстывала упущенное. Мой студент-муж боялся меня и только целовал как куклу в щёки, но больше всего любил пиццу с напитками за мой счёт. Вечерами я практически самоудовлетворялась, потому что видеть слюнявые неприятные лица своих друзей на себе мне было противно, предпочитая лучше перетерпеть. Видимо, просто не любила, пока не увидела Сашу и не могла уже владеть собой.

Два брата были практически одинаковы в сексе и оба могли любить долго и раз за разом, но Ной был сдержан в плане того, что хотя бы не пил и давал паузы на отдых обоим. Саша же мог любить бесконечно долго и медленно, не кончая часами, а если был подшофе, то, казалось, мог терзать до двух суток подряд. Я не понимала, откуда у них обоих было столько мужской силы. И не понимала, почему у них не было много детей с их безумной сексуальностью и темпераментом. Казалось, что у них должно быть по десять детей в каждом городе или селе на этой земле.

В моей голове всегда рисовались стереотипные картинки из сериалов и кино о том, как живут настоящие миллионеры: виделись в воображении пузатые мужики во фраках с золотыми цепями и подвесками в виде \$, которые махали пачками денег у всех перед носом, носили цилиндры и трости. Наблюдая, как живёт в быту миллиардер Ной, моя картинка мира сразу рухнула.

Дома он всегда ходил босиком, в рваных джинсах и спортивных штанах, футболках или грязных рваных майках. Это был его домашний прикид. В таком виде он мог спуститься вниз на первый этаж, надев сланцы, и ругаться с кем-нибудь из администрации по поводу того, что его кнопка выключателя на сорок пятом этаже стала вдруг мигать, или беспокоился, накрыт ли его вертолёт на крыше и не сдуло ли брезент.

– Ной, куда ты собрался лететь на вертолёте? – спрашивала я.

– Никуда! Просто они зачем-то всегда закрывают выход на крышу и мне об этом не сообщают, – махал он руками.

Художник-Ной был тоже особенным. В его руках всегда были кисточки разных размеров, когда его посещало вдохновение. Он носился с ними по всей квартире и даже носил в зубах, чтобы что-то делать двумя руками. Кисти стояли во всех ёмкостях вокруг: кружках в столовой, вазах с цветами, бокалах, стаканах и даже за ухом. Иногда он устраивал целую лабораторию на кухне, размешивая краски и добываясь нужного цвета. В общем – он творил!

Он приходил ко мне в комнату в грязной вонючей майке, замазанной краской, снимал её, целовал меня, потом уходил, забывая, куда её бросил. Я её выбрасывала, потому что она была никакая. Он находил ещё десять штук таких же убитых маек и футболок в своём двухкомнатном гардеробе. Он смотрел на работу в офисе тоже под другим углом. Это нельзя было сравнить со скучным прозябанием, как у Саши, едва выкраивающего пару дней отпуска, чтобы потом круглосуточно торчать в офисе, пытаясь догнать упущенное. У Ноя всё было совершенно по-другому.

– Самое главное – всё чётко планировать и никаких импровизаций! – отвечал он мне на мой вопрос о его распорядке дня в офисе. Имелось ввиду, что он на определённые дни планировал свою работу, приглашая всех своих директоров или партнёров, решая с ними все вопросы сразу. Да, это были для него напряжённые дни. Он уходил рано и приходил поздно абсолютно вымотанный. Он был увешан наушниками, проводами, телефонами и часами, как робот, а я это всё снимала, потому что он засыпал у меня на руках. Потом мог с лёгкостью «отодвинуть всё со стола рукой» и поехать, уплыть или улететь на неделю отдыха хоть куда, не задумываясь о том, что всё рухнет или встанет. Ничего не рушилось и не вставало. Он возвращался в офис, и всем доставалось, если не были выполнены его поручения двухнедельной давности. Видимо, Саша это и имел ввиду, говоря, что у многих рушились карьеры, и Ной не допускал недочётов. Так и получалось, что он умудрялся жить, совмещая и отдых, и работу, и не страдал от этого.

Однажды Ной поинтересовался, когда я его впервые заметила на рауте, и что почувствовала. Он был в шоке, узнав, что я услышала его смех ещё сидя в машине, когда мы ждали парковку, и сразу запомнила этот голос. Потом я заметила его, когда он стоял ко мне спиной во время концерта, отметив его фигуру и перстень на мизинце, когда Саша водил меня среди гостей. Его лицо и улыбку я отметила, когда он стоял в компании мужчин и о чём-то разговаривал, не замечая меня. И лишь на втором этаже виллы он улыбнулся мне среди толпы мужчин, и я уже поплыла от него, но я была с Сашей.

– Твоё приглашение на танец – это уже был финал нашей первой встречи, и я знала, что ты подойдёшь ко мне, – улыбалась я ему за ужином.

– А где был я? Какой идиот! Полный идиот! – сокрушался он. – Почему ты мне не дала знак и не сняла с мизинца перстень, или хотя бы кулаком ударила в спину?

– Как? Меня Саша держал клешнями и никуда не отпускал! Как ты себе это представляешь? Я подойду, такая, хлопну тебя по спине и скажу, мол, пошли в кусты? – хохотала я над ним, и он вместе со мной. – Мне бы Саша сразу оторвал голову или порвал на ремни! Ты что?

– Почему я? Тебя же многие хотели пригласить на танец? – не унимался Ной с допросами.

– А я не хотела с тобой танцевать, я хотела с тобой просто поговорить или погулять там же в парке. Я сразу поняла, что ты какой-нибудь поэт или композитор, поэтому несколько не удивилась, что ты художник, вот!

– Какой же я дурак! Как я не мог это понять ещё тогда? Вот идиот!

– Что ты так ругаешь себя? Меня бы Саша всё равно не отпустил гулять с тобой по парку, хотя многие женщины гуляли там в компании мужчин, но только не меня. Поэтому всё равно у нас с тобой не было шансов.

– Почему ты не сказала испанцу?

– Как? Саша, я увидела вот этого мужчину и захотела его? – засмеялась я. – Он бы меня там же задушил при тебе, – снова засмеялась я.

– Он всегда всё портит! – с грустью сделал Ной вывод о своём сводном брате.

САША

С Сашей всю неделю было особенно сложно. Я ездила к нему каждый день в клинику. Ной практически закрыл глаза на мои визиты к Саше и терпеливо ждал окончания его лечения. Он не понимал, зачем я ему нужна после всего, что произошло между нами, но Саша заявил доктору, что будет общаться только с ним и со своей женой. Это было похоже на безумие!

– Как же они мне все надоели, кто бы знал! – сокрушался Ной, поднимая руку с кистью. – Это никогда не кончится! Как там у Кафки: *«Из всех этих окон никто не выйдет, никто не заговорит с тобой, никто сочувственно не посмотрит на тебя. И ничего не случится»*.

Я дома молча делала Саше фруктовый салат, слушая Ноя, положив в пакет бутылку кокосового молока, которое любил Саша.

– Он пьёт кокосовое молоко? – злился Ной, откровенно ненавидя своего сводного брата. – Как правильно сказал Антоша Чехов: *«Он пил кокосовое молоко с видом человека, окончательно разочаровавшегося в русской водке и в смысле жизни вообще!»*

Я молча улыбалась едким ремаркам Ноя и не провоцировала его, зная, что ни к чему хорошему это не приведёт.

Саша по-прежнему никого не хотел видеть, и родители не видели его до сих пор. Все его контакты были исключительно через доктора, который его оперировал. Больше он никого не подпускал к себе.

– Везите ему хотя бы кокосовое молоко. Он ничего не ест, – говорил мне доктор по телефону. Саша на следующий день после моего первого посещения написал в личку: «Приезжай!» «Коротко и ясно!» – подумала я.

Всю неделю я рулила своей «бэхой» к Саше туда, а Кристиан вёз меня обратно, потому что я была морально вымотана. Кортёж кроссоверов уже был моими вечными спутниками везде после хвоста под Кинсбергом. Из разговоров Ноя и Кристиана я слышала, что Яна депортировали, Макс сидит под следствием с подачи Ноя, фрик вообще сбежал куда-то, его не могут найти, и Ной поднял всех на уши, чтобы его найти. Потом Крис мне рассказал, что женщину Светлану тоже взяли под стражу, так как она была последней, которая общалась с Сашей перед его операцией, и к ней возникло много вопросов у служб. Ной тоже подал заявление на неё в суд. Во всей этой ситуации кто-то откровенно подставил Ноя. Он сам лично взял ситуацию под контроль и был предельно разозлён, потому что считал, что они с Сашей не дрались, а всего лишь разговаривали, как друзья.

– Я не поставил ему ни одного синяка в тот день, – говорил он по телефону детективу, – мы просто стояли около машин и эмоционально разговаривали, вот и всё!

Я слышала все эти разговоры, молчала и не задавала никаких лишних вопросов. Во второе своё посещение Саша хотя бы смотрел на меня, но продолжал молчать. Я ему рассказала про сейфы и документы, которые хранятся у меня, и что сразу привезу их, когда ему понадобится. Говорила про родителей, которые обрывают мои телефоны и ждут новостей от него. Имя Ноя не упоминалось никак в наших диалогах. Я его сама с рук кормила салатом, и он пил молоко, укрывшись простынёй до подбородка, молчал и слушал. Я не пыталась его разглядывать или как-то вызывать на разговор.

В последний день перед его выпиской я как обычно приехала к нему, но его перевели в другую палату, потому что в его палате меняли окна, которые он разбил. Перед поездкой я уже не знала, что надеть в клинику, чтобы не смущать Кристиана и остальных мужчин своей обезумевшей за последнюю неделю грудью. Мне уже хотелось перебинтовать грудь бинтами или загипсовать её, чтобы не выделялись соски на людях, и чтобы грудь хотя бы не колыхалась

при движении. «И это я ещё не начала кормить грудью!» – думала я, приходя в шок от самой себя.

Меня спасала только рука Ноя, которая без конца массировала её при каждом удобном случае, и, видя моё облегчение, он считал, что я сразу возбуждаюсь, поэтому тут же вспыхивал как спичка. А я не могла ему объяснить, что это из-за беременности, а не из-за него, который до сих пор не верил в моё положение. Из всей купленной Ноем одежды я нашла какую-то дурацкую розовую кофточку на верёвочках под грудью, которую бы никогда не купила. Но фишка кофточки была в том, что её можно фиксировать под любой размер груди, плотно перетянув грудь шнурками. Что я и сделала, долго копаясь с ней перед зеркалом и плотно перевязав грудь шнурками, завязав бантик сверху. Грудь немного поднялась вверх и успокоилась, и я вместе с ней.

Надев спортивные штаны и дурацкую розовую кофточку на шнурках, с торчащим сверху ядовито-розовым бантиком, цвет которого я терпеть не могла, я отправилась в «бэху», и села за руль, потому что в клинику я ехала сама, а назад морально обессиленной после общения с Сашей, меня вёз Крис. Мне ещё предстоял разговор с доктором по поводу поведения Саши и его выписки, поэтому я была рада, что затянула грудь верёвками и шнурками. Все мужчины вокруг меня были высокими, от 180 и выше, и все смотрели на меня и мою грудь сверху, тем самым всё видя с высоты своего роста, что меня всегда бесило.

– Мы его переселили в соседнюю палату до выписки. Он вот тут, – показал доктор палату Саши. – Не знаю, что на него нашло, но он ни с того ни с сего сперва выбил стулом одно окно, а потом и второе. Мы дали ему внутривенно успокоительное, и он спал всю ночь. Я утром его осмотрел. По анализам его хоть в космос отправляй! Здоровый крепкий организм, поэтому быстро восстановился. Вы можете уже завтра за ним приехать! Я позвоню Ною.

– Спасибо! Да! Позвоните Ною, и он его заберёт!

Я открыла дверь палаты. Саша сидел на краю высокой кровати и болтал ногами, будучи в одних плавках. На плечах было чётко очерчено несколько больших синих синяков, поясница оставалась целой, слева был зафиксирован большой пластырь, закрывая весь бок. Он был прекрасен, даже с синяками: каждый из них, словно мазок небрежного художника, лишь подчёркивал скульптурность его атлетической спины. Рельеф мышц играл под загорелой кожей. Широкие плечи плавно переходили в сильную спину, где каждая мышца говорила о силе и работе над телом. Он был немного шире Ноя в плечах, сказывался его статус спортсмена-пловца в прошлом. В нём была сила, красота и что-то дикое, первобытное. Лопатки слегка выступали, показывая его мощь, узкие бёдра придавали фигуре грацию и завершенность. Он повернулся, увидев меня, опустил кровать ниже, предлагая мне место рядом с собой, потому что все стулья у него забрали от греха подальше и сесть было некуда, кроме кровати.

– Привет! – улыбнулась я. Он улыбнулся в ответ, прекрасно себя чувствуя, и ему оставалось прокапаться ещё три раза до выписки. Я села рядом с ним на кровать и стала кормить его салатом и поить молоком.

– Саш, возьми сам молоко, попей, что ты как маленький?

– Ты стала красивой! – наконец он хоть что-то сказал за всю неделю.

– Я просто поправилась и растолстела, – улыбнулась я. Он взял мою руку и поцеловал ладонь, не отпуская её. Его прикосновения были нежными и лёгкими. Он посмотрел мне в глаза, и я опять поплыла, увидев их: «О боже, только не это! Эти братья меня сведут в могилу когда-нибудь!»

В его глазах было столько любви ко мне, что я не могла на него вообще смотреть. Во взгляде была такая сила, что я забыла, как дышать. В них не было злости, ненависти или ревности. Они были такие же, как тогда на отдыхе в первую нашу ночь: властные, пронзительные, словно рентген, они словно читали мои мысли, заставляя забыть обо всем на свете и под-

чиниться его воле. Сашу как будто обновили и перезагрузили, отчего я пришла в полный ступор и не знала, как мне себя вести с ним.

– Как твои синяки? Проходят?

– Я не вижу, посмотри сама, – не отрываясь, словно гипнотизируя, смотрел он на меня, немного повернув лицо, показывая место, где был удар в скулу.

– Почему тебе не наложили пластырь? – потрогала я его скулу пальцем.

– Я его выбросил. Зачем он мне? – говорил он своим томным, тихим, убаюкивающим голосом. Он держал за руку и продолжал смотреть на меня. Я услышала его тяжёлое, тёплое дыхание.

– Жена, Марина, я тебя по-прежнему люблю! – сказал он, подчёркивая свой статус и власть надо мной, и я поняла, что всё ещё впереди, и ничего не закончилось, а только начинается.

«О боже, дай мне сил!» – подумала я про себя. Я знала Сашу больше и дольше, чем Ноя, и знала, как Саша может «сломать» любую женщину, если захочет. Он будет доводить жертву до такого состояния, посылая свои невербальные сигналы, пока она сама, истекая от желания, не приползёт к нему, умоляя, чтобы он хотя бы погладил её по голове. В этом Саша был полной противоположностью Нюю, вспыхивающему, словно спичка, готовому сорваться в любой момент и разорвать одежду в клочья. Саша же мог месяцами плести кружева намёков, сверлить взглядом, от которого по коже бежали мурашки, но никогда не переходит черту. Он был медленным огнём, таящим в себе неутолимую жажду. Именно эта выдержанность заставляла меня насторожиться: слишком выверен, слишком контролируем, слишком осторожен и проницателен. И именно эта медленная, мучительная игра делала его таким неотразимым. Я тонула в его взгляде, ощущая, как границы рушатся, а воля слабеет. Эта разница разрывала меня на части. Огонь Нюю манил своей простотой, а холод Саши пугал своей глубиной. Ещё этот вкрадчивый голос сводил меня с ума, и не в первый раз.

Он прижал мою ладонь к своим губам, постепенно переходя на внутреннюю часть руки, и тут же остановился, как будто специально дразнил. В науке соблазнения он был профессионалом, чувствуя женщин и их желания. И я вспомнила, как он делал это ранее со мной: сперва подпускал, дразнил, останавливался, а потом жестоко отталкивал, совсем не замечая, после чего я ходила как безумная, отчаявшаяся, злая и неудовлетворённая бестия.

– Саш, не надо! Я лучше пойду, – ответила я, ощущая, что мне становится трудно дышать. Напряжение в груди нарастало, и она предательски зашевелилась. Я чувствовала покалывание иглками в сосках, и они медленно стали каменеть.

– Боишься камер? – спросил он, а я вспомнила, что они должны быть, потому что это клиника и все следят за пациентами. Больше он не предпринимал попыток к сближению. Мы молчали.

Лишь перед моим уходом он слегка склонился над моей шеей, сидя со мной бок о бок на кровати, едва касаясь губами мочки уха. Я ощутила его тёплое дыхание. Он медленно и плавно потянул кончик шнура на розовом бантике, который я едва завязала дома перед зеркалом, и тот послушно поддался его пальцам. Кофточка враз распахнулась на груди, как будто только и этого ждала, и неожиданно выскочил розовый напряжённый сосок. Я закрыла глаза от неожиданности. Дыхание остановилось. Грудь мгновенно, как назло, вздыбилась, выскочив наружу. Я, прижав открытую грудь рукой, выбежала из палаты, как ошпаренная, и понимала, что Саша начал свою игру и охоту за мной.

«Ну и папочка! Сделал мальчиков!» – задыхаясь, побежала я в дамскую комнату, чтобы хоть немного прийти в себя.

«О боже! Я опять его хочу! Дурдом самый настоящий!» – чуть не плакала я, чувствуя трепет между ног, но мне надо было успокоиться и завязать опять эти ужасные шнурки, потому что на выходе меня ждал Кристиан.

«Приеду и выкину эту кофту! – злилась я. – Представляю, что папочка вытворял с женщинами в молодости, если два его сыночка могут так изощрённо сделать безумной любую женщину!»

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

ЗАКРЫТИЕ СЕЗОНА

Ной продолжал активно готовиться к выставке, погрузившись в её подготовку с головой настолько, что ночь перед выставкой провёл в галерее, периодически созваниваясь со мной. Я смотрела на него и не понимала, зачем ему это всё нужно: колоссальные расходы, напряжение, переговоры, приемы и многое другое, что оставалось за кадром, но у него были свои, скрытые от меня, мотивы. Производить впечатление ему не требовалось. Он сам был подобен этой показной роскоши, и люди преклонялись перед ним и без всяких демонстраций силы, но в то же время испытывали страх. Теперь мне стало ясно, что именно в нем внушало им опасения – его присутствие ощущалось повсюду в избытке. И он жил полной жизнью, используя каждый шанс.

Закрытие сезона предполагало свободные или костюмированные наряды и, соответственно, раскрепощённость и свободу. Всё, как любил Ной. Я занималась своим новым образом, думая над ним всю ночь, и придумала именно то, что долго искала, учитывая моё положение и состояние. Я решила стать богиней Афиной на закрытии и в очередной раз всех поразить своим новым образом.

Как раз такая модель идеально подходила моей груди под лиф платья. Лиф плотно облегал грудь, приоткрывая её боковые формы и делая образ откровенно сексуальным. Основная часть груди была полностью закрыта, а боковые стороны видны. К тому же, грудь держала форму и не теряла её, что придавало образу особую пикантность. Под грудью располагался широкий пояс с камнями и жемчугом, который подчёркивал фигуру, а многослойность платья скрывала живот. Мне привезли несколько платьев на выбор и туфли на шпильках к ним. Ещё одной изюминкой моего откровенного образа был разрез по ноге до самой талии.

Я представляла, как отреагирует Ной и как посмотрит Саша, увидев открытую боковую часть груди и разрез по ноге до талии, при этом на мне были трусики с сюрпризом: они присутствовали, но были тщательно спрятаны под гримом. Стилист Ноя подсказал, как правильно создать этот обманчивый эффект: мы затонировали кожу, нанесли много блёсток и надели на бедро золотой браслет. Нога в разрезе выглядела безумно красиво и светилась искрами. Чтобы избежать нежелательного внимания, стилист предложил надеть кружевную шёлковую маску в стиле платья. С маской я чувствовала себя спокойнее, надеясь, что меня никто не узнает, кроме моих мужчин. Также стилист соорудил мне шикарную причёску, как у богини Афины, с кудряшками, сделал макияж и добавил некоторые штрихи в виде золотых туфель на шпильке и многочисленных золотых браслетов на руках, ногах, груди и в волосах. Я была просто сказочной! Мой образ был готов. На всё ушло полдня, но оно того стоило – я себе нравилась в зеркале. Ной меня ещё не видел.

– Что придумала надеть? Кем ты будешь? – поинтересовался он по телефону.

– Сюрприз, мой Ной! – смеялась я. – Тебе, возможно, понравится!

– Я даже не сомневаюсь, что ты опять взорвёшь все газеты очередной сенсацией, и я уже тебя опять хочу! У меня в галерее есть своя комната!

– Интересно, кого ты туда водил до меня? – настороженно спросила я, на что он посмеялся. Теперь мне надо было одеть Кристиана под стать себе. Увидев меня, Крис не удержался и впервые поцеловал мою руку, и я понимала почему: ему понравился мой образ, и он его одобрил. Кристиан был моим телохранителем на весь вечер по приказу Ноя:

– Держи её как зеницу ока: за ноги, за руки, за голову, прячь, обнимай, закрывай и даже ложись на неё, но, чтобы до неё никто не дотронулся пальцем, кроме тебя. Понял? – обращался Ной к Крису. – Иначе оторву башку!

Стилист глянул на Кристиана и сразу предложил одеть его в белый костюм, потому что тёмные длинные волосы и его смуглая кожа отлично смотрелись и гармонировали со мной. Костюм был белоснежным: тонкая рубашка, короткий белый пиджак, белые рваные джинсы, кеды и куча аксессуаров. Затем нужно было подумать, как скрыть оружие под пиджак. Стилист уложил его волосы, растянул рубашку до последней пуговицы, тем самым оголив его кубики, смазав их маслом так, что все накаченные рельефные мышцы выделились и ожили. Кристиан был божественен!

– Я представляю, что будет с девчонками, если даже я без ума от тебя, Кристиан! – отчего он смутился и опустил голову. Мы договорились общаться с ним на испанском, чтобы нас не понимали и не подслушивали, потому что многие не знали языка.

– Душа моя, любимая, ты не будешь слоняться по всем коридорам галереи. Ты будешь с Крисом сидеть в главной лоджии. Зачем тебе лезть в толпу, как в прошлый раз с испанцем, где на тебя все нападали, хватали и щупали? Я приду за тобой, и мы погуляем по галерее, хорошо?

– Мне даже так лучше! – ответила я, радуясь, что не буду ходить с Крисом среди гостей и стоять около каждой картины по часу. Крис привёз нас раньше времени, созвонившись с Ноем, которого я не видела весь день и ночь. Мы подъехали к другому входу, чтобы не мелькать среди гостей в центральном холле. Ной уже стоял и ждал нас, засунув руки в карманы, как Саша. Даже в этой манере они были похожи. Крис с трудом вытащил меня из салона, чтобы не нарушить причёску и образ в целом. Я шла к своему Ною в маске, в костюме богини Афины с безумно красивой, оголённой до самой талии ногой, с практически обнажённой грудью, со шлейфом через шею, в струящихся тканях, которые двигались и открывались, вся увешанная золотыми браслетами, и увидела откровенный шок на его лице. Он тут же встал на колени, увидев нас, и протянул руки к своей богине Афине. Ной всегда был романтиком, в отличие от сдержанного Саши.

– Не могу найти слов, какая ты шикарная, моя богиня! Моя любовь, ты вселенная, моя судьба! В каждой женщине живёт богиня, и в тебе, моя Афина, она особенно прекрасна! Позволь мне быть твоим Гефестом, создающим для тебя всё самое лучшее, – он взял мои руки и поцеловал. Ной отвёл меня и Крису в главную лоджию в центральном зале прямо у самой сцены, где обычно проходит торжественная часть и аукцион.

– Оставляю вас. Пошёл встречать гостей. Смотри за ней! – указал он Кристиану. Лоджия была просторная, и весь зал со сценой был виден как на ладони. От зрителей в зале её прикрывали шторы. Мы обустроивались с Крисом. Внутри стояло четыре удобных кресла с подушками, диванчик и столик с фруктами, коктейлями и шоколадом. Было удобно, комфортно и не душно – Ной всё предусмотрел. Я выглядывала из-за прикрытых штор лоджии и не понимала, когда нам её откроют. Развалившись в креслах с Крисом, мы пили слабоалкогольные коктейли и тихо беседовали.

– Я не знаю, – говорил Крис, – может быть, в начале концерта откроют. Будем так сидеть, за шторами! – улыбнулся он, а я уже догадывалась, что закрытая лоджия была частью сюрприза Ноя. Поэтому, когда прозвенел последний звонок и потух свет, приготовилась, поправляя причёску и маску. Выпрямила спину, положив руку с золотыми браслетами на край лоджии. Кристиан пододвинулся ко мне ближе и сидел за моей спиной.

В зале стояла тишина. Все ждали. Вдруг заиграла композиция «Домой» D. V., и я уже широко улыбалась, зная, что придумал Ной.

«О боже, хорошо, что на мне маска!» – подумала я.

Медленно, под музыку, открылась лоджия, освещая нас с Крисом светом прожекторов. Открылась сцена, где висел мой портрет, который нарисовал Ной. Его мечта сбылась – он нари-

совал свою Мару! Все ахнули. Портрет вывели на большие медиа-экраны в зале. Вышел Ной на сцену в чёрном костюме, присел на одно колено, протягивая мне руку, словно представляя меня всем как свою музу. Ладонь другой руки он положил на сердце, и вновь на меня посыпались лепестки роз. Мне пришлось встать, чтобы все посмотрели на меня, и я отправила Нюю воздушные поцелуи, помахав гостям в зале рукой.

– Мара! – кто-то кричал из зала, – Мара, я тут! – кричала мне девочка-гот, махая руками вместе со своими подружками. Я узнала её голос и тоже помахала им в ответ. Они откуда-то вытащили плакат с моим фото, сделанным на прошлой выставке, когда я была готом, и показали всему залу, что-то выкрикивая. Все им похлопали, и началась торжественная часть. На нас с Крисом поглядывали и недоумевали, почему Ной оказывает мне такие знаки внимания, в то время как рядом со мной сидит прекрасный юноша в белом. На первом ряду я увидела родителей. Мама сложила руки на груди, увидев меня, и помахала мне. Отец равнодушно посмотрел на меня.

«Почему-то я сразу в его глазах оказалась падшей женщиной, хоть и сплю с его двумя сыновьями. Казалось бы, живи и радуйся, но как же! Папочке надо себя показать!» – думала я, глядя на отца, но он был непреклонен. Сашу я не видела в зале, но знала, что его выписали, и отец увёз его домой.

«Наверное, подглядывает где-нибудь, смотрит картины или держит на коленях БERTУ!» – больше ничего не приходило в голову, когда я думала о нём. На сцену вышли молодые художники. Всех представляли, и им аплодировали. Всё затянулось бесконечно долго: были танцы, выступления артистов и поздравления гостей. Потом наконец-то начался аукцион картин. Мы с Крисом совсем заскучили, потому что нам, как дилетантам в живописи, это было не очень интересно. Кристиан вытащил откуда-то наушники, дал один мне, и мы слушали клубную музыку, смеясь и пританцовывая в креслах на своей волне. Нашу парочку в лоджии гости жадно испепеляли глазами, постоянно наблюдая за нами. Бесконечно сверкали вспышки, и я была рада, что на мне маска, поэтому я особо не переживала. Мы с Крисом уже выпили все фруктовые коктейли и были слегка подшофе в расслабленном состоянии, особенно я, которой всё уже было безразлично.

– Перекинемся в картишки? – предложил мне Крис, показывая маленькую колоду карт так неожиданно, что я громко засмеялась именно тогда, когда кто-то на аукционе произнёс сумму за очередной шедевр молодого художника в тысячу долларов. В полной тишине все присутствующие посмотрели на меня, не понимая, почему я громко засмеялась в такой ответственный момент. Кристиан быстро нагнулся вперёд, спрятав лицо, и тихо смеялся. Понял только Ной, улыбнувшись мне и дразня глазами. Мне было легко и свободно с мужчинами, которые меня понимали. Я даже представила, что было бы, если я сейчас как мумия ходила бы с Сашей за руку со слезами на глазах, оглядываясь со страхом на его папочку.

Аукцион закончился. Мы ждали Нюю. Мне уже хотелось танцевать или хотя бы походить, понимая, что сейчас начнётся самое интересное. Меня все видели в лоджии только до пояса, но полностью мой образ ещё никто не видел. Нога в платье греческой богини, хитро оголённая до талии с обманным зрительным эффектом, будет сродни взорвавшейся бомбе. Акцент был на том, что при движении нога оголялась до самой талии, и все видели боковую часть бедра без нижнего белья. На самом деле на мне были трусики, но стилист их так замаскировал, что не подкопаешься и никогда не догадаешься, что они на мне. Об этом знали только я и Кристиан. С грудью тоже был сюрприз для всех мужчин: те, кто стоял сбоку от меня, видели обнажённую её часть, и это было очень откровенно.

Я решила ходить с Ноем без маски по галерее, потому что у меня уже чесалось и вспотело лицо. Наконец он пришёл за нами и освободился от гостей, чему сам был рад.

– Наконец-то я с тобой, сердце моё! Ты скучала без меня? – спросил Ной, целуя мою шею и часть оголённой груди при Кристиане, который сразу вышел, оставив нас наедине.

– Ной, не разрушай мой образ. Потом, Ной, потом, любимый! – шепнула я ему. Он пристальнее посмотрел на мою ногу и ещё больше удивился, не разгадав хитрость.

– Я всегда считал, что тебе не нужны трусики! Зачем мы их нашли? – засмеялся он, взяв мою руку. Я шла под руку с миллиардером Ноем, словно неся на себе отблеск его величия. Позади нас, как тень, следовал Кристиан в сопровождении троих телохранителей, создавая невидимый, но осязаемый барьер. Толпа расступалась перед нами, словно перед монаршей особой. Никто не смел приблизиться без дозволения Ноя, никто не осмеливался окликнуть его из гущи людей. Я была под его незримой защитой, и лишь взгляды могли коснуться меня. Ной сам вершил судьбы тех, кому дозволялось приблизиться. Я же пребывала в безмятежности, зная, что мои волосы, тело, одежда останутся неприкосновенными. Мое появление вызвало настоящий переполох. Мужчины замерли, их взгляды были полны похоти и недоумения. Отсутствие нижнего белья сбивало с толку, и они тщетно пытались что-то разглядеть. Некоторые, казалось, были готовы упасть на пол, чтобы убедиться в этом. Все недоумевали, как русский испанец и Ной могли это допустить.

«Скандал! Она ненормальная!» – слышала я женские голоса и улыбалась им в ответ, распивая коктейль, который в другой руке нёс Ной, а я пила его из трубочки. Ной водил меня от одной картины к другой, рассказывая о них. Я слушала его одним ухом и кивала головой, а вторым ухом слышала женские реплики в свой адрес: «Вы слышали, что она беременна от Ноя?», «А где же её русский красавчик-испанец?», «Вы разве не знаете, что она спит сразу с двумя и ещё держит рядом с собой молодого жеребца!», «Правда? Я ей завидую – сразу с тремя! Это же мечта!», «Какой красивый мальчик ходит за ней как хвостик, какой милашка!»

Мужчины, стоявшие или проходившие совсем рядом, пожирали глазами мою боковую часть груди. Для них я была словно обнажённой, лишь слегка прикрытой полотном ткани, и мне нравилось дразнить толпу, зная, что у меня мощная охрана. Ной был на выставке Богом! Он всем демонстрировал свою молодую любовницу. На него смотрели с вождением, завистью и страхом. Он гордился тем, что ведёт под руку полуобнажённую богиню Афину, которую ночью будет любить только он.

Кристиана, казалось, трогали все женщины на выставке. Иногда я брала его за руку и тянула к себе, чтобы что-то сказать на ухо, одновременно держа Ноя под руку. Все это видели и шептались, стараясь, чтобы Ной не услышал, потому что знали, что ему это не понравится. Кристиан пристально рассматривал толпу, отмечая их жесты и намерения, оглядываясь вокруг и держа руку во внутреннем кармане пиджака наготове. Он продолжал работать и охранять меня.

Ной останавливался около картин, показывая мне светотени и блики, на что я что-то мычала. Он заразительно хохотал и целовал меня в шею или руку. Я не разглядывала толпу и никого не хотела замечать. Я смотрела только на Ноя, Кристиана и на то, что показывал Ной, считая, что мне это интересно.

Вдруг я случайно увидела в толпе девочку-гота, которая настойчиво махала мне рукой, но её не пускали взрослые мужчины, возможно, отец и брат. Она была с тремя подружками во всем черном и призывно звала меня к себе, показывая блокнот и ручку, чтобы я расписалась в нем. Я взяла зелёное яблоко с вазы и, отпустив руку Ноя, направилась к ней. Крис сразу кинулся в толпу за мной, расставляя руки. Подойдя ближе, я обняла её, дала ей зелёное яблоко, расписалась в её блокноте и поцеловала в щечку. На что девочка подняла руку с яблоком вверх, крича своим подружкам:

– Мара подала мне знак! Это знак мира! Я знала! Мара подарила мне яблоко... это не просто так! Это знак! Наконец-то мир! – и убежала, счастливая с яблоком. Я заулыбалась, и тут перед моим носом образовалась куча брошюр, бумаги, реклам и просто ладоней людей с ручками, просящих подписи. Я не знала, что делать, и просто отстранилась от толпы, помахав

всем рукой. Крис с охранниками встал живым щитом перед толпой. Ной тут же увёл меня, внимательно следя за каждым.

– Они тебя разорвут! Уходим! Пойдём, я познакомлю тебя со своим старшим братом. Лучше скажи мне, над чем ты посмеялась на аукционе, моя любимая хулиганка, которую я хочу прямо здесь? – зашептал он мне в шею. Мне не хотелось его обидеть, сказав, что мы играли с Крисом в карты, пока он с такой душой готовил выставку.

– Я уже забыла, Ной! Это было давно! – подлизывалась я к нему, целуя в щёчку. Он засмеялся своим заразительным смехом, не обращая ни на кого внимания. Мой поцелуй тут же зафиксировали вспышки камер.

– Давай подойдём к большому портрету справа, там с кем-то стоит Райан, – сказал он, направляясь со мной к брату. Старший брат Ноя возвышался над остальными, как южноафриканское дерево после дождя. Йоханнесбургские миллионы проступили в каждой детали: дорогой, сдержанный костюм, дорогие часы, уверенная поступь человека, привыкшего, что ему уступают дорогу, но это не отталкивало. Он был высок, красив и широк в плечах. Я заметила схожие черты лица с Ноем: мощный подбородок безошибочно выдавал твёрдый характер и негибаемую волю, высокие скулы ловили свет, придавая его облику аристократичность, прямой нос и высокий, открытый лоб говорил о развитом уме и способности к глубоким размышлениям.

Ему было сорок четыре года, и он был родным братом Ноя по матери. Ной как-то говорил о нём. Зеленые глаза, невероятно яркие на фоне слегка тронутых сединой волос, сразу притягивали взгляд. И в них читалось не просто богатство, а прожитые годы, какие-то испытания. В них была мудрость и одновременно усталость, но они не были грустными, как у Ноя. В глазах брата играл живой интерес к жизни, и он дарил своё обаяние каждому, широко улыбаясь, отчего становился ещё красивее. Он с Ноем были очень похожи, но его брат был немного выше. Мне показалось, что он был в прошлом какой-нибудь баскетболист с ростом под два метра.

«Точно бабник! У него прямо на лбу написано!» – пришла мне первая мысль в голову. По нему было видно, что он кого-то искал глазами в толпе и ждал, наверное, Ноя. Это было видно по той смеси напряжения и нежности, которая мелькнула в его глазах, когда он обводил взглядом всех. Этот богач, приехавший из далекого Йоханнесбурга, сразу же заинтриговал всех, поэтому к нему выстроилась целая очередь из желающих пожать ему руку. Он стоял не один, а в компании двух мужчин с бокалами виски. Подойдя с Ноем вплотную к мужчинам, его брат обернулся и увидел нас. Он сразу обнял брата, говоря ему приветственные слова и поздравления по поводу выставки, и одновременно за спиной Ноя разглядывал меня, немного опешив.

– Это Марина! Она из Барселоны. Познакомься! Марина – это Райан, тот самый брат, о котором я тебе рассказывал.

Райан взял мою руку для поцелуя. Его прикосновение было неожиданно легким, почти невесомым. Райан опустил настолько низко, что я чувствовала тепло его дыхания на тыльной стороне ладони. Его поцелуй был скорее выражением уважения, почти благоговения. Я заглянула в его зеленые глаза. В них не было ни намека на флирт или кокетство, только вежливость, почти старомодная, как будто он видел во мне что-то, что другие не замечали, что-то ценное и хрупкое. И я поняла, что Райан – намного более сложная и интересная личность, чем можно было предположить.

Совсем недолго пообщавшись, братья разошлись, договорившись встретиться позже. Мы с Ноем продолжили свою прогулку по галерее, как вдруг увидели родителей Саши. Мама стояла с отцом вдвоем. Саши с ними не было. Это была наша первая встреча с ними за последние неприятные для всех дни. Ной подошёл к ним, поздоровавшись только с мамой и поцеловав ей руку. Мама, увидев меня, только погладила мою руку с нежностью, любовью и слезами в глазах. Отец, глаза которого один в один повторяли глаза Саши, посмотрел на нас с высокомерием

и, мне показалось, с неприязнью. Меня он окинул возмущённым взглядом, увидев мой образ, и отступил на шаг назад, как от прокажённой. Ной вообще с ним не разговаривал, только двигал скулами, и не захотел даже пожать ему руку, поэтому мы быстро отошли от них.

«Бедная мамочка! Как она это терпит всю жизнь?» – подумала я, отходя и сжав ей руку. Мы шли дальше по длинному залу с картинами, и все также расступались, пожирая нашу делегацию завистливыми глазами, пока перед нами не появился Саша. Я замерла, увидев его. Он стоял перед нами и не собирался отходить в сторону, как все. Ной шёл к нему напролом, не думая отступать или обходить стороной. Я испугалась, зная, что может быть драка или ещё что-нибудь в этом духе. Саша, увидев мою оголённую ногу до талии без белья, впился в неё злыми глазами, переводя взгляд на меня. Он обомлел. Его накрыло безумной ревностью, и я вновь увидела это по его глазам. Он был в откровенном шоке, хаотично двигая желваками. В глазах сразу проснулся зверь, но он пытался усмирить его, переведя злобный взгляд на сводного брата.

Саша, как всегда, был великолепен: белый прозрачный костюм на загорелом теле и чёрные плавки, подчёркивающие его упругие формы. Шея обвешана чокерами и шнурами. Рубашка, застёгнутая на две последние пуговицы, открывала его грудь. Запястья рук в браслетах с бусинами, часы и чёрная печатка на мизинце. На левом боку виднелся пластырь, и на теле, словно печати, проглядывались синяки. Он стоял по середине длинного зала, смотрел на нас, засунув кулаки в карманы, потому что ткань просвечивалась, и их было видно.

Мы медленно направлялись к нему. Братья поравнялись лбами друг к другу. Я обомлела от страха, и дыхание сразу остановилось. В это время засветились вспышки камер. Все замерли. У обоих гуляли желваки по лицу. Несколько секунд растянулись для меня в вечность. Я наблюдала за ними – двумя альфа-самцами, равными по росту, чьи взгляды, полные ярости, скрестились в напряженном поединке. Никто не догадывался о незримой связи, роднящей их души. Внешне они были словно из разных миров, но я видела то, что ускользало от других: одинаково мощные подбородки, высокие скулы, крепкие шеи и даже структуру волос – легкая волна, лишь оттенки которой отличались. И только мне были известны тайные знаки – родинки, расположенные в одних и тех же сокровенных местах.

Саша ещё раз посмотрел на меня злыми глазами, потом на мою ногу и сделал шаг в сторону, пропуская Ноя. Ной сделал большой, широкий шаг вперёд, касаясь плеча Саши и тем самым отталкивая его, слегка пригнув тело вперёд, показывая, кто тут главный. Но это не означало, что Саша сдался. Я увидела его взгляд. В глазах, помимо злости и ревности, стояли игра и задор. Ещё его выдавала мимика: слегка приоткрытый и возмущённый рот, отчего он покачивал головой. Он всегда так смотрел, когда что-то затевал, а я уже напряглась не на шутку. Мне, конечно, было жалко Сашу, зная, через какие унижения он прошёл за последние дни, но я также знала, что он борец не хуже своего сводного брата, а может быть, даже лучше с его уникальным и изощрённым психоанализом.

Я наблюдала за ним украдкой, стараясь не выдать своего волнения. В его глазах читалась усталость, но не сломленность. Это был тот самый Саша, способный на непредсказуемые поступки и гениальные решения. Нельзя было списывать его со счетов, даже если казалось, что он загнан в угол. Его психоаналитические способности действительно поражали. Он умел читать людей, будто открытую книгу, выявляя их скрытые мотивы и слабости. Именно это умение делало его опасным противником, но и ценным союзником. Сейчас, когда ставки были как никогда высоки, ему нужно было использовать все свои таланты на полную мощь.

РАЙАН

Выставка подходила к концу, а мы с Крисом уже неслись во весь опор в сопровождении трёх кроссоверов в Кинсберг на виллу Ноя, и я вспомнила слова Саши: «Ему на хрен не нужна твоя музыка! Ты не знаешь, как отдыхают миллионеры?» Ной решил продолжить развлекаться

на яхте до утра, пришвартованной у его виллы, с компанией друзей, их жён и любовниц. Должен был состояться небольшой ужин на вилле, а потом все должны были отправиться на яхту развлекаться на полную катушку.

Мы с Кристианом опаздывали почти на полчаса от назначенного времени, потому что нас задержали на выходе мои фанаты, затащив в какую-то комнатку буквально на десять минут, чтобы я хоть немного поговорила с ними. Ной не знал этого, потому что уже давно был на вилле, прилетев туда с братом на вертолёте.

Дети собрались небольшой кучкой и расспрашивали меня о своём увлечении, о котором я знала лишь понаслышке, поэтому не знала, что им говорить. Я всем им оставила автограф, и они поделились ссылками на свои аккаунты в соцсетях. Я пообещала, что всех посмотрю и оставляю комментарии. Подъезжая к вилле, позвонил Ной:

– Моё сердце, мы все уже в сборе и ждём тебя, не садимся! Ты цела? Фанаты отпустили тебя? – говорил Ной, которому уже всё доложили.

– Ной, садитесь без меня. Я, наверное, буду через минут десять. Скажи гостям, что я сейчас припудрю носик и выйду к ним, хорошо?

– Так и будет сказано! Жду и скучаю! – засмеялся он. Мне не очень хотелось такого развлечения, тем более ночью на яхте с весёлой компанией, но ничего не оставалось, кроме как согласиться.

– Мне нужна отдельная каюта! – заявила я ещё на выставке Ною, планируя, что после ужина переоденусь на втором этаже виллы и спущусь на яхту.

– Непременно, моя любовь, – ответил Ной, облобызав мою открытую часть груди, и долго не хотел расставаться с ней, добравшись уже до соска, но я отстранила его, потому что его все ждали и потому что он опять вспыхнул, как спичка.

Подъехав к вилле, Ной уже встречал нас. Мы прошли в главный холл, где стоял стол с гостями, которые уже наелись и почти напились, ожидая «чуда света» в моём лице. Я кивнула всем, кого не видела или видела. Все лица перемешались в моей голове, и я никого уже не помнила. Ной сидел во главе стола. Он посадил меня по правую руку от себя, а брата Райана – по левую, напротив меня.

Наступила пауза, и меня все молча начали изучать. Я никак не реагировала и смотрела на пуговицу Райана на его голубой рубашке, потому что не нашла, куда ещё можно непрерывно смотреть, чтобы от меня отстали, не засмущаться, а главное – не засмеяться. Краем глаза, посматривая на Ноя, я уже почти смеялась. Так было всегда с нами последние дни, которые обычно заканчивались безумной любовью. Он тоже держался, поглядывая на меня, но под столом его рука уже лежала на моём бедре, предельно близко к самому сокровенному для него.

Ной пригласил около двадцати человек близких ему друзей, которых я вообще не знала. Было ровно десять пар. Кто кому приходился: жёны, любовницы – я не знала, предпочитая лишь наблюдать. Напротив сидел красавец Райан и изучал меня с особым интересом, наблюдая за каждым движением моих пальцев, поэтому я не могла ничего хватать со стола и пихать в рот, а предпочла лишь пить коктейль из трубочки. Я просто боялась подавиться, зная, что мне в рот будут смотреть все гости. Райан сидел рядом с какой-то молодой женщиной с чёрными волосами и большим кривым ртом. Она смотрела на меня с откровенной ненавистью и даже искривила свой и без того уродливый рот, немного приоткрыв его. Остальные мужчины уже были подшофе вместе с Ноем. Я заметила это по их глазам, которые смотрели на меня с нескрываемой туманной похотью. В них читался интерес, игра и откровенное вожделение. Они испепеляли мои глаза, губы, грудь, плечи, руки и пальцы, которые, как мне казалось, уже горели от их взглядов. Я всегда избегала подобных шумных компаний особенно незнакомых мужчин и женщин, поэтому лишь наблюдала и не участвовала в разговорах.

«Ну и ночка мне предстоит! Хорошо, что я добилась отдельной каюты! Опять придётся держать баррикаду всю ночь!» с ужасом представляла я, глядя на хищные глаза мужчин и злые взгляды их дам.

Мужчины все как один были непримечательными и обычными: худые, полные, лысые и с бородками. Я никого не отметила для себя. Райан и Ной были в этой компании самые эффектные. Женщины тоже мне казались обычными серыми мышками. Среди них я не увидела моделей или «сексуальных хищниц». Они все были с высокими причёсками и в вечерних платьях с оголёнными спинами. Лишь одна выделялась среди серой массы своей огненной рыжей шевелюрой, бледной кожей, которая была усеяна ужасными рыжими веснушками. Под цвет её волос на ней красовалось такого же цвета ярко жёлтое платье, которое открывало её рыжие от веснушек плечи. Рыжуха успевала привлекать внимание всех ещё своим фривольным поведением, говоря всем подряд что-то визгливым голосочком, который раздражал мой слух, и манерой махать руками перед лицами тех, кто сидел с ней рядом. Казалось, она добралась до миллионеров и решила стать королевой бала.

Ной тихо говорил с братом. Иногда Райан поглядывал на мою грудь, задерживая свой взгляд на моих сосках, которые от прохладного воздуха совсем окаменели и выделялись, как две изюминки, поднявшись вверх. Я поймала его взгляд, когда он поднял глаза на меня. Мой слабоалкогольный коктейль делал своё дело, и у меня разыгрался азарт. Я любила дразнить мужчин, делая их слабыми. Ной тоже был не дурак и видел, куда всё время смотрел его старший брат, поэтому полез ко мне под столом ещё выше и нащупал на мне замаскированные трусики. Сперва пошарил пальцами по ним, потом под ними и даже приподнял пальцами окрашенную ткань:

– Ага! Вот оно что! – громко крикнул Ной, засмеявшись.

– Что ты сказал? Я не понял! – переспросил у него Райан. Я опустила голову и засмеялась.

– Да так, вырвалось! Что там у тебя с конвертируемым займом? Ты его берёшь? – спросил Ной.

– Думаю, будет сложно, я полагаю. Как там у Бальзака в «Отце Горио»: *«Исследуйте крупное состояние, и вы увидите там гнусные побуждения!»* – засмеялся Райан почти так же, как и его брат Ной, заразительным смехом. Теперь я увидела двух братьев с идеальным аристократическим воспитанием и образованием, которые цитировали классиков «как орехи щёлкали».

Хлынула искрящаяся, легкомысленная музыка, словно выплеснутая из недр шампанского, и сытая, захмелевшая толпа повалила из-за стола, жаждущая продолжения праздника. В воздухе уже витал дух охоты, предвкушение ночных приключений, еще до того, как они ступят на палубу яхты. Женщины, опьяненные ритмом, образовали бурлящий хоровод, бросаясь в танец с дикой, непринужденной грацией, изгибаясь в причудливых позах под напором звука. Мужчины, окутанные дымкой дорогих сигар и терпким ароматом виски, наблюдали за ними, оценивающе и похотливо поблескивая глазами.

Неожиданно рядом возник Райан. Я вздрогнула от внезапности, когда он, как тень, подкрался со спины и придвинул кресло так близко, что я почувствовала его обжигающее дыхание на своей коже.

«Ещё один брат! Мне начинать загибать пальцы?» – мне уже было смешно.

– А вы почему не встали в кружок танцевать? – почти в шею шептал мне Райан, нагнувшись надо мной и приступая атаковать меня без согласия Ноя. Райан говорил немного с акцентом и на русском языке, как и все присутствующие.

– No te entiendo, africano! – ответила я, повернув к нему голову так, что наши губы почти соприкоснулись. (исп. Я не понимаю тебя, африканец!) Он сразу напрягся и перешёл со мной на испанский, повторив вопрос.

– No me gusta el instinto de rebaño, ¡ay! – ответила я ему, проведя пальчиком по его колючей щеке. (исп. Мне не нравится стадный инстинкт, увы!)

«Решил поиграть со мной, милашка?» – подумала я про себя, улыбаясь ему.

– Вы говорите только на испанском? – уточнил он, перейдя полностью на испанский.

– Разве плохо? Мне нравится его мелодичность и дерзость! – заигрывала я с Райаном, который уже взял мою ладонь, сжимая её, и провёл своим пальцем по моей открытой боковой части груди. Я засмеялась, почувствовав его прикосновения.

– Вам так нравится? – начал он заигрывать со мной в ответ и тоже очаровательно улыбнулся. – Вы знаете, что вы красивая?

– Нет, вы первый, кто мне об этом говорит! – ответила я и увидела, как он смотрит вниз на мою обнажённую до талии ногу под столом, к которой был очень близок. Я услышала его учащённое тёплое дыхание.

«Ты собрался меня прямо сразу здесь на стуле поймать что ли? Такой же зажигалка, как и братец?» – смеялась я про себя.

– Может, сразу на «ты»? – уже пыхтя от виски, спросил он.

– Хорошо, давай! Можешь положить руку на моё бедро с золотым обручем! – ответила я, и он с любопытством посмотрел мне в глаза, думая, видимо, что я уже согласна на всё с ним, но он не стал рисковать и больше не прикасался ко мне, а тянул паузу. Я понимала, что он меня проверяет, провоцирует и заодно изучает новую избранницу своего брата. Райан был приятным мужчиной и даже очень, но я не знала его совсем. От него исходил безумно вкусный аромат мужского парфюма, от которого кружилась голова. При высоком росте он был широк в плечах, и чувствовалось, что активно занимается спортом. Скорее всего, он занимался плаванием и баскетболом.

– Приятный вечер! – откинулся он на спинку кресла, потягивая сигару и изучая мою спину и волосы. Мы не знали, о чём говорить, и он думал, как со мной поиграть дальше, продолжая разглядывать меня. Повисла пауза. Тут откуда-то подскочил Ной и подсел ко мне рядом, увидев, что его брат максимально близко поставил свою ногу к моей оголённой, нагнувшись надо мной, и дышал мне в шею.

– Вы уже познакомились ближе? – спросил улыбающийся Ной, обратившись ко мне.

– Да, котёнок Ной, он не хочет трогать мою ногу, представляешь? Тебе тоже она не нравится? – включила я капризную дурочку на русском языке. Братья переглянулись, и Райан понял, что я его обхитрила с языком.

– Райан, как тебе моя Мариночка?

– Она весёлая! – ответил Райан, ехидно посмотрев на меня. Женщины в зале поглядывали на нашу тройку с любопытством, не понимая, почему два миллиардера сидят с какой-то неизвестной дурочкой в костюме богини, когда на них надеты платья от кутюр. Заиграла медленная музыка. Райан резко подскочил и взял меня за руку на танец, не спрашивая Ноя и меня. Я лишь успела оглянуться на Ноя с недоумением в глазах. Ной наблюдал.

«Началось веселье!» – смеялась я почти в истерике, не ожидая от двухметрового брата ничего хорошего.

– Ты на самом деле такая весёлая, – подхватил он меня так, что я практически висела у него на руках, не касаясь пола. Хватка у него была мощная. «Со мной даже Саша так не танцевал! Ничего себе!» – растерялась я.

– Ты же замужем? – шептал он на ухо, обхватив меня ручищами, – где твой муж?

– Он сегодня в ночную смену калымит! – ответила я первое, что пришло в голову, а Райан уже громко хохотал, откинув голову назад, так что все смотрели только на нас. Своей мощной ногой в брюках он прижался к моему оголённому бедру. Я весь танец чувствовала его жар, не понимая, что за гремучая смесь со мной танцует. Он практически раздавил мне грудь, крепко прижавшись ко мне своим телом в расстёгнутой наполовину рубашке и с галстуком

в кармане брюк. Он был подшофе и развлекался на всю катушку, со всей силы прижимая меня к себе и раскручивая в танце до головокружения.

Все женщины уже практически меня ненавидели, отчего стояли парами и шептались между собой, искривив рты. Ной ревновал. Я видела его грустные глаза, но это был его родной брат, и я была беспомощна в этой ситуации. Он сам меня сюда позвал, захотел и бросил в объятия своего брата.

– Как ты познакомилась с Ноем? – наконец спросил он у меня.

– Он подглядывал за мной на твоей яхте! – ответила я ему, и он вновь зашёлся очередной партией смеха, поцеловав меня продолжительным поцелуем в шею так, что я думала, останется след. Я опешила. Ной увидел, как братец балагурит, и задвигал желваками. Я терпела, потому что так захотел Ной. Мужчины пожирали глазами практически все мои обнажённые формы, которые оголил Райан, схватив меня в танце, как зверь на охоте в Африке. Я даже открыла рот от возмущения. Причём я его отталкивала, а он ещё крепче меня прижимал к себе. Мне уже хотелось ему двинуть куда-нибудь, но я была здесь ради Ноя, который долго готовился к этому празднику, и я не хотела конфликтов. Танец закончился, и я с облегчением выдохнула.

«Хоть не изнасиловал, и на том спасибо! Даже мои мужчины меня так не таскали при всех, наглец! Но хорош и силён, что уж тут сказать! Представляю, что он вытворяет в постели с женщинами!» – у меня сразу испортилось настроение от такого наглого натиска без моего разрешения и от своей беспомощности. Я почувствовала себя какой-то шалашовкой на празднике богачей, потому что была никем среди них, а у них были статусы, деньги и власть.

Райан поблагодарил за танец, поцеловав мою руку, а меня постепенно накрывала злость. Я возмущённо посмотрела на Ноя, и он всё понял, но был занят другими гостями, которые от него все что-то хотели и постоянно дёргали с вопросами. Я незаметно поднялась наверх, пока все дружно вышли на веранду, и закрылась в гардеробе, чтобы немного отдохнуть на диванчике, принять душ и переодеться.

Только я вышла из душа с мокрыми волосами и в одних белых кружевных трусиках, как в гардероб постучал Ной:

– Любимая, открой мне!

– Нет, я боюсь. Ты один?

– Конечно! Ты испугалась? Открой, Марина. Я один.

– Я уже приняла душ и не пойду танцевать с твоими пузатыми богачами. Я их боюсь! – сказала я ему. Ной засмеялся.

– Хорошо! Марина, открой мне дверь, и я тебе всё скажу!

Я открыла дверь, оставив лишь щёлочку, и стала оглядываться.

– Ты точно один?

– Да, моя нежность!

– Заходи, только быстро.

Ной зашёл, смеясь, и я закрыла дверь. Увидев меня обнажённой, он сразу вспыхнул:

– Моя любовь! Я почти два дня мучился без тебя! Я терпел, а ты такая нежная, и я хочу тебя! – посадил он меня к себе на колени, целуя грудь горячими губами и играя с соском.

– Нет, Ной, только не здесь и не сейчас! Я устала, и у меня плохое настроение, – оттолкнула я его.

– Он тебя обидел?

– А ты не видел? Не понял? Ты же знаешь, что я не люблю так! Что за наглость? И это ты всё устроил, кстати! – высказала я ему, злясь на Райана и на себя, что поехала на виллу. – Мне нужно было остаться дома или поехать к маме!

– Я ему скажу! – ответил Ной, убрав улыбку с лица.

– О нет, не надо! Я не хочу, чтобы ты ругался с ним, как с Сашей, из-за меня. И так все вокруг ругаются. Я не хочу! Ничего ему не говори. Он твой брат и гость, – слезла я с его колен и стала перебирать свою одежду.

– Хорошо! Ты придёшь на яхту? Все уже ушли туда! – спросил Ной.

– Да, чуть позже, с Кристианом.

– Ты наденешь какой-нибудь купальник?

– Нет, конечно! – возмутилась я. – Смотри, чтобы в моей каюте никого не было!

– Хорошо, любимая! Я жду тебя!

ОРГИЯ

Я подошла с Кристианом к яхте в полной темноте, которая переливалась вся как музыкальная шкатулка, вырвавшаяся из-под контроля. Блеск прожекторов, гирлянд и светомузыки отражался от воды, создавая калейдоскоп цветов. Громкая музыка, казалось, заставляла дрожать воздух. Яхта пульсировала энергией, словно живое существо, готовое поглотить нас в своем безграничном веселье.

– Крис, я хочу, чтобы ты был постоянно со мной! Не отходи от меня! Я их боюсь! – предупредила я его.

– Мне не положено! Я на яхте как персонал!

– Не придумывай! Я не пойду в эту клоаку без тебя! Это надо просто пережить, Крис!

Кристиан придерживал меня за руку, поднимаясь на яхту. У меня было уже подавленное настроение после танца с Райаном и совсем не хотелось идти на яхту. Мне абсолютно ничего не хотелось. Я лишь обещала Ною, поэтому решила перетерпеть всё это побыстрее, к тому же у меня было плохое предчувствие, отчего немного подташнивало. Я не понимала, откуда появилось ощущение чего-то плохого и непредвиденного, но старалась держаться.

«Наверное, просто устала!» – переступила я на палубу яхты в широких серых штанах с широкими черными лампасами, в сером лонгсливе с длинными рукавами и с черным крупным принтом «**Не прислоняться! Я не твоя!**» Высушив волосы, я выпрямила их до зеркального блеска, расчесала и, наконец, освободила их, позволив свободно струиться по плечам. Теперь я опять выглядела пятнадцатилетним подростком среди гостей. Крис тоже переоделся в майку и рваные джинсы. В таком прикиде «чётких пацанов» мы зашли внутрь яхты, где все сидели за столом и громко разговаривали. Все замерли, разглядывая нас с недоумением в глазах. Женщины даже открыли рты, увидев меня более естественной, с распущенными волосами и в одежде подростка, в сопровождении молодого красавца с длинными волосами до плеч, которого они ещё не видели. Ной тут же махнул Кристиану, чтобы тот исчез.

– Нет, он будет со мной! – отчеканила я.

– Но, Марина! – удивился Ной.

– Хорошо, я уйду с ним! – ответила я и вышла на палубу, сев в кресло с подушками. Кристиан принёс плед, укрыл мне плечи и тоже сел рядом с креслом на пол. За нами высыпали остальные гости, засидевшиеся за столами с едой, ехидно поглядывая на нас.

Настроение было у меня на нуле. Я была злая и недовольная. Гости вели себя откровенно вызывающе, не соблюдая элементарных приличий и уважения к хозяину яхты. Все были уже прилично подшофе: мужчины разделись, обнажая свои пивные жёлтые животы и вялые мышцы груди. Некоторые уже купались и ходили с мокрыми телами, хвастаясь своими неприглядными телесами перед женщинами и соблазняя их. Другие хлопали мокрыми ладонями по своим пивным, волосатым животам, издавая звериные и рыгающие звуки.

Женщины удивляли больше всего своей откровенной вульгарностью. Казалось, что у них годами не было мужчин, и они висели на всех, кто начинался на букву «М»: танцевали, визжали и задирали ноги в купальниках *Vikini-set*, в виде полосок вместо трусиков и лифчика. Мне было неприятно и стыдно, потому что рядом со мной сидел молодой парень, ставший свидетелем

непристойного поведения этих распущенных женщин, демонстрировавших откровенные части тела.

– Кристиан, так всегда было? – с ужасом спросила я у него, на что он опустил голову и ничего не ответил. Особенно выделялась рыжая с конопушками и фигурой гусеницы. И теперь, глядя на неё, я понимала, о каких женщинах с большими животами и небеременных говорил мне Ной. У неё была спина и сразу ноги, и никакого намёка на ягодички: обычный плоский зад. Сзади она выглядела мужиком, который бежит по палубе в купальнике. Её природную принадлежность выдавала только обвисшая грудь и шестимесячный живот, который торчал впереди, а когда она садилась в кресло, он казался почти восьмимесячным, и всё потому, что нет бёдер, поэтому весь кишечник выпирал наружу, поэтому на спине кожа складывалась в крупные складки, как у гусеницы.

У меня было всё по-другому: тонкая талия и округлые бёдра, то есть полноценный женский таз, в котором всё компактно располагалось и вмещалось, в том числе и беременная матка. Именно поэтому Ной до конца не верил в мою беременность и говорил про припухлость вместо живота. И потом, мои выпирающие ягодички отвлекали внимание от живота. Как мне сказал Борис на осмотре в клинике: «На попу можно поставить стакан с водой, и он не упадёт, и это замечательно для беременности!» В профиль я тоже смотрелась весьма секси: девственная, настоящая округлая грудь, соски которой располагались кверху, узкая талия и резкий переход в бёдра, где на ягодички действительно можно было поставить стакан воды, и я даже пробовала экспериментировать на себе. Ничего не падало.

Рыжуха считала себя уже настоящей королевой бала, потому что я ушла в тень в широких одеждах, а она вся сияла, бегала по палубе в золотом купальнике с тремя полосочками вместо купальника. Купальник у неё постоянно сползал, открывая соски, потому что был надет на бесформенную грудь. Она постоянно визжала или, также визжа, говорила. Потом она распустила гриву своих огненно-рыжих волос и полезла за борт, а пьяные мужчины тянули её обратно, и все гоготали, как бешеные. Я вообще не могла на это смотреть, опустив глаза, потому что меня начало мутить, и Кристиан принёс мне коктейль.

Её подруга с большим кривым ртом тоже бегала с ней по палубе, привлекая внимание мужчин. Это была именно та женщина, которая сидела рядом с Райаном. Она по-прежнему бросала на меня ненавистные взгляды, искривляя рот. В её лице что-то явно было непропорциональное, скорее всего, из-за неправильного прикуса, который она не исправляла, поэтому нижняя челюсть выпирала вперёд, искажая большой рот с тонкими губами. Её фигура была немного похожа на женскую благодаря тому, что у неё хотя бы был намёк на ягодички и небольшую грудь, но её широкие плечи, как у лыжницы, портили фигуру. Она казалась штангисткой: мощные плечи, маленькая грудь и лёгкий намёк на бёдра.

Шампанское плескалось фонтаном, и две дамы демонстративно ловили его ртами, умывались им и растирали свои некрасивые фигуры. Было ужасно и противно до тошноты. Я даже не знала, кто были эти женщины – жёны, любовницы или просто с вокзала для развлечения состоятельных мужчин, которых сняли на ночь. Я слышала о такой услуге, когда приглашали девочек, чтобы они создавали праздник и будоражили воображение пьяных мужчин, а если повезёт, то им доплачивали.

«О боже, неужели с ними кто-то ещё спит?» – думала я.

Остальные пары держались спокойнее: кто-то уже уединился на ночь, какие-то пары продолжали поглощать еду и пить напитки, некоторые купались в темноте и орали громче всех. Пузатые мужчины прыгали, как лягушки в воду, создавая волну брызг, отчего они радовались своему вау-эффекту. Казалось, лишь я с Кристианом были лишними на этой яхте, как я и предполагала.

– Ной, давай я не поеду на яхту? – просила я Ноя ещё на выставке. – Ты развлекайся, а я поеду к котёнку?

Но он даже не хотел слушать этого:

– Я не смогу там без тебя! Я сразу умру! Вот и всё! – была его отговорка, а я сидела, смотрела на всю эту вакханалию и уже пожалела сто раз, что согласилась сюда приехать.

«Лучше бы я с фанатами поехала в их клуб, куда они меня звали!» – злилась я. Ной ходил в плавках и рубашке нараспашку вместе с братом, который был в спортивных шортах и футболке. Только их фигуры смотрелись эстетично и подтянуто среди остальных. Райан уже поглядывал на меня растерянно и недоумённо, видимо, Ной промыл ему мозги, и потом он понял, увидев меня в образе подростка в широких штанах, что я не всегда хожу в вечерних нарядах. Ной метался от гостя к гостю, иногда подбегая ко мне с поцелуем в лоб и тут же убегал, потому что его кто-то вечно окликал.

«О боже! Зачем ему это всё! Лучше бы в ресторан сходили и спокойно посидели!» – с сожалением думала я.

Кристиан всё время сидел со мной на палубе, как преданный пёс. Мы только с ним и наблюдали, потягивая коктейли. Я пододвинула к нам столик с фруктами и мороженым. Женщины пытались построить с нами диалог, особенно с Кристианом, но он лишь отмахивался рукой. Некоторые пьяные мужчины подходили ко мне, что-то сверху бурчали и уходили. Я так и не понимала, чего они хотят. Один тянул руку ко мне, приглашая на танец. Кристиан перехватил его руку, и тот ушёл. Потом мне принесли записку от какого-то Ивана, чтобы я спустилась к нему в каюту номер три. Записку я сунула в плавки Ною, который прибежал ко мне с очередным поцелуем. Он прочитал её и побежал в каюту номер три разбираться. Чуть позже приехала доставка, и мне принесли букет красных роз с открыткой: «Прости! Райан». Букет я положила рядом с креслом.

– Марина, Саша стоит на берегу! – вдруг сказал мне Кристиан. Саша смотрел в телефон и был в белом костюме, другую руку держал в кармане. Конечно, для меня было неожиданностью его появление без приглашения, но я понимала, почему он пришёл, уже видя ту бесконтрольную вакханалию, которая происходила на яхте, где Ной не успевал никому угодить и поспеть за всеми. Яхта звенела погремушкой за километр, и праздник привлекал внимание окружающих людей и туристов. Ко мне подбежал Ной, показывая сообщение от Саши: «Пусти к жене. Мешать не буду!»

– Ной, только без рук! Пусти его! Какая тебе разница, что творится на твоей яхте? Тут и так полный беспредел! – перекрикивая музыку, ответила я ему. Ной пошёл к нему разговаривать. Они долго о чём-то говорили. Говорил в основном Саша, а Ной, опустив голову, слушал его. Мне показалось, что Саша просил у него прощение, или благодарил за донорство, но это были лишь мои предположения. В конце концов, после долгого разговора они направились на яхту. Я лишь услышала одну фразу Ною, когда они входили на яхту:

– Саня, если что, я тебя сразу выброшу за борт! Я предупредил!

Ноя позвал брат. Саша сел напротив на диванчик, рассматривая нас с Крисом. Я увидела в его глазах одобрение, казалось, что он даже выдохнул, когда увидел меня, сидящую в кресле под пледом и в широких штанах. Он боялся за меня, поэтому пришёл к Ною, и я это понимала. «Неужели он думал, что я в открытом платье буду тут всю ночь всех развлекать?» – поглядывала я на него. Сашу многие узнали, здоровались и хлопали по плечу. К нему подошёл Райан и тоже долго с ним разговаривал на диване, потягивая виски. Саша пил только лёгкие фруктовые коктейли, как и мы с Крисом. Потом неожиданно ко мне подошёл Райан и шепнул на ухо:

– Прости! Я был не прав! – поцеловав мне руку. Я лишь кивнула и даже не улыбнулась ему. Его позвали.

К моим ногам подвалил какой-то мужчина в плавках и начал откровенно лезть рукой мне под штанину. Крис ему что-то сказал, но тот махнул на него рукой и не слушал его. Что мог Крис сделать с богачом, у которого есть деньги? Я увидела растерянность и беспомощность в его глазах. Я пыталась пинать ногой мужчину и отталкивала рукой обмякшее тело, но он лёг

на мои ноги, уткнувшись носом в колени. Подошёл Саша, поднял мужчину как бочку и выкинул за борт.

«И всё! Так просто, как будто так и надо было!» – улыбнулась я Саше и испугалась, посчитав, что будет драка или скандал, но нет – мужчина был рад, что купается за бортом, отчего начал хлопать в ладоши и что-то кричать. Яхта стояла на берегу у пирса, поэтому не было угрозы, что кто-то утонет, к тому же за всеми следили «тени в чёрном». Саша сел рядом со мной около кресла на палубу, как и Крис. Теперь я была под полной защитой своих охранников с обеих сторон.

Если мужчине, которого Саша выкинул за борт, нельзя было что-либо делать со мной, то Саша на это имел полное право, будучи моим мужем, поэтому он тоже не упускал возможность погладить мою ногу. Он скучал, и я это знала. Мы не виделись с ним с тех пор, как он развязал мне кофточку, потянув шнурок. Он полулёжа лежал около моего кресла, и его рука проникла мне под штанину. Он держал мою лодыжку в руках. Я чувствовала его тепло. Рука казалась такой родной, что я не сопротивлялась.

Ной заметил наши взгляды, прикованные к нему: я, небрежно откинувшись в кресле, и мои телохранители, словно изваяния, замершие по обе стороны. У Ноя не было ни единого повода, ни единого аргумента, чтобы нарушить эту картину. Тишину нарушил лишь зов хмельной ватаги, затеявшей рыбалку сетями. Ной, с самым громким и пьяным хохотом, поспешил присоединиться к ним, уже изрядно захмелевшим.

Заиграла медленная мелодия, и Саша пригласил меня потанцевать. Это было для всех нормальным, если муж пригласил жену потанцевать, потому что некоторые были тоже со своими жёнами и также танцевали. Я согласилась, потому что уже хотелось размяться, и потом, это был не Райан с его хваткой, а родной и ещё пока любимый для меня Саша, к которому я ездила всю неделю в клинику.

Как только он меня нежно обнял в своём прозрачном белом костюме, я тут же поплыла. Моё тело сразу вздрогнуло, вспоминая его тело и наши ласки. Мы танцевали, вернее, просто шатались на месте в каком-то малоосвещённом углу, там, куда нас в танце направил Саша. Он нагнулся к моей шее и плечам, и я уже едва сдерживалась от желания, поэтому начала кусать губы. Мои волосы рассыпались по лицу, закрывая глаза и лезли в губы. Он дышал мне в лицо, пронизывая мои глаза своей любовной аурой. Это был обычный танец пары, к которому сложно придаться, но то, что мы чувствовали оба было известно только нам двоим. Саша был само обаяние и сексуальность. Он так нежно и едва прикасался к моему телу, что я млела под его пальцами. Мне стало не хватать воздуха, отчего я стала часто дышать, и моя грудь опять пришла в движение. Это было настоящее сумасшествие. А он продолжал окутывать меня своими любовными паутинами, как паук, готовый добраться до своей жертвы медленно и не спеша. У меня уже закружилась голова от его парфюма и тепла тела. Казалось, унёс бы он меня куда-нибудь, и я отдалась бы ему тут же, настолько быстро, за минуту, он взбудоражил моё сознание. Он продолжал свои нежности и опустил губами к шее и плечам, а потом нашёл губы и поцеловал меня так нежно и легко, что я совсем опьянела, и мои ноги стали ватными. Он не делал абсолютно никаких резких движений и не загорался как спичка, он выбирал иную тактику, которая называется: «Сама придёшь или приползёшь, я лишь дал добро и буду ждать!» Танец кончился, а я стояла и не знала, что делать и куда идти, чтобы скрыть своё состояние, которое было заметно не только Саше. Я направилась в свою каюту, уставшая и возбуждённая, и мне надо было прийти в себя.

Кристиан, опередив меня, побежал в каюту, чтобы осмотреть её до меня. Убедившись, что никого нет, я зашла, закрыв за собой дверь. Крис остался сидеть за дверью на полу. Он продолжал работать, и я представила, что видит, слышит, чувствует этот мальчик, так близко видя мою личную жизнь. Мне стало не по себе!

Наконец, я прилегла, потому что моя спина раскалывалась от усталости. Компания продолжала праздновать: визжали женщины, играла клубная музыка, пускались салюты, и слышны были крики пьяных мужчин. Через некоторое время голоса стали тише, и кого-то уже провожали. Я услышала разговоры женщин. Они не знали, что розовая каюта через стенку со мной. Я легла лицом к стене, рисовала пальцем узоры на стене и слушала их диалоги. К тому же соседние окна были приоткрыты, ночная тишина, и всё было прекрасно слышно. Их было трое, и по визжащему голосу рыжухи я поняла, что она одна из них.

– Ты видела, в чём она пришла? Это же ужас! Откуда она? Из Испании? Там все так одеваются? Ужас полный!

– Я вообще не знаю, что нашёл в ней Ной. У неё же нарощенные ресницы и грудь!

– Почему нарощенная?

– Грудь не может так стоять, как у неё! У неё точно импланты! Вы видели, она пришла без трусов на выставку? Совсем чокнутая!

Женщины переодевались в розовой комнате, примеряя наряд за нарядом в общем шкафу, отчего смеялись и радовались новым примеркам.

– Вы видели испанца? Какой конфетка! У него через брюки видны плавки, а в них... ой, меня всю аж трясёт уже! Сегодня он будет моим, это точно! Он на меня как посмотрел сегодня, я сразу его захотела! Тем более его испанка сейчас спит со своим новым молодым любовником из Греции.

– Он тоже конфетка, ещё и такой сладенький и молоденький! Везёт же дурам! Почему ей всё и за что?

– А Ной не спит уже с ней?

– Нет, конечно! Она уже ему быстро надоела. Ты же его знаешь? Он никого не держит долго рядом с собой, от силы три-четыре дня! Ты помнишь Камилу? Он её прогнал на третий день! Мы её еле успокоили с девчонками, так она до сих пор сохнет по нему, а эта ведьма приехала с испанцем, а не с Ноем! Он её тоже выгнал!

– Эта Мара на меня сегодня как посмотрела своими безумными глазами, что я вся содрогнулась. Говорят, она колдунья какая-то. Кошмар, где они её нашли? В какой провинции?

– Она даже с нами за столом не захотела сидеть! Сидела, как пугало, на кресле со своим красавчиком греком!

– Ну вроде всё померила! Девчонки, пошли, нас мужчины ждут!

– Подождите! Я сниму этот балахон, он любит, когда нет ничего, чем что-то! Райан обещал прокатить на катере, пошли! – они, смеясь, убежали.

«О боже, какие тупые курицы!» – думала я над их разговорами и не заметила, как уснула от усталости. Мне опять снился один и тот же сон: зелёный луг, много полевых цветов, солнце и голубое бездонное небо. Я вижу своих деток. Они бегут ко мне с кудряшками и зовут меня. Я протягиваю к ним руки и улыбаюсь, и один из них падает в траву, а потом и второй. Я не вижу их и прихожу в ужас. Начинаю их искать и не нахожу. Меня душат слёзы. Открыв глаза, я резко села в кровати, как будто меня ударило током. Меня сразу насторожил этот сон, который снится перед чем-то плохим и неприятным, тем более моя интуиция ещё до яхты постоянно удерживала меня от чего-то неприятного. Меня даже кинуло в жар от этих мыслей, и я попила воды. На яхте стояла тишина, и на часах было два часа ночи. Я вышла из каюты. Внутри стояла мёртвая тишина. Все каюты были настежь открыты. Я даже не поняла, где все, но, решив, что все разъехались, поднялась наверх. На берегу я увидела свою «бэху», в которой сидел Крис и что-то смотрел в телефон, потому что освещалось его лицо.

«Странно, где все? Может быть, уехали куда-то?» – думала я, осматривая верхнюю палубу, на которой никого не находила. Проходя мимо кресел в задней части яхты, я увидела на полу полосу света и голос Саши. Он что-то тихо говорил кому-то. Это была каюта персонала, куда обычно не заходят гости. Я открыла дверь.

У меня сразу перехватило дыхание, и, казалось, оно совсем остановилось!

В совсем небольшой каюте, на диванчиках, между которыми стоял стол, сидели друг напротив друга Ной и Саша. На коленях Ноя, который был лишь в одних плавках, сидела та самая безобразная конопатая рыжуха с фигурой гусеницы в золотом купальнике bikini-set с тремя полосочками, едва прикрывая свои соски на отвисшей груди. Он придерживал её за талию и поил через трубочку коктейлем, а её голые ягодички потрясывались от смеха. Она обхватила его за шею, прижавшись к его голове. Абсолютно такая же картина была с Сашей. Он в одних плавках придерживал за оголённую ягодицу женщину, подружку рыжухи, с большим ртом, которая сидела у него на коленях в таком же купальнике bikini-set только чёрного цвета. Он также поил её через трубочку, только она положила свою голову ему на плечо.

Была весьма интимная, трогательная обстановка. Шла тихая беседа. И создавалось впечатление, что женщины сидели у мужчин на коленях после интимных игр, потому что все четверо были максимально расслаблены.

Я стояла и смотрела на них в полном оцепенении, закрыв рот двумя руками и с ужасом в глазах. Меня сразу окатило ледяной волной. Сердце заколотилось, как бешеный зверь в клетке. Реальность поплыла, исказилась, и в горле застрял крик, немой и беспомощный. Я замерла, воздух обжигал лёгкие, а в глазах плескался животный ужас. Дыхание сбилось, в висках застучало.

Двумя руками вцепившись в собственное лицо, я пыталась удержать в себе этот взрыв эмоций. Пальцы дрожали, а под ними пульсировал страх, первобытный, всепоглощающий. Всё вокруг померкло, остался только этот кошмар, эта невыносимая правда. И ноги сами понесли меня оттуда, где остановилось время.

«Бежать, бежать без оглядки! Разнести эту проклятую яхту в щепки, уничтожить источник этого кошмара!» – мои мысли превратились в хаос.

Все увидели меня и замерли, а я уже неслась всё громить и рушить. Я бежала, лишь бежала, сжигаемая изнутри яростью и отчаянием. В каждом шаге – взрыв, в каждом вздохе – проклятие. Куда глаза глядят, лишь бы подальше отсюда, лишь бы не видеть, не знать, не чувствовать... С этим ужасом в глазах я не знала, куда бежать. Я готова была разнести яхту, ну или взорвать, если не получится разнести. Моя реакция была как у быка на красную тряпку. Перед глазами стояла только красная пелена и ничего больше.

– Пошли вон! – рявкнул Ной подружкам, и они быстро убежали с яхты в купальниках бикини, сверкая оголёнными задницами.

Ной сразу побежал за мной. Как обезумевшая, я носилась по палубе, совершенно потеряв рассудок. Вслед за мной, пытаясь уследить, метались Саша с Ноем. В голове у меня стояли образы, смешавшиеся в нечто невообразимое: Ной с его рыжей бабой и Саша с такой же шлюхой на его коленях – были для меня воплощением ада.

Сперва я побежала вниз, в розовую комнату, взяла в охапку кучу вещей для гарема с трусами и купальниками, поднялась наверх и всё выбросила за борт. Побежала за другой партией, и опять всё плавало в воде. Потом в ход пошла вся косметика, фены, полотенца, которыми только что вытирались их женщины. Я всё сложила в большую корзину и тащила волоком наверх по лестнице.

Ной увидел мои старания и помог мне её затащить наверх, и даже помог вместе с корзиной всё выбросить в воду. Третий раз я уже искала глазами по розовой комнате и за её пределами, что можно ещё выбросить или хотя бы разбить. Я бегала и просто выла в небо, потому что не могла сказать ни одного слова. Я не могла остановиться совсем, продолжая метаться по нижней палубе, по каютам, нашла кучу разбросанных пледов, которые тоже вынесла на палубу, и они плавали на воде. Я бегала, как чертёнок, по палубе, с распущенными волосами, которые метались из стороны в сторону, закрывая мне лицо и лезли в рот. Я была мелкой фурией в широких штанах и лонгсливе, нагоняя ужас всем вокруг.

Ной упал на колени, протягивая мне руки и пытаясь что-то объяснить. Я не обращала на него внимания и продолжала чинить безумие. Поднялся на яхту Крис, не понимая, что происходит, слушал, смотрел и ждал команды. Мне казалось, Саша стоял и наслаждался моим состоянием и нашей предстоящей ссорой с Ноем в одних плавках и пластырем на боку.

«Возможно, он всё сам это спровоцировал!» – думала я на ходу.

На верхней палубе я собрала в кучу все цветы с вазами и конфетами, которые тоже улетели в воду. Следом полетели бутылки с шампанским, виски и пивом. Одну бутылку с шампанским я открыла, встряхнула и направила фонтаном на Ноя и Сашу. Пробка в кого-то из них точно попала в цель, потому что я слышала её щелчок. Шампанское полилось на их головы фонтаном.

Я обезумела настолько, что не понимала, кто я и человек ли вообще. Во мне враз проснулись все звери и животные, и каждый тянул меня в свою сторону. Я чувствовала, как кожа натягивается, словно собираясь лопнуть, как кости перестраиваются, трещит и корёжась от непривычной нагрузки. Память рассыпалась на осколки, в которых мелькали то оскальченный волк, то грация пантеры, то холодный взгляд змеи. Я пыталась ухватиться хоть за что-то человеческое, за слабое эхо своего прежнего «я», но звери во мне были голодны и сильны. Они требовали выхода, требовали свободы, требовали крови. Запах земли ударил в нос, и по телу пробежала дрожь. Хотелось бежать, охотиться, рычать на луну. Но где-то в самой глубине, заглушённая звериным хором, ещё теплилась искра сознания. И эта искра отчаянно цеплялась за жизнь, за надежду вернуть себе себя...

Я продолжала громить всё на яхте. Дальше последовало разноцветное мороженое в вазочках, которое тоже летело в головы предателей. Я продолжала метаться из стороны в сторону:

– Марина, прости меня! Я тебя люблю! – чуть не плача, умолял Ной и ползал за мной на коленях в одних плавках, а я, перепрыгнув через него, уже неслась к столикам, где стояли тарелки с фруктами. Сперва фрукты с моим рёвом зверя обрушились на Ноя. Видя ухмылочку Саши, я взяла ананас и швырнула в него, попав ему в грудь, потом закидала его апельсинами, и даже досталось Крису, который стоял в стороне и поймал один из них рукой. Я с ноги переворачивала все столы, стулья, кресла и шезлонги на палубе, пиная всё, что мне мешало и на что падал взгляд. Мой гнев был подобен цунами, сметающему всё на своём пути. Ветер хлестал по лицу, но я его не чувствовала. Только ярость клокотала внутри, подталкивая к еще большей разрушительной силе.

И лишь одно удерживало меня от полного уничтожения: где-то глубоко внутри, в самой тёмной бездне сознания, слабо теплилась мысль: «Что я делаю?». Крошечный, но упрямый росток сомнения пробивался сквозь бурю безумия, заставляя на мгновение остановиться и взглянуть на плоды моего разрушения. Но тут же ярость вновь захлестывала и волна разрушения постепенно останавливалась.

Я была в бешенстве и метала молнии, пока совсем не выдохлась. Обессиленная, остановилась, смотря в никуда. Открыв рот, я с трудом дышала, мотала головой и возмущалась. Моя волна забвения и полусна постепенно и верно накрывала меня. Я сразу почувствовала её пелену, и ярость медленно отступала, приводя меня в иное состояние: долгого, затяжного или вечного ступора. Я знала, что буду долго выходить из своего состояния, если вообще смогу выйти.

Яхта была перевернута вся, и на ней творился настоящий хаос. Я замерла, опустив беспомощно руки. Они висели, как плети.

Ной подполз ко мне на коленях:

– Марина, любимая, ничего же не было!

– Было, Ной, было, – посмотрела я на него, тихо отвечая.

– Я не изменял тебе! Ничего не было. Они просто сидели у нас на коленях, вот и всё! – умолял он меня.

– Да, Ной, они просто сидели, – я стала ещё громче повышать голос, переходя на крик, глядя ему в глаза, – но ты сам захотел и посадил её голую задницу к себе на колени, когда я спала вот за этой стеной на твоей чёртовой яхте! Ты сам её поил из своих рук коктейлем и хохотал вместе с ней, сам захотел потрогать её тело и не отрывал своей руки от её кожи, потому что хотел её пощупать, а до этого, скорее всего, оттрахал её, а буквально пару часов назад ты целовал мою грудь. Это и есть измена, Ной! Измена не у тебя в трусах, она в твоей голове, понимаешь? Вот здесь! Смотри сюда, урод, куда я показываю! – била я миллиардера по лбу со всей силы с новой волной ярости. – Да! Вот так просто, Ной! Представляешь? – Ной весь согнулся под моим натиском. С ним так никто и никогда не обращался.

Он взял мою руку, смотря на меня красными глазами. Я вырвала руку и дала ему пощёчину. На лице появились следы моих пальцев.

– Ты мне изменил! Ты понимаешь или нет?

– Марина, посмотри на меня! Я тебе клянусь! Любимая!

– Я не верю ни одному твоему слову! Ты мне изменил! Ты! Вот и всё! – отчеканила я ему, вскинув руки вверх. – Я ненавижу тебя! И никогда не подходи ко мне! – громко крикнула я ему в лицо и рукой отмахнула его голову в сторону.

– Мариночка! Поверь мне! – тянул он ко мне руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.